

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГИДРОМЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Кафедра _____ французского языка и литературы _____

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

На тему Средства выражения эмоций в романе Ж.Леви «Rien de grave» и особенности их
передачи при переводе на русский язык

Исполнитель _____ Разумейко Владимир Юрьевич _____
(фамилия, имя, отчество)

Руководитель _____ кандидат филологических наук, профессор _____
(ученая степень, ученое звание)

_____ Юрова Ирина Вячеславовна _____
(фамилия, имя, отчество)

«К защите допускаю»
Заведующий кафедрой _____
(подпись)

_____ кандидат филологических наук, профессор _____
(ученая степень, ученое звание)

_____ Юрова Ирина Вячеславовна _____
(фамилия, имя, отчество)

«13» июня 2017 г.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2017

Содержание:

Введение.....	3
Глава 1. Определение эмоций, способы их выражения в тексте и передача эмоций в переводе.....	6
1.1. Эмоции и их классификация.....	6
1.2. Способы выражения эмоций в тексте.....	10
1.3. Передача эмоций в переводе.....	14
1.4. Переводческие трансформации.....	16
Выводы по главе 1.....	22
Глава 2. Способы выражения эмоций в романе Жюстин Леви "Rien de grave".....	23
Выводы по главе 2.....	58
Заключение.....	60
Список использованной литературы.....	62
Приложение.....	69

Введение:

Поведение человека базируется на эмоциях, потому что они активизируют и организуют его восприятие и мышление. Эмоции выступают как катализатор, который помогает открыть завесу над непонятым, расширить кругозор, получить какие-либо новые навыки и знания. Таким образом, эмоции представляются нам своеобразным ядром для мотивации человека, поскольку они прямо влияют на наши мысли и поступки.

Речь в свою очередь находится в постоянной связи с интеллектуальной и эмоциональной деятельностью. Значение любого слова окружено эмоциональной атмосферой, которая зависит и изменяется вместе с её контекстом. Эмоции играют довольно важную роль в жизни человека, они связаны с любой его деятельностью, потому что именно в них выражается отношение человека к явлениям окружающей среды.

В. В. Виноградов пишет в своей работе, что «...история экспрессивных форм речи и экспрессивных элементов языка в ... языкознании малоизучена...» (9, с 70). В настоящее время, даже спустя 65 лет, лингвистика не очень сильно продвинулась в изучении этого вопроса. В работах 60-х и 70-х годов XX-го века постоянно подчеркивается малая изученность языковых средств вообще и выражение эмоций в частности.

Система языка даёт возможность выражать эмоции опосредовано или непосредственно. Ситуация, которая сложилась сегодня в сфере перевода художественной литературы, в частности перевода французских авторов на русский язык, требует выведения тех закономерностей между эмоциями и языком, которые необходимы для качественного перевода, а также формирования некоторых правил, которые могли бы помочь переводчикам при встрече с труднопереводимыми элементами.

Именно поэтому **цель настоящей работы** заключается в установлении лексических и синтаксических средств адекватной передачи

описаний и выражений эмоционального состояния персонажа в художественном переводе произведений современных франкофонных авторов на русский язык. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- найти лексические и синтаксические средства выражения эмоций, общие для русского и французского языков;
- найти лексические и синтаксические способы более точного перевода описаний эмоциональных состояний с французского языка на русский.

Объектом исследования выступает роман Жюстин Леви "Rien de grave", который в настоящее время ещё официально не переведён на русский язык.

Предметом исследования выступают лексические и синтаксические средства адекватной передачи на русский язык эмоциональной информации, которая содержится в анализируемых франкофонных текстах.

Актуальность данной работы заключается в необходимости более глубокого изучения выражения эмоций в практическом аспекте, а именно в переводе текстов с французского языка на русский. Помимо этого, актуальность обусловлена быстрым развитием межкультурной и межъязыковой коммуникации, которая определяет важность последующих исследований в области перевода.

Научная новизна исследования обусловлена сравнительным анализом средств выражения эмоций французского и русского языков на двух уровнях - синтаксическом и лексическом. Во время исследования устанавливается степень эквивалентности средств выражения эмоций в художественном переводе с французского на русский.

Теоретическая значимость работы состоит в том, что эмоции в тексте рассматриваются с точки зрения сравнительного языкознания и теории перевода. В данной работе показывается неравнозначность средств выражения эмоций во французском и русском языках.

Практическая ценность настоящей работы заключается в том, что её результаты могут применяться как в практике художественного перевода, так и в преподавании теории и практики перевода.

Результаты этого исследования были представлены на студенческой конференции Российского Государственного Гидрометеорологического университета 24 мая 2017 года в форме доклада.

Глава 1. Определение эмоций, способы их выражения в тексте и передача эмоций в переводе

1.1. Эмоции и их классификация

Одной из причин возникновения эмоций у человека считается необходимость сформировать социальную связь между родителями и ребёнком. Взрослый человек выступает носителем всех когнитивных, социальных и физиологических навыков, которые необходимы для выживания младенца.

Другой причиной возникновения эмоций является потребность людей в коммуникации. До того, как ребёнок начинает понимать человеческую речь и учится говорить, он уже имеет возможность доносить до окружающих информацию о своём состоянии при помощи эмоций: мимика, крики и т.п.

Эмоция мотивирует человека, организует и направляет его восприятие, мышление и деятельность. Она активизирует энергию, которая в отдельных случаях воспринимается субъектом как намеренность к совершению какого-либо действия.

П. В. Симонов в своей работе "Темперамент. Характер. Личность" отмечает, что эмоции оценивают события внешнего мира и соотносят их с потребностями организма, поскольку важно только то, что либо способствует, либо препятствует удовлетворению человеческих потребностей. П. В. Симонов называет их своеобразной "валютой" мозга, сравнивая эмоции с термином цены в экономике, поскольку она появляется только в тех случаях, когда есть спрос и предложение. Таким образом, роль эмоций не сводится к простому сигнализированию полезного или вредного. Эмоции дают возможность выяснить, что и в какой мере представляется наиболее важным для человека и требует первоочередного удовлетворения (46, с. 16).

Многообразные регуляторные функции эмоций обусловлены их отражательно-оценочной функцией и вытекают из неё. Уменьшение

отрицательных эмоций и увеличение положительных организуют поведение в системе координат "потребность - возможность её удовлетворения". П. В. Симонов говорит о том, что разные, часто противоречащие одна другой потребности, трансформируясь в конкретные поступки, конкурируют друг с другом не сами по себе, а с участием порождаемых ими эмоций, иными словами с учётом той или иной перспективы их удовлетворения (46, с. 16).

Помимо этого, Симонов говорит о зависимости эмоций не только от величины и силы потребности, но и от вероятности её удовлетворения и подчёркивает, что вероятность достижения цели подчас в решающей степени зависит от действий самого субъекта. Иногда человек бурно переживает отрицательную эмоцию, порождённую низкой вероятностью удовлетворения имеющейся у него потребности и вместе с тем он ничего не предпринимает, чтобы изменить эту ситуацию. Такие случаи подтверждают тот факт, что для трансформации мотива необходим некий дополнительный механизм, который принято называть волей (46, с.16-17).

Традиционно эмоции делятся на положительные и отрицательные и на позитивные и негативные. Эта классификация требует некоторого уточнения, так как все эти понятия: "положительный", "отрицательный", "позитивный" и "негативный" могут трактоваться по-разному, поскольку, например, эмоция гнева может помочь человеку выжить в определённых ситуациях.

Кэррол Изард в своей работе "Психология эмоций" говорит, что "правильнее считать, что существуют такие эмоции, которые способствуют повышению психологической энтропии, и эмоции, которые, напротив, облегчают конструктивное поведение. Такой подход позволяет отнести ту или иную эмоцию в разряд позитивных или негативных в зависимости от того, какое воздействие она оказывает на внутриличностные процессы и процессы взаимодействия личности с ближайшим социальным окружением при учете более общих этологических и экологических факторов" (40, с. 18-20). Поэтому традиционно относимый к разряду негативных эмоций страх чаще всего действительно имеет вредные последствия. Но такая

«позитивная» эмоция, как любопытство, может сопутствовать самым разным видам деятельности – от сексуального насилия до художественного творчества. Тем не менее, используют по отношению к эмоциям термины «позитивная» и «негативная», чтобы отнести ту или иную эмоцию к одному из соответствующих классов, в зависимости от степени нежелательности вызываемых ею последствий (40, с. 5-30).

Разнообразие проявления эмоций исключает возможность простой линейной классификации. Именно поэтому, существует множество различных классификаций, которые зависят от того, что сам автор вкладывает в понятие "эмоции".

Одни ученые признают существование базовых эмоций, другие полагают, что человек составляет эмоции самостоятельно из своего жизненного опыта, что эмоция является продуктом культуры, социализации и обучения.

Таким образом, разные авторы выделяют разное число базовых эмоций. Согласно Полу Экману, их шесть: удовлетворение, интерес, удивление, печаль, гнев и страх (55, с. 30). К. Изард в свою очередь выделяет 9 фундаментальных эмоций: интерес, радость, удивление, горе, гнев, отвращение, презрение, страх, стыд (40, с. 54).

Интерес (рассматриваемый как эмоция) — это положительное эмоциональное состояние, которое способствует совершенствованию навыков и умений, а также приобретению новых знаний.

Радость рассматривается как положительное эмоциональное состояние, которое связано с возможностью достаточно полно удовлетворить какую-либо потребность, вероятность чего была либо маленькой, либо неопределённой.

Удивление это эмоция, которая не имеет четко выраженного положительного или отрицательного знака. Она является реакцией на спонтанно возникшие обстоятельства или действия. Удивление тормозит все

предыдущие эмоции, направляя внимание на объект, который его вызвал, и может переходить в интерес.

Страдание по мнению К. Изарда считается отрицательным эмоциональным состоянием, связанным с полученной достоверной или кажущейся таковой информацией о невозможности удовлетворения важнейших жизненных потребностей, которое до этого момента представлялось более или менее вероятным, чаще всего протекает в форме эмоционального стресса.

Гнев — эмоциональное состояние, отрицательное по знаку, как правило, протекающее в форме аффекта и вызываемое внезапным возникновением серьезного препятствия на пути удовлетворения исключительно важной для субъекта потребности.

Отвращение — отрицательное эмоциональное состояние, вызываемое объектами (предметами, людьми, обстоятельствами), соприкосновение с которыми (физическое взаимодействие, коммуникация в общении и пр.) вступает в резкое противоречие с идеологическими, нравственными или эстетическими принципами и установками субъекта. Отвращение, если оно сочетается с гневом, может в межличностных отношениях мотивировать агрессивное поведение, где нападение мотивируется гневом, а отвращение — желанием избавиться от кого-либо или чего-либо.

Презрение — отрицательное эмоциональное состояние, возникающее в межличностных взаимоотношениях и порождаемое рассогласованием жизненных позиций, взглядов и поведения субъекта с жизненными позициями, взглядами и поведением объекта чувства. Последние представляются субъекту как низменные, не соответствующие принятым нравственным нормам и эстетическим критериям.

Страх — отрицательное эмоциональное состояние, появляющееся при получении субъектом информации о возможной угрозе его жизненному благополучию, о реальной или воображаемой опасности. В отличие от эмоции страдания, вызываемой прямым блокированием важнейших

потребностей, человек, переживая эмоцию страха, располагает лишь вероятностным прогнозом возможного неблагоприятия и действует на основе этого (часто недостаточно достоверного или преувеличенного прогноза).

Стыд — отрицательное состояние, выражающееся в осознании несоответствия собственных помыслов, поступков и внешности не только ожиданиям окружающих, но и собственным представлениям о подобающем поведении и внешнем облике (76).

Помимо этого, эмоции можно классифицировать по тону, поскольку все они делятся на положительные и отрицательные. В таком случае количество отрицательных эмоций значительно превышает положительные.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что речь идёт не о какой-либо единой классификации, которые описывают все эмоции, но о множестве классификаций, каждая из которых выделяет какой-либо признак, в зависимости от которого группируются эмоции. Такими признаками выступают причины, вызывающие эмоции, переживания, интенсивность и устойчивость и влияние эмоций на поведение и деятельность человека (45, с. 148).

1.2. Способы выражения эмоций в тексте

Эмоциональность является универсальной характеристикой речи и эмотивные компоненты в той или иной степени присутствуют в любом высказывании. В основе лингвистической категории эмотивности лежит категория оценки, включающая в себя неразрывное единство рационального и эмоционального (3, с. 9).

А. В. Кинцель в своей работе "Психолингвистическое исследование эмоционально-смысловой доминанты как текстообразующего фактора" говорит, что изучение способов, которые могут адекватно передать эмоциональную составляющую текста имеет большую важность для оптимизации межкультурного общения. Письменная коммуникация представляется одной из форм межкультурного общения, которая сейчас

считается одной из наиболее распространённых. Неотъемлемое свойство текста состоит в том, что он способен вызывать у слушателя или читателя какие-либо эмоции. Эти эмоции, скрытые в тексте, выражаются на всех уровнях языка: на фонетическом, лексическом, морфологическом, синтаксическом, грамматическом и стилистическом (41, с. 31; 53, с. 384).

Кроме того, основной эмоциональный смысл можно выявить у текста в целом на уровне семантики. Умение определить и проанализировать языковые средства, при помощи которых текст обретает определённую эмоциональную окраску, а также приобрести те навыки и приёмы, которые позволяют создать тот или иной эмоциональный эффект, считается особенно важным для лингвиста (41, с. 31-32).

А.В. Кинцель также замечает, что эмоциональность художественного текста заключается в ведущем мотиве, так называемой доминантной эмоции, которая выражается различными языковыми средствами. В художественном тексте фиксирована эмоция, соотнесённая с эстетическим идеалом автора (41, с. 34).

Эмоции также являются внутренним средством связи текста, поскольку они не только мотивируют познавательную деятельность, но и участвуют в процессах смыслообразования, чем и обеспечивают единство текста.

М.В. Архипецкая утверждает, что отрицательные эмоции (а также, отчасти, и удивление) являются результатом определенной неудовлетворенности говорящего субъекта, поэтому больше нуждаются в языковом выражении, и, следовательно, более многообразны.

При рассмотрении вопроса об универсальности/специфичности средств выражения эмоций в разных языках целесообразно различать эмоциональное состояние (гнев, удивление, радость) и эмоциональное значение (ирония, насмешка, недовольство и т.п.). До сих пор принято было считать, что средства выражения эмоциональных состояний обладают большей степенью универсальности, то есть имеют схожие просодические характеристики в разных языках, тогда как выражение эмоциональных значений обладает

яркой языковой спецификой и не имеет прямых эквивалентов в другом языке. Однако существуют достоверные экспериментальные исследования интонации эмоциональной речи на материале различных языков, доказывающие специфичность интонационных средств выражения эмоциональных состояний (3, с. 11).

К вербальным способам выражения эмоций относятся: лексические способы, морфологические, грамматические, стилистические, синтаксические, изобразительно-выразительные средства, речевые интонации.

1. Лексические способы выражения эмоций. В составе эмоциональной лексики выделяют 3 группы (53, с. 57-59; 45, с. 149-150):

а. Слова, содержащие оценку фактов, явлений, признаков, дающие однозначную характеристику людей. Такие слова не употребляются в переносном значении.

Например: добрый, милый, хороший.

б. Многозначные слова, получившие эмоциональную окраску при переносном употреблении. Так о человеке, определяя его характер, можно сказать: тряпка, тюфяк (эмоция пренебрежения).

в. Слова, передающие различные оттенки эмоций.

Например: грустный, меланхоличный, мрачный.

2. Грамматические способы.

К таким способам относят в основном использование грамматических времен для выражения эмоций.

Например: "Qu'il crève!" в данном случае использовано сослагательное наклонение *subjonctif*, чтобы подчеркнуть эмоцию гнева.

3. Стилистические способы, подразумевающие использование различных стилистических приемов (37, с. 129 - 149, 45, с. 149). К ним относятся: метафора, образное сравнение, метонимия, анафора, градация и другие фигуры речи.

Например:

а) Je ne regarderai ni l'or du soir qui tombe - метафора, в которой закат назван "золотом вечера".

б) Ses cheveux sont blancs comme neige - образное сравнение, в котором волосы сравниваются со снегом.

4. Синтаксические способы.

Выражение эмоций в этом случае возможно через обособленные, вводные конструкции, сложноподчиненные предложения с придаточными изъяснительными, придаточными обстоятельственными, бессоюзные сложные предложения с обстоятельственным значением (45, с. 149).

Например: Quarante ans ici! Comme vous avez dû être heureux! - использование восклицательных предложений для выражения эмоции удивления.

5. Речевая интонация.

Художественная речь, вследствие своей эмоциональной образности, требует для раскрытия всех особенностей содержания не только правильной расстановки логических акцентов, но и постановки дополнительных акцентов, имеющих эмоционально-выразительное значение. Риторические вопросы, восклицания и обращения делают речь более эмоционально-выразительной. Знаки препинания в предложениях с прямой речью служат для выражения эмоциональной окрашенности слов автора (45, с. 149).

М. В. Архипецкая в своей работе "Интонационные фразеологизмы: функционирование и восприятие" даёт определение интонационных фразеологизмов, коммуникативное значение которых формируется исключительно за счёт интонационных средств, например: "Ничего себе!" выражает удивление, "А ты как думал!" - согласие или подчёркнутое утверждение и так далее.

Эти единицы относятся именно к фразеологизмам, поскольку они обладают всеми категориальными признаками фразеологизмов: устойчивостью, воспроизводимостью в готовом виде, общеизвестностью,

экспрессивностью, особенностью семантики (то есть, невыводимостью общего значения из значений составляющих компонентов высказывания), а также яркой языковой спецификой, находящей, в частности, своё отражение в трудностях при переводе на другие языки.

Интонационные фразеологизмы отличаются от лексических так же и тем, что они обладают большей "нагруженностью" интонационного контура и, соответственно, своеобразной "опустошенностью" лексико-грамматического наполнения. Помимо этого интонационные фразеологизмы отличаются от лексических наличием нескольких эмоциональных оттенков основного смысла (порой вплоть до появления противоположного по эмоциональному знаку значения). Например, "Ну да" может иметь значение: а) согласия, б) недоверия, в) несогласия (18, с. 45).

1.3. Передача эмоций в переводе

Одна из важнейших задач переводчика состоит в том, чтобы наиболее полно передать содержание оригинала. В своей работе "Теория перевода (лингвистические аспекты)" В. Я. Комиссаров говорит о том, что следует различать потенциально достижимую эквивалентность, под которой понимается максимальная общность содержания двух разноязычных текстов, допускаемая различиями языков, на которых созданы эти тексты, и переводческую эквивалентность - реальную смысловую близость текста оригинала и перевода, достигаемую переводчиком в процессе перевода. Пределом переводческой эквивалентности является максимально возможная (лингвистическая) степень сохранения содержания оригинала, но в каждом отдельном переводе смысловая близость к оригиналу в разной степени и разными способами приближается к максимальной (22, с. 51).

Экспрессивная эквивалентность обеспечивается адекватной передачей экспрессивно-эмотивной коннотации текста. Переводчик при этом

соизмеряет экспрессивность конечного и исходного текстов, учитывая, что внешне однотипные средства языка подлинника и языка перевода иногда резко отличаются друг от друга по степени экспрессивности. Отсюда следует, что механическое копирование стилистических средств подлинника не ведет к достижению требуемого коммуникативного эффекта (23, с. 147).

В. С. Виноградов в своей работе "Введение в переводоведение" пишет, что эмоционально-экспрессивная (стилистическая, коннотативная) информация, содержащаяся в тексте выражает человеческие чувства и эмоции. Само содержание семантической информации может оказывать эмоциональное воздействие на реципиента, но это еще не значит, что в нем, в этом содержании, есть эмоционально-экспрессивная информация (25, с. 56).

Также В. С. Виноградов приводит следующий пример: если Оля, любящая Колю, вдруг получит телеграмму с лаконичным сообщением «Коля умер», то, хотя в этих двух словах, нет никакой эмоциональной информации, а только смысловая, все равно они могут вызвать эмоциональный шок у Оли. Другое дело, если в телеграмме будет написано Коля «подох», или «окочурился», или «скапустился», или «загнулся». В таком известии будет передана та же смысловая, но иная эмоционально-экспрессивная информация, которая по сути своей всегда характеристична. Она как бы оценивает предмет мысли, отраженный в денотативном содержании слова, и обычно сопутствует этому содержанию, сосуществует с ним. В каждом синонимическом ряду лишь одно-два слова эмоционально нейтральны, «эмоционально бессодержательны», остальные передают и смысловую информацию и эмоционально-экспрессивную. Функция последней заключается как в выражении модальности, эмоций того, кто говорит или пишет, так и в эмоциональном воздействии на реципиента (25, с. 56-57).

1.4. Переводческие трансформации

Достижение переводческой эквивалентности, вопреки расхождениям в формальных и семантических системах двух языков, требует от переводчика прежде всего умения произвести многочисленные и качественно разнообразные языковые преобразования - так называемые переводческие трансформации - с тем, чтобы текст перевода с максимально возможной полнотой передавал всю информацию, заключенную в исходном тексте, при строгом соблюдении норм ПЯ.

В целях удобства описания все виды преобразований обычно сводятся к следующим: перестановки, замены, добавления, опущения.

1.4.1. Перестановка - это изменение расположения (порядка следования) языковых элементов в тексте перевода по сравнению с текстом подлинника. Элементы, которые могут подвергаться перестановке, - это слова, словосочетания, части сложного предложения и самостоятельные предложения в строе текста.

Например: Les capacites parasites diminuent quand la taille des elements et la longueur des connexions diminuent, d'ou l'intéret des circuits integres. - Интерес к интегральным схемам вызван тем, что с уменьшением величины составных элементов и длины межсоединений уменьшается величина паразитных ёмкостей.

1.4.2. Замена. В процессе перевода замене могут подвергаться как грамматические единицы (формы слов, части речи, члены предложения, типы синтаксической связи и т.д.), так и лексические, т.е. замены могут быть грамматические, лексические и комплексные лексико-грамматические.

а) Синтаксические замены в сложном предложении. В строе сложного предложения наиболее часто наблюдаются следующие виды синтаксических трансформаций:

- замена простого предложения сложным;

- замена сложного предложения простым;
- замена главного предложения придаточным;
- замена придаточного предложения главным;
- замена подчинительной связи сочинительной;
- замена сочинительной связи подчинительной;
- замена союзного типа связи бессоюзным;
- замена бессоюзного типа связи союзным.

Замена простого предложения сложным часто вызывается грамматическими причинами - структурными расхождениями между предложениями ИЯ и ПЯ. Эта трансформация часто необходима для передачи французских предикативных конструкций с неличными формами глагола, не имеющих прямых соответствий в русском языке.

б) Лексическая замена.

При лексических заменах происходит замена отдельных конкретных слов и словосочетаний ИЯ словами или словосочетаниями ПЯ, которые не являются их словарными соответствиями, то есть имеют иное лексическое значение, нежели слова ИЯ.

Например: Le chef d'atelier est prié de se présenter a l'administration. - Начальника цеха просят зайти в администрацию.

Особенности контекста могут вынудить переводчика отказаться в переводе от применения даже вариантного соответствия, не говоря уже об эквивалентном соответствии.

В подобном случае он подыскивает вариант перевода, подходящий лишь для данного конкретного случая. Такой вариант перевода называется контекстуальной заменой.

Характер контекстуальной замены целиком зависит от особенностей индивидуального контекста, и переводчику приходится каждый раз искать особые пути перевода. Эта задача требует творческого решения, и в большинстве случаев переводчик может руководствоваться лишь общими

принципами перевода. Поэтому не представляется возможным вывести правила создания контекстуальных замен для всех или, по крайней мере, для большинства случаев.

Тем не менее, имеется ряд переводческих приемов, используемых, в основном, для создания контекстуальных замен. Переводческая практика выработала шесть таких приемов:

1.4.2.1. Прием конкретизации.

Конкретизация представляет собой замену слова ИЯ с более широким значением словом ПЯ с более узким значением. Конкретизация может быть языковой и контекстуальной. При языковой конкретизации замена слова с широким с широким значением словом с более узким значением обуславливается расхождениями в строе 2-х языков - либо отсутствием в ПЯ лексической единицы, имеющей столь же широкое значение, что и передаваемая единица ИЯ, либо расхождениями в их стилистических характеристиках, либо требованиями грамматического порядка, в частности, замены именного сказуемого глагольным.

Например: Il va a l'usine. - Он идёт на завод.

Il va a Paris. Он едет в Париж.

Чаще всего при переводе глагола "aller" на русский язык необходимо использовать прием конкретизации, поскольку во французском языке он имеет более абстрактное значение.

1.4.2.2. Прием генерализации.

Генерализацией называется явление, обратное конкретизации. Это замена слова ИЯ, имеющего более узкое значение, словом ПЯ с более широким значением.

Например, слова *foret*, *perçoir*, *perforateur*, *perforeuse* могут быть переведены одним словом – сверло.

1.4.2.3. Прием антонимического перевода.

Под этим названием в переводческой литературе известна широко распространенная комплексная лексико-грамматическая замена, сущность которой заключается в трансформации утвердительной конструкции в отрицательную или наоборот, сопровождаемой заменой одного из слов переводимого предложения ИЯ на его антоним в ПЯ.

Например: Ce n'était certainement pas dans les installations de carriers et de sablières que ces dispositifs étaient plus rares, bien au contraire. - Именно на установках песчаных и других карьеров эти приспособления использовались особенно часто.

1.4.2.4. Прием компенсации

Прием компенсации применяется в том случае, когда то или иное языковое явление не может само по себе быть передано в языке перевода. В этом случае, компенсируя потерю, возникающую в переводе оттого, что та или иная языковая единица ИЯ осталась непереуведенной адекватно, переводчик передает ту же самую информацию каким-либо другим средством, причем не обязательно в том же самом месте текста, что в подлиннике.

Например: C'est affreux! - Страшное дело!

Компенсация используется особенно часто там, где необходимо передать чисто языковые особенности подлинника (диалектизмы, индивидуальные особенности речи, неправильные языковые формы, каламбур, игру слов т т.п.), которые не всегда имеют непосредственные соответствия в языке перевода.

При переводе контаминированной, то есть неправильной речи, переводчик не должен быть связан применением именно той категории средств, какими пользуется иностранный автор. Переводчик имеет право заменять одни языковые средства другими (грамматические - лексическими,

фонетические - грамматическими и т.д. в соответствии с нормами контаминации русской речи).

1.4.2.5. Прием смыслового развития (модуляция)

Смысловое развитие при переводе заключается в том, что в переводе используется слово или словосочетание, значение которого является логическим развитием значения переводимой единицы.

Смысловое развитие означает отход от прямого словарного соответствия данному слову или словосочетанию. Таким образом, принципиально смысловое развитие не отличается от более простых приемов лексической трансформации, конкретизации и генерализации. Различие здесь только в характере и степени сложности приема.

Необходимо иметь в виду, что смысловое развитие всегда относится не к отдельно взятому слову, а, по меньшей мере, к словосочетанию или смысловой группе.

Наиболее часто значения таких слов и словосочетаний в подлиннике и в переводе бывают связаны причинно-следственными отношениями. При этом замена причины явления его следствием (или наоборот) отнюдь не нарушает точности перевода, а, напротив, является наилучшим, а порой и единственным способом адекватной передачи содержания подлинника.

Например: Les semi-conducteurs sont très aptes a jouer le role des relais. - Полупроводниковые приборы могут успешно использоваться в качестве реле.

1.4.2.6. Прием целостного переосмысления

Когда при переводе словосочетания, смысловой группы или предложения не представляется возможным оттолкнуться от словарных соответствий или контекстуальных значений отдельных слов, но необходимо понять смысловое значение всего переводимого целого и «перевыразить» его

по-русски словами, иногда очень далекими от слов подлинника, прибегают к приему целостного переосмысления. Это один из самых трудных приемов трансформационного перевода. Самое широкое применение этот прием находит при переводе фразеологии, которая отражает специфику французского живого разговорного языка.

Например: *La belle histoire*. Большое дело. Подумаешь.

1.4.3. Добавления.

Причины, вызывающие необходимость лексических добавлений в тексте перевода, могут быть различны. Наиболее обычная из них - формальная невыраженность семантических компонентов словосочетания в ИЯ.

Например: *préfabrication* - предварительное изготовление.

1.4.4. Опускания.

Это явление, прямо противоположное добавлению. В ряде случаев переводчик бывает вправе делать некоторые опущения, если это необходимо для того, чтобы избежать нарушения лингвистических или стилистических норм русского языка. Однако каждый пропуск должен быть оправданным. Нельзя злоупотреблять этим правом и опускать все то, что трудно для перевода.

При переводе опущению подвергаются чаще всего слова, являющиеся семантически избыточными, т.е. выражающие значения, которые могут быть извлечены из текста и без их помощи. Одним из примеров избыточности является употребление так называемых парных синонимов - параллельно употребляемых слов одинакового или близкого референциального значения, объединенных союзом.

Например: *Le chevalement ou derrick* permet la descente et la remontée des tiges. - Буровая вышка обеспечивает спуск и подъём штанг.

Выводы по главе 1

В этой главе были рассмотрены определение эмоций и их функции, предлагаемые разными учёными, и пришли к выводу, что они мотивируют человека, организуют и направляют его восприятие, мышление и деятельность.

Эмоции оценивают события внешнего мира и соотносят их с потребностями организма, поскольку важно только то, что либо способствует, либо препятствует удовлетворению человеческих потребностей. Эмоциональность является универсальной характеристикой речи и эмотивные компоненты в той или иной степени присутствуют в любом высказывании.

Эмоции также являются внутренним средством связи текста, поскольку они мотивируют познавательную деятельность и участвуют в процессах смыслообразования, чем и обеспечивают единство текста.

Разнообразие проявления эмоций исключают возможность простой линейной классификации. Именно поэтому существует множество их различных классификаций.

В данной работе будет использоваться классификация Кэролла Изарда, которая включает в себя 9 фундаментальных эмоций: интерес, радость, удивление, горе, гнев, отвращение, презрение, страх, стыд.

В тексте эмоции могут выражаться на всех уровнях языка: фонетическом, морфологическом, лексическом, стилистическом, грамматическом, синтаксическом и др.

Одной из важнейших задач переводчика состоит в том, чтобы наиболее полно передать содержание оригинала. Экспрессивная эквивалентность обеспечивается адекватной передачей экспрессивно-эмотивной коннотации текста. Эмоционально-экспрессивная (стилистическая, коннотативная) информация, содержащаяся в тексте выражает человеческие чувства и эмоции. Её функция состоит как в выражении модальности, эмоций того, кто говорил или пишет, так и в эмоциональном воздействии на реципиента.

Глава 2. Способы выражения эмоций в романе Жюстин Леви "Rien de grave"

2.1. Материал и методика исследования

2.1.1. Материал исследования

Чтобы выявить, каким образом во французском художественном тексте выражаются эмоции, а также чтобы выявить возможности их передачи на русский язык, был сделан перевод романа Жюстин Леви "Rien de Grave" ("Ничего особенного"), объём которого составляет 240735 знаков с пробелами. Затем были проанализированы две первых главы оригинала и его перевода, объёмом 20361 знаков с пробелами.

В целом можно сказать, что в романе преобладают эмоции печали, презрения и страдания, поскольку главная героиня романа Луиза попала в сложную жизненную ситуацию: её мать больна раком, любимая бабушка умерла, молодой человек, из-за которого она стала употреблять наркотики, ушёл от неё к любовнице своего отца.

2.1.2. Методика исследования

В ходе исследования мы проанализировали две первые главы оригинала с точки зрения способов выражения эмоций на лексическом, грамматическом, стилистическом и синтаксическом уровнях, а также разобрали, какие переводческие трансформации можно использовать для передачи эмоций в переводе французского художественного текста на русский язык.

2.2. Анализ фрагмента романа Жюстин Леви "Rien de Grave"

Анализ фрагмента романа Жюстин Леви "Rien de grave" с точки зрения способов выражения эмоций позволил определить наиболее частотные из них.

2.2.1. Среди лексических способов выражения эмоций были встречены следующие случаи:

2.2.1.1. Автор использовал 101 слово и словосочетание, содержащие оценку фактов, явлений, признаков, дающие однозначную характеристику героев. Самые яркие из них представлены в следующей таблице:

Таблица 1

Слова и словосочетания, содержащие оценку фактов, явлений, признаков, дающие однозначную характеристику героев			
№	Слово\ Выражение	Кол-во	Перевод
1	Enorme	1	Огромный
2	Mignon	1	Милый
3	La plus jolie	1	Самая замечательная
4	Un peu à contretemps	1	Немного некстати
5	Bizarre	1	Станный
6	Content	6	Счастливый
7	Fier	1	Гордый
8	Insolent	1	Дерзкий
9	Bel	1	Прекрасный
10	Grand	1	Безграничный
11	Pas sérieux	1	Не серьёзно

12	Sérieux	1	Серьёзно
13	Ultrasérieusement	1	Суперсерьёзно
14	Bébé	3	Малышка
15	Rassurant	1	Успокаивающий
16	Enveloppant	1	Обволакивающий
17	Faible	1	Слабый
18	Sonné	2	Ошарашенный \ растерянный
19	Trop brisé	1	Слишком разбитый
20	Fine	1	Изящный
21	Chic	2	Шикарный
22	Vilaine	1	Скверный
23	Compacte	1	Тесный
24	Reniflant	1	Вонючий
25	Trop anesthésié	1	Выпивший слишком много успокоительного
26	Contracté	1	Напряжённый
27	Terreux	1	Ужасный
28	Un peu court	1	Коротковатый
29	Violacé	1	Посиневший
30	Gros	1	Большой
31	Clinquante	1	Напыщенный

32	Cher	1	Дорогой
33	Ascendant-descendant	1	Внимательный
34	Tuméfié	1	Опухший
35	Désespéré	1	Отчаявшийся
36	Détruit	1	Разбитый
37	Que je ne connais pas	1	Незнакомый
38	Éploré	1	Заплаканный
39	Entassé	1	Нагромождённый
40	Exeptionnel	1	Исключительный
41	Gentil	2	Милый
42	Maladroit	1	Неуместный
43	Tendre	1	Нежный
44	Coupable	2	Виновный
45	Petit	2	Маленький
46	Sec	1	Каменный
47	Méchamment	1	Зло
48	Pauvre	1	Бедный
49	Triste	1	Грустный
50	En paix	1	Спокойный
51	Largué	1	Брошенный
52	Quitté	1	Покинутый
53	Jeté	1	Выброшенный
54	En douce	1	Под шумок
55	Tiède	1	Тёплый
56	Rassurant	1	Утешительный
57	Un tout petit peu	2	Маломальский
58	Conscientieux	1	Уверенный
59	Exclusif	1	Эксклюзивный
60	Super	2	Супер

61	Unique	1	Уникальный
62	Énorme	2	Огромный
63	Gonflé	1	Распухший
64	Lâche	1	Большой
65	Décidé	2	Решительный
66	Précipité	1	Торопливый
67	Exprès	1	Намеренно
68	Cinglé	1	Сумасшедший
69	Présant	1	Чуткий
70	Drôlement heureux	2	Очень счастливый
71	Drôlement courageux	1	Очень отважный
72	Courageux	1	Отважный
73	Fatigué	2	Уставший
74	Formidable	1	Потрясающий
75	Miraculeux	1	Чудесно
76	Fiévreux	1	Лихорадочный
77	Conventionnel	1	Придерживающийся условностей
78	Déterminé	1	Решительный
79	Sûre	1	Уверенный
80	Fort	1	Сильный
81	Vulgaire	1	Чернь
82	Affreux	1	Паршивец
83	Tranquille	1	Спокойный
84	Intelligent	1	Умный
85	Drôle	1	Смешной
86	Poli	1	Вежливый
87	Bien élevé	1	Хорошо воспитанный
88	Original	1	Оригинальный

89	Util	1	Полезный
90	Humilié	1	Оскорблённый
91	Mortifié	1	Униженный
92	Monstrueux	1	Ужасный
93	Con de chat	1	Долбаный кот
94	Heureux	1	Счастливый
95	Débile	1	Дебильный
96	Hideux	1	Уродливый
97	Idiot	1	Идиот
98	Jaloux	1	Ревнивый
99	Vexé	1	Оскорблённый
100	Buté	1	Упрямый
101	Méchant	1	Злой

Исходя из всего вышперечисленного можно заметить, что в большинстве случаев был осуществлён дословный перевод слов и словосочетаний, например, méchant - злой, jaloux - ревнивый, heureux - счастливый и так далее. Тем не менее, из 101 единицы, которые встретились в тексте, в 11 случаях были использованы переводческие трансформации:

а) В переводе словосочетания "...des tas de gens que je ne connais pas..." был использован приём синтаксической замены и это подчинённое предложение было переведено одним прилагательным: "...толпы незнакомых мне людей...".

б) В тексте встретилось предложение "...deux imbéciles contents et fiers de leur bel amour...", которое в русском варианте звучит так: "...два дурака, которые счастливы и гордятся своей прекрасной любовью..." При переводе прилагательного "fier" была использована грамматическая замена, и это слово было передано на русский язык глаголом "гордиться". Это позволило

сохранить эмоцию радости, заложенную в оригинал, и не нарушить нормы русского языка.

в) При переводе фразы "...ah on va leur balancer notre grand amour à la gueule..." был использован приём грамматической замены, и выражение "balancer à la gueule" было передано на русский глаголом "охреть", в результате чего получилось такое предложение: "...ах, они охренеют от нашей безграничной любви..." Таким образом на русский язык была передана эмоция радости и сохранён сниженный стиль лексики оригинала.

г) При передаче предложения "Il porte une grosse montre, clinquante comme en portent les Importants..." на русский язык был использован приём перестановки, чтобы сохранить правильный порядок прилагательных, поскольку в противном случае предложение звучало бы странно, и в переводе получено такое предложение: "Он носит большие напыщенные часы, как те, что носят Важные Шишки..."

д) При переводе прилагательного "triste" в предложении "Ma grand-mère est morte, mais je suis si tuméfiée à l'intérieur, désespérée, détruite que je ne suis pas triste, et je ne pleure pas" был использован приём грамматической замены, и на русский язык его значение было передано глаголом "грустить", в результате чего было получено следующее предложение: "Бабушка умерла, но внутри я настолько опухшая, отчаявшаяся и разбитая, что не грущу и не плачу".

е) Что касается прилагательного "petite" в предложении "Elle était si triste, la pauvre petite Louise", то при его передаче на русский язык был также использован приём грамматической замены, и его значение передано существительным "малышка". Помимо этого при переводе этого предложения был использован приём перестановки частей предложения: "Бедная малышка Луиза, она была такой грустной".

ж) В случае с прилагательным "conventionnel" пришлось, наоборот, использовать приём конкретизации и перевести его словосочетанием "придерживающийся условностей", поскольку это слово полисемично. В

оригинальном тексте его значение было понятно из контекста, поэтому в переводе было использовано однозначное словосочетание.

з) В тексте встретилось словосочетание "trop anesthésié", которое не имеет дословного эквивалента в русском языке, поэтому мы использовали приём смыслового развития и в переводе оно было передано его словосочетанием "выпивший слишком много успокоительного". Это позволило полностью сохранить смысловое значение оригинального выражения.

и) Словосочетание "un peu court" мы перевели одним словом "коротковатый" используя грамматическую замену, поскольку такая форма прилагательного в русском языке передаёт как значение выражения "un peu" - немного, так и самого прилагательного "court" - короткий.

к) Что касается словосочетания "ascendant-descendant", которое в тексте используется для определения взгляда, которым один герой смотрит на другого, то в переводе мы передали его словом "внимательный", потому что во-первых, в русском языке нет точного эквивалента этого словосочетания, а во-вторых, при его переводе мы ориентировались на контекст, и это прилагательное показалось нам наиболее подходящим, поскольку оно передаёт эмоцию презрения, которую вложил автор в оригинальный текст.

л) При переводе словосочетания "un tout petit peu" в предложении "Je voudrais bien, ce jour-là, avoir un tout petit peu envie de pleurer, un tout petit peu envie d'y croire, mais non..." мы использовали приём грамматической замены и сначала выразили это выражение одним словом - "маломальский", а затем словосочетанием "совсем крошечный". Итак, в переводе получилась такая фраза: "В этот день я очень хотела бы иметь хоть маломальское желание поплакать, совсем крошечное желание поверить в это, но нет...", что позволило нам избежать лексического повтора и полностью передать смысл оригинала.

м) Также в тексте встретился авторский неологизм "tchernobylisé", который было невозможно передать в переводе одним словом, поэтому мы

использовали приём добавления и перевели это слово придаточным предложением "разбитый, как после взрыва атомной электростанции". Этот вариант перевода точно передаёт эмоциональное состояние Луизы.

Помимо всего вышеперечисленного мы заметили, что автор использовал стилистически сниженную лексику, например, crevé (в значении "подохший"), débile, con, foutre, gueule (в значении "рожа"), saloperie и другие. Использование такой лексики в романе усиливает эмоции гнева, отвращения, презрения и страха, которые испытывает главная героиня романа.

2.2.1.2. Также в тексте мы встретили 14 многозначных слов, получивших эмоциональную окраску при переносном употреблении.

Таблица 2

Многозначные слова, получившие эмоциональную окраску при переносном употреблении				
№	Слово	Кол-во	Перевод	Эмоция
1	... <u>deux imbéciles contents et fiers de leur bel amour...</u>	1	... <u>два дурака</u> , которые счастливы и гордятся своей прекрасной любовью...	Радость
2	... <u>ce corps à deux têtes, cette âme à deux corps...</u>	1	... <u>от этого тела с двумя головами, от этой души с двумя телами...</u>	Радость
3	J'étais cassée en mille morceaux, sonnée, et elle, elle me disait bon débarras c'était pas	2	Я была разбита на тысячи кусочков, ошарашена, но она сказала скатертью ему дорога, это не твой парень, это просто <u>красивая кукла</u> и пустозвон.	Презрение

	un garçon pour toi, c'était un <u>bimbo</u> , un faiseur.			
4	J'étais cassée en mille morceaux, sonnée, et elle, elle me disait bon débarras c'était pas un garçon pour toi, c'était un bimbo, un faiseur. Un faiseur? un faiseur de quoi? Un faiseur de vide qui agite les bras, qui brasse du vent, comme ça, tu vois' c'est ce que m'a dit ma grand-mère quand le faiseur m'a quittée.	5	Я была разбита на тысячи кусочков, ошарашена, но она сказала скатертью ему дорога, это не твой парень, это просто красивая кукла и <u>пустозвон</u> . <u>Пустозвон?</u> но почему? Он создаёт пустоту и впустую машет руками, впустую сотрясает воздух, сама знаешь, вот, что сказала мне бабушка, когда этот <u>пустозвон</u> бросил меня.	Презрение
5	De toute façon je suis bien trop anesthésiée pour être surprise, il se rue sur moi, les yeux rouges et la figure à l'envers, contractée,	1	В любом случае, я выпила слишком много успокоительного, чтобы удивляться; он набрасывается на меня, у него красные глаза и напряжённое, ужасное, перевёрнутое лицо; странно двигая подбородком, как будто	Отвращение

	<p>terreuse, avec un drôle de mouvement de menton, comme un tic, ou un hoquet, il dit mon bébé mon amour <u>mon petit ours</u> en me pleurant dessus, en se tordant les mains...</p>		<p>у него судорога или икота, он говорит моя крошка, любовь моя, <u>мой медвежонок</u>, он жалуется мне выкручивая себе пальцы...</p>	
6	<p>Il porte une grosse montre, clinquante, comme en portent <u>les Importants</u> et les gens dont on se moquait, avant, ensemble...</p>	1	<p>Он носит большие напыщенные часы, как те, что носят <u>Важные Шишки</u> и люди, над которыми раньше мы смеялись вместе...</p>	Презрение
7	<p>...quand on s'aimait comme deux <u>siamois</u>...</p>	1	<p>...когда мы любили друг друга как <u>сиамские близнецы</u>...</p>	Радость
8	<p>...moi, sa fille, j'ai peur du <u>spectacle du malheur</u>, alors eux !</p>	1	<p>...(они) заставляют меня, её родную дочь, бояться этого <u>несчастливого зрелища</u>.</p>	Стыд
9	<p>Je déteste <u>le coeur de pierre</u> que je suis devenue.</p>	1	<p>Ненавижу то <u>каменное сердце</u>, каким я стала.</p>	Стыд

Из этой таблицы можно сделать вывод, что при передаче многозначных слов и словосочетаний, получивших эмоциональную окраску при переносном употреблении, чаще всего также использовался дословный перевод, например, *deux imbéciles* - два дурака, *cette âme à deux corps* - душа с двумя телами, *son de chat* - долбаный кот и так далее, а в 6 случаях из 14 мы использовали какие-либо переводческие трансформации:

а) Слово "bimbo", которое обычно переводится как "блондинка" со значением "глупый, недалёкий" в тексте оригинала относилось к одному из героев романа и характеризовало его как пустого красавца, который ничего собой не представляет. Поэтому мы прибегли к такой переводческой трансформации как приём целостного переосмысления и передали его значение словом "кукла". Такой вариант перевода полностью передаёт эмоцию пренебрежения, вложенную автором в слово "bimbo".

б) В переводе словосочетания "faiseur de vide", также был использован приём целостного переосмысления, поскольку в русском языке попросту не существует точного эквивалента этой единицы. Поэтому мы перевели его словом "пустозвон", которое отражает как пренебрежение, выражаемое одним героем по отношению к другому, так и смысловую составляющую.

в) Словосочетание "mon petit ours", было переведено как "медвежонок", потому что это слово передаёт все смысловые значения оригинального словосочетания и эмоции радости. Таким образом, в этом случае использовался приём грамматической замены.

г) При переводе существительного "les Importants", мы использовали такой переводческий приём как добавление и передали его в переводе словосочетанием "Важные Шишки". Это позволило нам передать эмоцию презрения, которую выражает Луиза по отношению к ним.

д) Что касается перевода слова "siamois", то в этом случае мы использовали приём конкретизации, поскольку во французском языке оно может означать как сиамских близнецов, сиамских кошек и ткань сиамец, так и жителей Сиама. В оригинальном тексте было очевидно, какое из этих

значений имеет в виду автор, поэтому в переводе мы использовали словосочетание "сиамские близнецы". Это позволило нам передать в переводе эмоцию радости, которую автор вложил в оригинальный текст.

е) Словосочетание "spectacle du malheur", мы перевели как "несчастное зрелище", используя тем самым приём перестановки. Такой вариант перевода наиболее точно передаёт эмоцию стыда, которую испытывает главная героиня романа.

2.2.1.3. Слова и выражения, передающие различные оттенки эмоций:

Таблица 3

Слова и выражения, передающие различные оттенки эмоций			
№	Эмоция	Оригинал	Перевод
1	Стыд	...maman toujours <u>un peu</u> <u>à contretemps</u> , toujours des urgences bizarres...	...мама всегда <u>немного</u> <u>некстати</u> , у неё постоянно странные срочные дела...
		...je me sens juste <u>coupable</u> d'être et de ne pas pleurer...	...я чувствую себя <u>виновной</u> в том, что я здесь и не плачу...
		C'est même sans doute pour ça que j'ai quitté le bistrot <u>en douce</u> ...	Нет сомнений в том, что я нарочно покинула <u>под</u> <u>шумок</u> то бистро...
		Mais Maman, c'est <u>idiot</u> , j'ai été <u>idiote</u> , je te demande pardon, reviens, reviens avec lui, jalouse d'une bête quand même c'est bête...	Но Мама, это <u>идиотизм</u> , я была <u>идиоткой</u> , я прошу прощения, вернись, возвращайся с ним, ревновать к скотине это, всё же, по-скотски...
		...moi, sa fille, j'ai peur	...(они) заставляют меня, её

		du <u>spectacle du malheur</u> , alors eux !	родную дочь, бояться этого <u>несчастливого зрелища</u> .
		Je déteste le <u>coeur de pierre</u> que je suis devenue.	Ненавижу то <u>каменное сердце</u> , каким я стала.
2	Страх	Je serais <u>nulle et bête et vilaine</u> ...	Я буду <u>ничтожной и глупой</u> и <u>мерзкой</u> ...
3	Презрение\ Гнев	Ça l'énerve tout de suite, ça le remonte bien comme il faut, hop elle est partie, <u>ce-salaud-sa-sorcière-ce-couple-pervers-incestueux</u> , ah les <u>vulgaires</u> , ah les <u>affreux</u> , ah elle les déteste...	Это тут же приводит её в бешенство и как надо ободряет, раз! и она раздражается, <u>этот-ублюдок-и-его-ведьма-эта-парочка-извращенцев-кровосмесителей</u> , ах, <u>чернь</u> , ах, <u>паршивцы</u> , ах, она их ненавидит... Чернь
		Elle m'a dit bon débarras quand Adrien m'a quitté. J'étais cassée en mille morceaux, sonnée, et elle, elle me disait bon débarras c'était pas un garçon pour toi, c'était un <u>bimbo, un faiseur. Un faiseur ? un faiseur de quoi ? Un faiseur de vide</u> , qui agite les bras, qui	Она сказала мне скатертью ему дорога, когда Адриен бросил меня. Я была разбита на тысячи кусочков, ошарашена, но она сказала скатертью ему дорога, это не твой парень, это <u>просто красивая кукла и пустозвон. Пустозвон?</u> но почему? Он создаёт пустоту и <u>впустую машет руками</u> , <u>впустую</u>

	brasse du vent, comme ça, tu vois, c'est ce que m'a dit ma grand-mère...	сотрясает воздух, сама знаешь, вот, что сказала мне бабушка...
	Il porte une grosse montre, clinquante, comme en portent <u>les Importants</u> et les gens dont on se moquait, avant, ensemble...	Он носит большие напыщенные часы, как те, что носят <u>Важные Шишки</u> и люди, над которыми раньше мы смеялись вместе...
	...il se rue sur moi, les yeux rouges et <u>la figure à l'envers, contracté, terreuse</u> , avec un <u>drôle</u> mouvement de menton, comme un tic, ou un hoquet <...> en me pleurant dessus, en se tordant les mains, ses mains un <u>peu courtes</u> , tiens, <u>voilancées</u> aux jointures, les mains <u>de quelqu'un d'autre</u> ...	...он набрасывается на меня, у него красные глаза и <u>напряжённое, ужасное, перевёрнутое лицо</u> ; <u>странно</u> двигая подбородком, как будто у него судорога или икота <...> он жалуется выкручивая себе пальцы, его кисти <u>коротковаты</u> , подумать только, с <u>посиневшими</u> суставами, это руки <u>кого-то другого</u> .
	...est-ce qu'ils se parlent tellement, avec l'autre, l'autre <u>con de chat</u> , pourquoi est-ce qu'il pisse sur mes affaires et pousse des cris <u>monstrueux</u> , la nuit, des	...но разве они так же ладят с другим, с тем <u>долбанным котом</u> , почему он гадит на мои вещи и испускает <u>ужасные, почти человеческие</u> крики по ночам?

		cris <u>presque humains</u> ?	
		...il a même pas de nom, il est <u>débile</u> , il est <u>hideux</u> , il est tout le temps dans nos pattes, je le déteste.	...у него даже нет имени, он <u>дебильный</u> и <u>уродливый</u> , он постоянно у нас на руках, я его ненавижу.
4	Отвращение	Elle pensait qu'avec des chaussures fines ça pouvait même être assez chic. Je porte d'assez <u>vilaines</u> chaussures et donc je ne suis pas très chic...	Она постоянно их носила и думала, что вместе с изящными туфлями это даже могло выглядеть шикарно. Я ношу довольно <u>скверные</u> туфли, так что я не очень шикарна...
		...hors de la foule <u>compacte</u> et <u>reniflante</u> ...	...из <u>тесной</u> и <u>вонючей</u> толпы...
		...il dit mon bébé mon amour <u>mon petit ours</u> en me pleurant dessus...	...он говорит моя крошка, любовь моя, <u>мой медвежонок</u> , он жалуется...
5	Страдание	Dans la cimetièrè aussi je suis <u>trop sonnée</u> , <u>trop brisée</u> pour pleurer, sans réaction, sans âme...	На кладбище я тоже чувствую себя <u>растерянной</u> , <u>слишком разбитой</u> , чтобы плакать, без реакции на что-либо, без души...
		De toute façon je suis bien <u>trop anesthésié</u> pour être surprise...	В любом случае, я <u>выпила слишком много успокоительного</u> , чтобы удивляться...
		Mais je suis si <u>tuméfiée</u> à l'intérieur, <u>désespérée</u> , <u>détruite</u> , que je ne suis	Но внутри я настолько <u>опухшая</u> , <u>отчаявшаяся</u> и <u>разбитая</u> , что не грущу и не

		pas triste, et je ne pleure pas.	плачу.
		Larguée, quittée, jetée, le choc m'a <u>tchernobylisée</u> .	Брошенная, покинутая, выброшенная, <u>разбитая как после взрыва атомной электростанции</u> .
6	Радость	J'avais <u>la plus jolie</u> des grand-mères mais elle est morte et je ne pleure pas.	У меня была <u>самая замечательная</u> из всех бабушек, но она умерла, а я не плачу.
		Si, c'est <u>sérieux</u> , on s'aime <u>sérieusement</u> <...> et on s'aime <u>ultrasérieusement</u> .	Да нет же, это <u>серьёзно</u> , мы <u>серьёзно</u> любим друг друга, мы давно уже не дети и мы любим друг друга <u>суперсерьёзно</u> .
		...ma grand-mère, sa voix qui vient de si loin et que je reconnais à peine, allô <u>ma bébé Lou...</u>	...сообщение от бабушки, её голос звучит из такой дали, что я с трудом его узнаю, алло, <u>моя малышка Лу...</u>
		C'est <u>super</u> , mon Minou, c'est <u>super</u> , elle a dit.	Это <u>супер</u> , Котик, это <u>супер</u> , сказала она.
		... <u>ce corps à deux têtes, cette âme à deux corps...</u>	... <u>от этого тела с двумя головами, от этой души с двумя телами...</u>
7	Интерес	...faut être <u>drôlement heureux</u> pour supporter d'être triste, <u>drôlement heureux</u> ou <u>drôlement courageux</u> , et moi je ne	...нужно быть <u>чертовски счастливым</u> , чтобы вынести грусть, <u>чертовски счастливым</u> или <u>чертовски отважным</u> , а я совсем не

		suis pas très courageuse, et je suis très très malheureuse.	отважная, я очень очень несчастливая.
--	--	---	--

В анализируемом отрывке романа автор использовал большое количество слов, передающих различные оттенки эмоций. Можно отметить, что больше всего таких слов использовано для передачи эмоций гнева и презрения (20 единиц), в то время как для передачи эмоции удивления не было использовано ни одного такого слова.

Также было установлено, что для выражения отрицательных эмоций автор использовал более экспрессивную лексику (например, *con de chat*, *vilaine*, *saloperie*, *tchernobylisé*, *désespéré* и прочие), чем для передачи положительных эмоций. Помимо этого стоит отметить, что слова, выражающие эмоцию стыда в данном отрывке текста, имеют самую нейтральную эмоциональную окраску (например, *un peu à contretemps*, *coupable*, *en douce*, *spectacle du malheur*).

2.2.2. Стилистические способы выражения эмоций, подразумевающие использование различных стилистических приемов.

Таблица 4

Стилистические приёмы, использованные для выражения эмоций				
Средство выражения в оригинале	Оригинал	Эмоция	Перевод	Средство выражения в переводе
Антитеза	Je ne pensais pas que ça les choquerait à ce point <...> elle n'y aurait pas fait attention.	Стыд	Я не думала, что это их так шокирует <...> она бы не обратила на это внимания.	Антитеза

	<p>Il y a des grand-mères qui obligent leur petite-fille à aller en classe ou à terminer leur assiette, moi ma grand-mère m'obligeait à aller en boum.</p>	<p>Радость</p>	<p>Есть бабушки, которые заставляют внучек идти в школу или всегда всё доедать, а моя бабушка заставляла меня ходить на тусовки.</p>	<p>Антитеза</p>
	<p>J'avais la plus jolie des grand-mères mais elle est morte et je ne pleure pas.</p>	<p>Страдание</p>	<p>У меня была самая замечательная из всех бабушек, но она умерла, а я не плачу.</p>	<p>Антитеза</p>
	<p>Elle pensait qu'avec des chaussures fines ça pouvait même être assez chic. Je porte d'assez vilaines chaussures et donc je ne suis pas très chic...</p>	<p>Стыд</p>	<p>Она постоянно их носила и думала, что вместе с изящными туфлями это даже могло выглядеть шикарно. Я ношу довольно скверные туфли, так что я не очень шикарна...</p>	<p>Антитеза</p>
	<p>Un jour très présente, très cadeaux, lèche-vitrine, longues conversations, ça me fait plaisir, elle aussi. Et puis, le lendemain, mon égoïsme reprend le dessus, et ma lâcheté, et le souci que j'ai depuis qu'Adrien</p>	<p>Стыд</p>	<p>Бывают дни, когда мы близки, дарим подарки, разглядываем витрины, ведём долгие разговоры, мне это приятно, ей тоже. А на следующий день мой эгоизм берёт</p>	<p>Антитеза</p>

	m'a quittée, de fuir le malheur, tous les malheurs, même celui de maman si malade...		верх, и моя лживость, и желание убежать, которое осталось у меня после того, как Адриен бросил меня, убежать от несчастья, от всех несчастий, даже от мамы, которая так больна...	
	...faut être drôlement heureux pour supporter d'être triste, drôlement heureux ou drôlement courageux, et moi je ne suis pas très courageuse, et je suis très très malheureuse.	Стыд	...нужно быть чертовски счастливым, чтобы вынести грусть, чертовски счастливым или чертовски отважным, а я совсем не отважная, я очень очень несчастная.	Антитеза
Градация	Je serais nulle et bête et vilaine...	Стыд	Я буду ничтожной и глупой и мерзкой...	Градация
	Mais j'avais pas envie de ça, j'avais envie de rien, vraiment rien...	Страдание	Но мне не хотелось этого, мне не хотелось ничего, совсем ничего...	Градация
	...il a même pas de nom, il est débile, il est hideux, il est tout le temps dans nos pattes,	Гнев\ Презрение	...у него даже нет имени, он дебил и уродливый, он	Градация

	je le déteste.		постоянно у нас на руках, я его ненавижу.	
	Larguée, quittée, jetée, le choc m'a tchernobylisée.	Страдание	Брошенная, покинутая, выброшенная, разбитая как после взрыва атомной электростанции.	Градация
	Je sais qu'elle va s'agiter, voir des copains, prendre ses médicaments, échafauder des plans de vengeance, pester.	Радость	Я знаю, что она будет что-нибудь делать, встретится с друзьями, будет принимать лекарства, строить планы мести, материться.	Градация
	...je suis son chat, son vrai chat, un chat qui ne pleure pas à l'enterrement de sa grand-mère, un chat qui est toujours habillé pareil, un chat qui ne répond pas au téléphone, un chat qui n'aime pas les fêtes, un chat qui dort tout le temps, qui aime bien qu'on le laisse tranquille, c'est moi son chat...	Стыд\ Презрение	... я её котик, её настоящий котик, котик, который не плачет на похоронах его бабушки, котик, который всё так же одет, котик, который не берёт трубку, котик, который не любит праздники, котик, который постоянно спит, который любит, когда его оставляют в покое, это я её котик...	Градация

	Elle réalisera, elle sera humiliée, elle sera mortifiée, elle aura honte, elle voudra rentrer chez elle, elle vomira toute la nuit.	Стыд	Она подумает об этом и будет оскорблена, унижена, ей будет стыдно, она захочет вернуться домой, её будет тошнить всю ночь.	Градация
	Mais je suis si tuméfiée à l'intérieur, désespérée, détruite, que je ne suis pas triste, et je ne pleure pas.	Страдание	Но внутри я настолько опухшая, отчаявшаяся и разбитая, что не грущу и не плачу.	Градация
	Dans la cimetièrre aussi je suis trop sonnée, trop brisée pour pleurer, sans réaction, sans âme...	Страдание	На кладбище я тоже чувствую себя растерянной, слишком разбитой, чтобы плакать, без реакции на что-либо, без души...	Градация
	Si, c'est sérieux, on s'aime sérieusement <...> et on s'aime ultrasérieusement.	Радость	Да нет же, это серьёзно, мы серьёзно любим друг друга <...> и мы любим друг друга суперсерьёзно.	Градация
	On parlait souvent à deux voix sur le répondeur, chacun un mot, ou chacun une phrase, ou bien la même phrase en même	Радость	Мы записывали на автоответчик каждый по слову, или каждый по фразе, или же одновременно всю	Градация

	temps...		фразу двумя голосами...	
Сравнение	Un battement comme quand on a couru trop vite...	Страх	А само оно (сердце) было как после быстрой пробежки...	Сравнение
	J'ai perdu les larmes comme d'autres la vue ou la parole.	Страдание	Я потеряла слёзы так же, как другие люди теряют зрение или слух.	Сравнение
	On était comme deux siamois...	Радость	Мы были будто сиамские близнецы...	Сравнение
	Bondissant comme un pois sauteur hors de la folle...	Отвраще ние	Он как прыгающий боб вылетает из тесной и вонючей толпы...	Сравнение
Метафора	...Cendrillon avant minuit...	Радость	...как Золушка перед полночью...	Метафора
	...ce corps à deux têtes, cette âme à deux corps...	Радость	...от этого тела с двумя головами, от этой души с двумя телами...	Метафора
	Je déteste le coeur de pierre que je suis devenue.	Стыд	Ненавижу то каменное сердце, каким я стала.	Метафора
Гипербола	C'était la fin du monde ce bouton d'acné. J'avais l'impression de n'être qu'un bouton, un énorme bouton...	Стыд	Прыщ был для меня концом света. Мне казалось, что я сама - один только огромный прыщ...	Гипербола
	J'étais cassée en mille	Страдание	Я была разбита на	Гипербола

	morceaux...		тысячи кусочков...	
Эвфемизм	Une sorte de fête	Страх	Что-то вроде праздника	Эвфемизм
Плеоназм	Il a l'air content de sa montre, content d'être là et surtout content de pleurer, content de montrer à tout le monde qu'il est là et qu'il pleure.	Презрение	По его виду заметно, что он доволен своими часами, доволен тем, что он здесь и особенно тем, что он плачет, доволен тем, что может показать всем, что он здесь и что он плачет.	Плеоназм
	Je pense morte morte morte, elle est morte trépassée décédée clamsée morte morte morte, et ça me fait rien.	Страдание	Я думаю: умерла умерла умерла, она умерла упокоилась ушла сдохла умерла умерла умерла, а мне хоть бы что.	Плеоназм
	Mais là, sur le nez un deuxième nez sur le nez!	Удивлени е	Да вот, на носу, второй нос на носу!	Плеоназм
Риторический вопрос	Mais comment fait-il, lui, pour pleurer? est-ce qu'il s'aperçoit que sa fille, à côté de lui, ne pleure pas? ou est-ce qu'il pleure trop pour s'apercevoir que moi, j'arrive pas à pleurer?	Стыд	Но как он-то может плакать? замечает ли он, что его дочь, стоящая рядом, не плачет? или из-за своих слёз он не может заметить, что у меня не получается плакать?	Риторический вопрос

	Mais quand même : comment est-ce qu'on fait, quand on a si mal, pour avoir l'air si content ?	Удивлени е	Но всё же: что делают люди, чтобы выглядеть такими счастливыми, когда им настолько плохо?	Риторический вопрос
Риторическое восклицание	Un sale chagrin d'amour et hop!	Гнев	Грязная печаль любви и раз!	Риторическое восклицание
Перечисление	...elle délire : elle est fiévreuse, elle pleure, elle rit, elle s'excuse, elle a très froid, très chaud, elle dit n'importe quoi...	Страдание	...она бредит: её лихорадит, она плачет, смеётся, извиняется, её бросает то в жар, то в холод, она говорит невесть что...	Перечисление
Персонифика ция	Le prurit qui galope sur son bras.	Отвращен ие	Одна рука у неё бешено чешется...	Персонифика ция
	Mon égoïsme reprend le dessus...	Стыд	Мой эгоизм берёт верх...	Персонифика ция
Анафора \ Каламбур	Il aurait pu me prévenir, il aurait pu ne pas venir...	Презрение	Он мог бы предупредить, мог бы не приходить...	Анафора \ Каламбур

Из данных, которые представлены в таблице 4 следует, что при переводе с французского языка на русский, все стилистические приёмы, использованные автором были переданы в переводе их аналогами на русском языке. Другими словами, если в оригинале была использована анафора, то в переводе мы также использовали анафору, если в оригинале была гипербола, то и мы использовали её в переводе и так далее.

При переводе на русский язык фрагментов романа, в которых были использованы стилистические приёмы, только в 8 из 37 случаев были использованы переводческие трансформации:

а) Гиперболу, которой автор выражает эмоцию страха, испытываемую главной героиней романа, "C'était la fin du monde ce bouton d'acné. J'avais l'impression de n'être qu'un bouton, un énorme bouton..." мы перевели на русский язык предложением "Прыщ был для меня концом света. Мне казалось, что я сама - один только огромный прыщ...", используя тем самым приём перестановки и опущения: в первом предложении был изменён порядок слов, а во втором опущен лексический повтор слова "bouton", поскольку такая конструкция предложения не характерна для русского языка.

б) При переводе градации, в которой заключена эмоция радости, "On parlait souvent à deux voix sur le répondeur, chacun un mot, ou chacun une phrase, ou bien la même phrase en même temps..." был использован приём конкретизации: замена глагола "говорить" (parler) глаголом "записывать" и в итоге было получено такое предложение: "Мы записывали на автоответчик каждый по слову, или каждый по фразе, или же одновременно всю фразу двумя голосами..." Эта замена была необходима, потому что если перевести глагол "parler" дословно, это будет нарушением норм русского языка.

в) В случае с другой градацией - "Si, c'est sérieux, on s'aime sérieusement <...> et on s'aime ultrasérieusement" был использован приём добавления и слово "si", которое в данном случае переводится как "да", было передано словосочетанием "да нет же", чтобы подчеркнуть противопоставление предыдущей фразе "а наши отцы ворчали на нас, что это за запись, вы уже, всё-таки, не дети, это не серьёзно!"

г) Сравнение, выражающее эмоцию страха и стыда, "un battement comme quand on a couru trop vite..." было переведено фразой "а само оно (сердце) било как после быстрой пробежки..." добавив слово "пробежка", поскольку без него фраза звучала бы незакончено, в отличие от оригинала.

д) Что касается сравнения, которое передаёт эмоцию страдания Луизы, "J'ai perdu les larmes comme d'autres la vue ou la parole", то оно было переведено фразой "Я потеряла слёзы так же, как другие люди теряют зрение или слух" используя приём дополнения. Повторили глагола "терять" во второй части предложения, было необходимо для того, чтобы оно имело законченный вид.

е) Персонификация "Le prurit qui galope sur son bras" была переведена на русский предложением "Одна рука у неё бешено чешется..." В этом случае в переводе исчезла персонификация, но мы передали значение глагола "galoper" (скакать, мчаться галопом) прилагательным "бешено". Таким образом, в этой фразе был использован приём целостного переосмысления.

ж) В риторическом вопросе, заключающем в себе как эмоцию интереса, так и стыда, "Mais quand même : comment est-ce qu'on fait, quand on a si mal, pour avoir l'air si content ?" были переставлены части предложения и в переводе получена фраза "Но всё же: что делают люди, чтобы выглядеть такими счастливыми, когда им настолько плохо?"

з) При переводе перечисления "...elle délire : elle est fiévreuse, elle pleure, elle rit, elle s'excuse, elle a très froid, très chaud, elle dit n'importe quoi..." мы использовали фразеологизм "бросать то в жар, то в холод", поскольку в русском языке для передачи такого состояния человека существует этот фразеологизм, и получили фразу: "...она бредит: её лихорадит, она плачет, смеётся, извиняется, её бросает то в жар, то в холод, она говорит невесть что...", тем самым подчеркнув эмоцию страдания, заложенную автором в исходный текст.

2.2.3. Грамматические способы выражения эмоций.

В следующей таблице представлены личные глагольные формы, времена и наклонения, которые встретились в тексте и частотность их употребления.

Таблица 5

Глагольные времена, использованные в анализируемом отрывке текста			
Наклонение	№	Время	Количество
Indicatif	1	Présent	301
	2	Passé composé	63
	3	Imparfait	35
	4	Plus-que-parfait	5
	5	Futur simple	12
	6	Futur simple dans le passé	3
	7	Futur immédiat	12
	8	Futur immédiat dans le passé	3
Subjonctif	1	Présent	4
Conditionnel	1	Présent	5
	2	Passé 1re forme	8
Impératif	1	Présent	9

В этой таблице наглядно представлены глагольные времена, которые были использованы в тексте. Эти данные говорят о том, что подавляющее большинство глаголов стоят в настоящем времени (présent). Автор использовал это глагольное время для того, чтобы лучше передать эмоции героини и создать ощущение присутствия, будто события, описываемые в романе, происходят в настоящий момент.

Роман написан таким образом, что действия в нём быстро сменяют друг друга. Автор "перескакивает" с одной темы на другую, затем возвращается, то обращается к событиям в прошлом, то опять описывает

настоящее. Всё это подчеркивает нервное состояние героини и передаёт тот сумбур, который царит в её голове.

Помимо этого мы увидели, что в тексте нет ни одного глагола, который стоял бы в *passé simple*. Это глагольное время традиционно используется во французской художественной литературе. Вместо него автор всегда использовал *passé composé*. Это подчёркивает разговорный стиль романа.

В тексте часто встречаются предложения, в которых одновременно используются как глаголы в настоящем времени, так и глаголы в прошедших временах. Это создаёт также впечатление присутствия и подчёркивает эмоциональное напряжение героини, как, например, в предложении: "*Quelqu'un avait organisé une sorte de fête, après l'enterrement, c'est pas fête le terme exact, je ne sais pas quel est le terme exact j'ai pris un taxi, je lui ai dit allez, allez, mais ou ? je ne sais pas, rue de Four par exemple, à mon bureau, et je me suis sauvée...*", в русском варианте звучит так: "Кто-то организовал что-то вроде праздника после похорон, "праздник" это не совсем подходящее слово, не знаю, какое подойдёт лучше; я взяла такси и сказала ему поехали, поехали, но куда? я не знаю, например, на улицу Фур, ко мне в офис, я убежала..."

Таким образом, в переводе передано и эмоциональное напряжение героини и временные отношения, которые были в оригинале текста.

2.2.4. Синтаксические способы выражения эмоций.

В данном романе повествование идёт от лица главной героини Луизы, что позволяет автору интенсивнее передавать её чувства и эмоции.

В анализируемом тексте все диалоги персонажей выражены несобственно-прямой речью, что подчеркивает эмоциональное напряжение лирического героя:

Таблица 6

Фрагменты текста с несобственно-прямой речью		
№	Оригинал	Перевод
1	J'avais l'impression de n'être qu'un bouton, un énorme bouton, quel bouton, disait ma grand-mère sans me regarder ou ça ? Mais là, sur le nez, un deuxième nez sur le nez ! Mais non, c'est rien, c'est rien du tout, c'est même très mignon, on va en faire une mouche.	Мне казалось, что я сама - один только огромный прыщ, какой прыщ, говорила бабушка, не глядя на меня, где? Да вот, на носу, второй нос на носу! Да брось ты, ничего страшного, это очень даже мило, мы сделаем из него мушку.
	...ma grand-mère, sa voix qui vient de si loin et que je reconnais à peine, allô ma bébé Lou...	...сообщение от бабушки, её голос звучит из такой дали, что я с трудом его узнаю, алло, моя малышка Лу...
2	Elle m'a dit bon débarras quand Adrien m'a quitté. J'étais cassée en mille morceaux, sonnée, et elle, elle me disait bon débarras c'était pas un garçon pour toi, c'était un bimbo, un faiseur. Un faiseur ? un faiseur de quoi ? Un faiseur de vide, qui agite les bras, qui brasse du vent, comme ça, tu vois, c'est ce que m'a dit ma grand-mère...	Она сказала мне скатертью ему дорога, когда Адриен бросил меня. Я была разбита на тысячи кусочков, ошарашена, но она сказала скатертью ему дорога, это не твой парень, это просто красивая кукла и пустозвон. Пустозвон? но почему? Он создаёт пустоту и впустую машет руками, впустую сотрясает воздух, сама знаешь, вот, что сказала мне бабушка...
3	...ils ont l'air de m'aimer, mes condolérances, mes regrets, si je peux	...у них такой вид, будто они и меня тоже любят, мои

	faire quelque chose, elle était si exceptionnelle, n'hésitez pas.	соболезнования, очень сожалею, могу ли я чем-нибудь помочь? она была таким исключительным человеком, не стесняйтесь, если что.
4	Je veux des crèmes La Prairie, elle m'a dit l'autre jour, c'est les meilleures de monde. Alors je lui ai commandé des crèmes La Prairie, sur Internet, avec la carte bleue de son ex. <...> C'est super, mon Minou, c'est super, elle a dit.	Я хочу кремы La Prairie, сказала она мне как-то раз, они - лучшие в мире. Тогда я заказала ей кремы La Prairie в интернете, воспользовавшись кредиткой её бывшего. <...> Это супер, Котик, это супер, сказала она.
5	Son bonnet en paille violet est trop lâche, il couvre presque les oreilles, mais c'est mon cadeau alors elle le porte tout le temps, dès le matin, comme ce matin. Il tient moins chaud que le perruque, elle dit, et on peut même s'en servir pour s'éponger le front quand on transpire. Tu vois Minou, le cancer c'est une question d'organisation, finalement. D'accord, maman, d'accord.	Её фиолетовая соломенная шляпка слишком большая, она почти полностью прикрывает уши, но это мой подарок, поэтому она носит её не снимая с самого утра, как и сегодня. В ней не так жарко, как в парике, говорит она, и, кроме того, ей можно протереть лоб, когда потеешь. Смотри, Котик, в конечном счёте, как это вопрос организации. Хорошо, Мама, хорошо.
6	...elle essaie de ne pas faire du bruit mais c'est pire, ou alors au contraire elle fait du bruit exprès pour nous prévenir, attention, je suis là, c'est moi, ne soyez pas tout nus indécents c'est	...она пытается не шуметь, но обычно у неё это не получается или же она намеренно шумит, чтобы предупредить нас на случай, если мы ходим голыми

	moi, Alice. Elle essaie d'aller vite, elle fait de grandes enjambées qui font peur à mes chats, pas le sien qui la suit en miaulant et qui réveille Pablo, qu'est-ce qui se passe qu'est-ce qui se passe, c'est rien' c'est Maman, dors.	или занимаемся чем-то непристойным, внимание, я здесь, это я, Алиса. Она старается идти быстрыми широкими шагами, которые пугают моих кошек, её кошка не боится, она мяукая идёт за ней и будит Пабло, что происходит что происходит, ничего, это Мама, спи.
7	Ça l'énerve tout de suite, ça le remonte bien comme il faut, hop elle est partie, ce-salaud-sa-sorcière-ce-couple-pervers-incestueux, ah les vulgaires, ah les affreux, ah elle les déteste...	Это тут же приводит её в бешенство и как надо ободряет, раз! и она раздражается, этот-ублюдок-и-его-ведьма-эта-парочка-извращенцев-кровосмесителей, ах, чернь, ах, паршивцы, ах, она их ненавидит...
8	Plus tard, quand je serai bien réveillée, je lui dirai Maman je ne veux pas que tu entres dans ma chambre comme ça le matin, je ne suis pas seule, je n'ai plus quinze ans.	Позже, полностью проснувшись, я скажу ей Мама, я не хочу, чтобы ты вот так заходила в мою комнату как сегодня утром, я не одна, мне уже не пятнадцать.
9	Je lui dis Maman, tu pourrais pas laisser un peu ton chat chez toi, ou chez copine, ça nous ferait des vacances, il m'empêche de dormir, et puis il a des puces, et puis il n'est pas heureux ici, c'est pas chez lui, tu le sais bien qu'un chat s'attache plus à son territoire qu'à son maître, qu'est-ce que t'en as à faire	Я говорю ей Мама, не могла бы ты оставить своего кота дома или у подруги, это было бы для нас отдыхом, он мешает мне спать, да к тому же он блохастый и ему тут не нравится, это не его дом, ты же знаешь, что кошки больше привязываются к своей

	de ce chat, tu crois que tu l'aimes mais c'est pas vrai, il a même pas de nom, il est débile, il est hideux, il est tout le temps dans nos pattes, je le déteste.	территории, чем к своему хозяину, нафиг тебе этот кот, ты думаешь, что любишь его, но это не так, у него даже нет имени, он дебильный и уродливый, он постоянно у нас на руках, я его ненавижу.
10	Elle répod oui oui Minou. Elle dit qu'elle comprend, eu'elle va s'organiser, qu'elle est mieux chez elle de toute façon. Et elle rentre à Monmartre, avec son chat, et elle boude, et elle ne revient pas. Mais Maman, c'est idiot, j'ai été idiote, je te demande pardon, reviens, reviens avec lui, jalouse d'une bête quand même c'est bête, reviens je mettrai des boules Quies.	Она отвечает да да, Котик. Говорит, что понимает, что сейчас всё придумает, что в любом случае ей лучше дома. Она возвращается на Монмартр вместе с котом, дуется и не возвращается. Но Мама, это идиотизм, я была идиоткой, я прошу прощения, вернись, возвращайся с ним, ревновать к скотине это, всё же, по-скотски, вернись, я буду пользоваться берушами "Ки".

Такой способ передачи прямой речи позволяет автору подчеркнуть эмоции, переживаемые лирическими героями, но и показать быстротечность действий.

Например, в предложении "*Elle essaie d'aller vite, elle fait de grandes enjambées qui font peur à mes chats, pas le sien qui la suit en miaulant et qui réveille Pablo, qu'est-ce qui se passe qu'est-ce qui se passe, c'est rien' c'est Maman, dors*" присутствует как авторская речь: "*Elle essaie d'aller vite, elle fait de grandes enjambées qui font peur à mes chats, pas le sien qui la suit en miaulant*

et qui réveille Pablo", так и речь сразу двух персонажей, Пабло: "*qu'est-ce qui se passe qu'est-ce qui se passe*" и Луизы: "*c'est rien' c'est Maman, dors.*"

При переводе этих частей текста была сделана попытка максимально сохранить синтаксическую структуру предложений, чтобы передать в переводе стиль автора и эмоциональное напряжение героини романа.

Тем не менее, в некоторых предложениях приходилось нарушать оригинальную синтаксическую структуру. Например, предложение "*Ils ont l'air de m'aimer, mes condolérances, mes regrets, si je peux faire quelque chose, elle était si exeptionnelle, n'hésitez pas*" мы разделили на два отдельных предложения "*...у них такой вид, будто они и меня тоже любят, мои соболезнования, очень сожалею, могу ли я чем-нибудь помочь? она была таким исключительным человеком, не стесняйтесь, если что*" чтобы подчеркнуть то, что это говорит не лирический герой, а другой неопределённый персонаж, поскольку из контекста это понятно не было.

Помимо несобственно-прямой речи, автор использовал в тексте множество сложных бессоюзных предложений, состоящих из нескольких простых, нередко пренебрегая правилами пунктуации, чтобы передать эмоциональное напряжение героини. Автор очень часто использует такие средства выразительности как градации и перечисления, как, например, в следующем предложении:

Et moi je pense taisez-vous, taisez-vous donc, je pleure pas pourquoi vous pleurez, et je garde la tête baissée, je fais des dessins dans le sable avec la pointe de ma basket, des ronds, des coeurs, des carrés, je me sens juste coupable d'être là et de ne pas pleurer, coupable d'être en jean, coupable d'avoir été larguée par un bimbo et d'être vivante et d'être en jean et de ne pas pleurer. Je pense morte morte morte, elle est morte trépassée décédée clamsée morte morte morte, et ça ne me fait rien.

При переводе этого фрагмента текста необходимо было сохранить синтаксическую структуру предложений и, как и в оригинале, не разделять во втором предложении однородные члены запятыми: "*А я думаю замолчите,*

замолчите, наконец, я не плачу, почему вы плачете, и я не поднимаю голову, я рисую кончиком кроссовка на песке круги, сердечки, квадраты, я чувствую себя виновной в том, что я здесь и не плачу, виновной в том, что я в джинсах, виновной в том, что меня бросил хлыщ-красавец и в том, что я жива, и в том, что я в джинсах и в том, что не плачу. Я думаю: умерла умерла умерла, она умерла упокоилась ушла сдохла умерла умерла умерла, а мне хоть бы что." При этом мы полностью передали стилистическую окраску прилагательных "*morte morte morte, elle est morte trépassée décédée clamsée morte morte morte*".

Таким образом, в этой главе были рассмотрены способы выражения эмоций в романе Жюстин Леви "Rien de grave" на лексическом, стилистическом, грамматическом и синтаксическом уровнях.

Выводы по главе 2

В этой главе были проанализированы лексические, грамматические и синтаксические способы выражения эмоций, которые встретились в отрывке романа Justine Lévy "Rien de grave".

Среди лексических способов мы выделили 101 слово и словосочетание, содержащие оценку фактов, явлений, признаков, дающие однозначную характеристику людей. Из них только в 11 случаях (11%) мы использовали такие переводческие трансформации, как различные грамматические замены, конкретизацию и смысловое развитие, чтобы передать эти слова на русский язык и сохранить эмоциональную окраску, заложенную автором в исходный текст.

Например, при переводе слова "conventionnel" пришлось, наоборот, использовать приём конкретизации и перевести его словосочетанием "придерживающийся условностей", поскольку это слово полисемично. В оригинальном тексте его значение было понятно из контекста, поэтому в переводе мы использовали однозначное словосочетание.

Также мы встретили в тексте 14 многозначных слов, которые приобрели эмоциональную окраску благодаря переносному употреблению. При переводе 6-и из них (42%) мы использовали такие переводческие трансформации, как приём целостного переосмысления, грамматическую замену, перестановку и добавление.

Например, слово "bimbo", которое обычно переводится как "блондинка" со значением "глупый, недалёкий" в тексте оригинала относилось к одному из героев романа и характеризовало его как пустого красавца, который ничего собой не представляет. Поэтому мы прибегли к такой переводческой трансформации, как приём целостного переосмысления и передали его значение словом "кукла". Такой вариант перевода полностью передаёт эмоцию пренебрежения, вложенную автором в слово "bimbo".

В анализируемом отрывке романа автор использовал большое количество слов и словосочетаний, передающих различные оттенки эмоций. Отмечено, что чаще всего такие единицы передавали эмоции гнева и презрения (20 единиц), а для эмоции удивления не было использовано ни одного такого слова.

Также было установлено, что для выражения отрицательных эмоций автор использовал более экспрессивную лексику (например, *con de chat*, *vilaine*, *saloperie*, *tchernobylisé*, *désespéré* и прочие), чем для передачи положительных эмоций. Помимо этого стоит отметить, что слова, выражающие эмоцию стыда в данном отрывке текста, имеют самую нейтральную эмоциональную окраску (например, *un peu à contretemps*, *coupable*, *en douce*, *spectacle du malheur*).

Что касается грамматических способов выражения эмоций, то мы отметили, что в тексте часто встречаются предложения, в которых одновременно используются как глаголы в настоящем времени, так и глаголы в прошедших временах. Это создаёт впечатление присутствия и подчёркивает эмоциональное напряжение героини. Также в романе автор использует глагольное время *passé composé*, а не *passé simple*, что свидетельствует о разговорном стиле текста.

В анализируемом тексте все диалоги персонажей выражены несобственно-прямой речью, что позволяет автору подчеркнуть эмоциональное состояние лирического героя. Также автор использовал в тексте множество сложных бессоюзных предложений, состоящих из нескольких простых, нередко пренебрегая правилами пунктуации, чтобы передать эмоциональное напряжение героини. При переводе таких фрагментов текста мы старались сохранить оригинальную синтаксическую структуру предложений.

Заключение

В первой главе этой работы были собраны мнения некоторых известных учёных по поводу того, что такое эмоции. Например, Симонов в своей работе "Темперамент. Характер. Личность" считает, что эмоции это своеобразный инструмент оценки событий внешнего мира, который соотносит их с потребностями организма, поскольку важно только то, что либо способствует, либо препятствует удовлетворению человеческих потребностей. Симонов называет их своеобразной "валютой" мозга и сравнивает эмоции с термином цены в экономике, поскольку она появляется только в тех случаях, когда есть спрос и предложение.

Также была представлена классификация эмоций, разработанная Кэроллом Изардом, в которую входят 9 фундаментальных эмоций: интерес, радость, удивление, горе, гнев, отвращение, презрение, страх и стыд.

Далее было проанализировано, какими способами эмоции могут быть выражены в тексте и пришли к выводу, что они могут выражаться на всех уровнях текста, от фонетического до стилистического.

Помимо этого установлено, что одна из важнейших задач переводчика состоит в том, чтобы наиболее полно передать содержание оригинала. Например, Комиссаров говорит о том, что следует различать потенциально достижимую эквивалентность, под которой понимается максимальная общность содержания двух разноязычных текстов, допускаемая различиями языков, на которых созданы эти тексты, и переводческую эквивалентность - реальную смысловую близость текста оригинала и перевода, достигаемую переводчиком в процессе перевода.

Также в первой главе описаны основные переводческие трансформации, которые позволяют переводчику получить эквивалентный текст перевода, вопреки расхождениям в формальных и семантических системах двух языков.

Вторая глава данной работы посвящена анализу отрывка романа Justine Lévy "Rien de grave". В ней были разобраны лексические, морфологические, грамматические и синтаксические способы выражения эмоций, которые встретились в тексте, и пришли к выводу, что в большинстве случаев перевод осуществляется без переводческих трансформаций, но, тем не менее, отказаться от этих приёмов совсем переводчик не может, поскольку в таком случае чаще всего перевод будет неадекватным.

Например, при переводе многозначных слов, которые давали какую-либо эмоциональную характеристику персонажа, чаще всего были использованы приёмы целостного переосмысления и конкретизации, а при переводе однозначных слов и словосочетаний - приём грамматической замены.

На грамматическом и синтаксическом уровнях языка в переводе был сохранён оригинальный стиль, использованный автором, и минимально изменена структура предложений и глагольные времена.

Что касается переводческих трансформаций при передаче стилистических средств, использованных автором романа "Rien de grave", то нам не представляется возможным выделить какую-либо наиболее частотную, поскольку в таких случаях необходимо учитывать все уровни языка, следовательно в каждом отдельном случае мы прибегали к разным трансформациям. Тем не менее, стоит отметить, что стилистические средства, использованные автором, всегда передавались тем же стилистическим средством в русском языке. То есть, если в оригинале автор использовал метафору, в переводе также появлялась метафора. Это касается всех средств выразительности, которые встретились нам в тексте.

Список использованной литературы:

1. Арутюнова Н.Д. Логический анализ языка: Избранное: 1988 – 1995 / Сост. и отв. ред Н.Д. Арутюнова. – М.: Индрик, 2003. – 695 с.
2. Арутюнова Н.Д., Функциональные типы языковой метафоры // Известия АН СССР. Сер литературы и языка. Т.37. №4. - М., 1978 - 333 с.
3. Архипецкая М.В., Интонационные фразеологизмы со значением эмоционального отрицания. - С-Пб.: СПбГУ, кафедра фонетики и методики преподавания иностранных языков филологического факультета, 2012. - 27 с.
4. Архипецкая М.В., Интонационные фразеологизмы: функционирование и восприятие. - С-Пб.: Вестник СПбГУ, серия 9, выпуск 4, часть 1, 2008 (декабрь). - 45 - 50 с.
5. Бабенко Л.Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 1989. – 130с.
6. Брызгунова Е.А. Звуки и интонация русской речи. М., 1983. - 239 с.
Буренина Н.В. Эмоциональные конструкции английской диалогической речи: Автореф. дис. . канд. филол. наук. - Саранск, 1989. - 15 с.
7. Буряков М.А. К вопросу об эмоциях и средствах их языкового выражения // Вопросы языкознания. 1979. - №3. - С. 47-59.
8. Виноградов В.В. Итоги обсуждения вопросов стилистики //Вопросы языкознания, 1955. - № 1. – С. 70.
9. Виноградов В.В. Русский язык. – М.: Московский ун-т, 1952. – 518 с.
10. Вольф Е.М., Функциональная семантика оценки. - М.: УРСС, 2002. - 262 с.
11. Видгоф В.М. Основания человеческой эмоциональности. Томск: Наука, 1992.-321 с.
12. Вилюнас В.К. Психология эмоциональных явлений. М.: Изд-во МГУ, 1976. - 142 с.
13. Виноградов В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). — М.: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001, — 224 с.

14. Виноградов В.В. Итоги обсуждения вопросов стилистики // Восточное языкознание. 1955. -№ 6. - С.60-87.
15. Витт Н.В. Выражение эмоциональных состояний в речевой интонации: Дис. . д-ра. филол. наук. М., 1965. - 325 с.
16. Витт Н.В. Информация об эмоциональных состояниях в речевой интонации//Вопросы психологии. 1965. -№3. - С. 89-102.1
17. Витт Н.В. Речь и эмоции. М.: МГПИИЯ им. М.Тореза, 1984. - 127 с.
- Водяха А.А. Структура и средства создания эмоциональной рамки высказывания. Волгоград, 1991. - 26 с. - Деп. в ИНИОН РАН 08.10.91. № 11890.
18. Выготский Л.С. Учение об эмоциях // Собрание сочинений в 6-ти томах. Том №6. М., 1984. С.91-318.
19. Галкина-Федорук Е.М. Об экспрессивности и эмоциональности в языке // Сб.статей по языкознанию / Под ред.Ефимова А.И. М.: Изд-во МГУ, 1958. - С.103-124.
20. Галкина-Федорук Е.М. Об экспрессивности и эмоциональности в языке, сборник статей по языкознанию. Профессору Московского университета академику В.В. Виноградову в день его 60-летия. – М.: МГУ, 1958. – 321с.
21. Галкина-Федорук Е.М. Современный русский язык. – М.: Высшая школа, 1954. – 336с.
22. Галочкина И.Е. О соотношении понятий эмоционально-модальной и коммуникативной функции интонации // Интенсификация обучения рецептивным и продуктивным видам речевой деятельности. М., 1993. - С. 130-137. (Тр. / МГПИИЯ им. М.Тореза; вып. 236).
23. Гак В.Г., Григорьев Б.Б. Теория и практика перевода, французский язык. - М.: Либроком, 2009. - 454 с.
24. Гастилене Н.А. Экспрессивность как одна из языковых функций // Вопросы германской филологии. М., 1972. - С. 162-166. (Тр./ МГПИИЯ им.М.Тореза; вып. 65).

25. Геладзе С.Н. Модификации интонационной структуры фразы под влиянием эмоциональной окраски во французском языке // Вопросы романо-германской филологии. М., 1975. - С. 321- 328. (Тр./ МГПИИЯ им.М.Тореза; вып. 84).
26. Гельндорф Э. Луфборроу Д.Ж. Эмоции и эмоциональные расстройства. М.: Изд-во «Мир», 1966. - 280 с.
27. Геодакян В.А. Системно-эволюционная трактовка ассиметрии мозга // Системные исследования: Ежегодник 1987. М,1987. - С.355-376. Гидденс Э. Пол, патриархат и развитие капитализма // Социологические исследования. - 1992. - №7. - С. 135-144.
28. Гириная Л.В. Проблема гетерогенности компонентов интонационного комплекса: Автореф. дис. . канд. филол. наук. М., 1989. -22 с. Гозман Л.Я. Психология эмоциональных состояний. - М.: ВШ, 1982. -180 с.
29. Горбунов А.П. О сущности экспрессии и формах ее реализации // Вопросы стилистики. М.: Изд-во МГУ, 1966,- С.47-51.
46. Гордеева О.В. Развитие языка эмоций у детей // Вопросы психологии. 1995. №6. - С.23-29.
30. Горошко Е.И. Особенности восприятия текста, обусловленные половой дифференциацией личности // Междун.симпозиум «Человек: язык, культура, познание». Тезисы научно-практической конференции. Кривой Рог,1995. С.247-248.
31. Горошко Е.И. Особенности мужского и женского вербального поведения: Автореф. дис. .канд. филол. наук. М., 1996. - 24 с.
32. Горошко Е.И. Особенности мужской и женской ассоциативной картины мира // Антропоцентризм и речевая деятельность. Киев-Вена, 1996. - С.56.106.
33. Джеймс У. Что такое эмоция? // Психология эмоций. Тексты / Под ред. В.К.Вилюнаса. М: Изд-во МГУ, 1984. - С. 83-92.
34. Дридзе Т.М. Язык и социальная психология. М.: Изд-во МГПИИЯ им.М.Тореза, 1980. - 224 стр.ешцин,- Вена-Киев, 1996. С.1-80.

35. Дубовский Ю.А. Анализ интонации устного текста и его составляющих. Минск: В ища школа, 1978. 135 стр.
36. Дубовский Ю.А. Татарникова И.В. Социофонетический аспект вариативности просодии: мужская / женская реализация,- Пятигорск, 1989. - 17 стр.
37. Долинин К.А. Стилистика французского языка. - М.: Просвещение, 1987. - 303 с.
38. Ермакова Н.В. Полевой подход к лингвистическому и психолингвистическому исследованию чувств и эмоций. (На материале русского и английского языков) // Контрастивная и функциональная грамматика. Калинин, 1986. - С. 15-23.
39. Жельвис В.И. Эмотивный аспект речи. Психолингвистическая интерпретация речевого воздействия. Ярославль: Знание, 1990. - 81 стр.
- Жинкин Н.И. Интонация речи в связи с общими проблемами экспрессии. - М.: Наука, 1974. - 98 с.
40. Изард, К. З. Психология эмоций / К. З. Изард. – СПб.: Питер, 2007. – 464 с.
41. Кинцель, А. В. Психолингвистическое исследование эмоционально-смысловой доминанты как текстообразующего фактора / А. В. Кинцель. – Бийск: Алтайский гос. ун-т, 2000. – 152 с.
42. Комиссаров В.Н. Общая теория перевода. Учебное пособие. - М.: ЧеРо, 1999.- 136 с.
43. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. - М.: Высш. шк., 1990. - 253 с.
44. Лакофф Д., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. – М.: Прогресс, 1990. – с. 387 – 393.
45. Романова И.В. Языковые способы выражения эмоций во французском художественном тексте (на материале романа Амели Нотомб "Катилинираии"). - Вестник КемГУ 2013 № 2 (54) Т. 2. - 341 с.

46. Симонов П.В., Ершов П.М. Темперамент. Характер. Личность. - М.: Наука, 1984. - 170 с.
47. Симонов П. В. Эмоциональный мозг. М.: Наука, 1981. - 214 с.
48. Симонов П. В. Что такое эмоция? М.: Наука, 1966. - 95 с.
49. Степанов Ю.С., Структура французского языка. Морфология, словообразование, основы синтаксиса в норме французской речи. - М.: Либроком, 2014 - 184 с.
50. Телия В. Н. Метафоризация и её роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М, 1988. - 203 с.
51. Шаховский В.И. Текст и его когнетивно-эмотивные метаморфозы. – Волгоград: Перемена, 1997 – 148 с.
52. Шаховский В.И. Эмотивная семантика слова как коммуникативная сущность // Коммуникативные аспекты значения. – Волгоград: ВГПИ, 1990. – 175 с.
53. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций. - М.: Гнозис, 2008. - 416 с.
54. Швейцер А.Д. Теория перевода. Статус, проблемы, аспекты. - М.: Наука, 1988. - 216 с.
55. Пол Экман. Психология эмоций. Я знаю, что ты чувствуешь. - С-Пб.: Питер, 2014. - 334с.
56. Adler M. K. Sex differences in human speech. Hamburg, 1978. - 151 p.
Aebischer V. Les femmes et le langage. - Paris: PUF, 1985. - 200 p. Armstrong L.E. Ward I.C. Handbook of English intonation. - Cambridge, 1926. - 97 p.
57. Bally Ch. Traité de stylistique française. P.: Genève: Georg Gie. - Vol. 1. -331 p.
58. Callamand M. L'intonation expressive. Paris: Hachette et Larousse, 1973. - 173 p.
59. Carton F. Introduction à la phonétique du français. P.: Bordas, 1974. -250 p.
60. Charlston B.M. Studies on the emotional and affective means of expression in Modern English. Bern: Francke, 1960. - 357 p.

61. Coates J. Women, men and language. London. New York: Longman, 1986.-
178 p.
62. Commaille J. Les strategies des femmes. Paris: la Découverte, 1993. - 189 P
63. Di Cristo A. Prolégomènes à l'étude de l'intonation. Microméodie. Paris, 1982.
- 147 p.
63. Délattre P. L'intonation par les oppositions // Le français dans le monde. -1969.
-№64. -P. 6-13.
64. Fraisse G. La raison des femmes. Paris: Pion, 1992. - 294 p. Halimi G. La
cause des femmes. - Paris: Gallimard, 1992. - 305 p. Irigaray L. L'ordre sexuel du
discours // Le sexe linguistique / Langage. -1987. - № 85. - P. 81-123.
65. Jones D. The pronunciation of English. Cambridge, 1950. - 149 p. Khaznadar
E. Le nom de la femme. Virtualisation idéologique et réalité linguistique // Bulletin
de l'association des sciences du langage. - 1992. - № 32.-P.5- 12.
66. Marouzeau J. Un aspect du féminin français // Le français moderne. 1946. - №
4. - P.241-245.
67. Martinet A. Expressivité// La linguistique. 1991. - № 1. Vol. 27. - P.3-14.
Martinet A. Le genre féminin in indo-europeen // Bulletin de la Société de
Linguistique de Paris. - 1956. - № 52. - P. 83-95.
68. Martins-Baltar M. Une approche pédagogique de l'expressivité intonative //
Revue de phonétique appliquée. 1974. - № 29. - P. 33-49. Palmer H.E. English
intonation with systematic exercises. - Cambridge, 1924.-58 p.
69. Porcher L. Le sociologique dans le linguistique // Le Français dans le monde.
1976. - № 121. - P.6-10.
70. Pike K.L. The intonation of American English. Ann Arbor, 1947. - 137 p.
Preisler B. Linguistic Sex Rôles in Conversation. - Berlin: Mouton de Gruyter,
1986. - 347 p.
71. Ribéry C. Théorisation des rapports de sexe dans les textes ethnologiques //
Langage et société. 1981. - № 17. - P. 102-106.

72. Rittaud-Hutiner Ch. Richesse expressive et diversité des français quotidiens // Actes du colloque L'évolution du langage littéraire et du langage parlé en France et en Allemagne, éd. Goethe Institut Lyon, 1988. P. 79-93.147

73. Weil S. Rameau L. Trésors des expressions françaises. Paris: Belin, 1981. -223 p.

Электронные ресурсы:

74. <http://www.grandars.ru/college/psihologiya/emocii-i-chuvstva.html> Дата обращения: 24.12.2016

Перевод романа Жюстин Леви "Ничего особенного" ("Rien de grave")

*

На похороны бабушки я пришла в джинсах. Я не думала, что это их так шокирует, думала, что они не обратят внимания, она бы не обратила на это внимания. Одеваясь, я думала о чём-то другом, уже и не знаю, о чём, моя бабушка не умерла, мы не будем хоронить бабушку, точно, я должна позвонить бабушке.

Кто-то организовал что-то вроде праздника после похорон, "праздник" это не совсем подходящее слово, не знаю, какое подойдёт лучше; я взяла такси и сказала ему поехали, поехали, но куда? я не знаю, например, на улицу Фур, ко мне в офис, я убежала, я не хотела идти на этот праздник, никогда не любила праздники; раньше, лет в тринадцать-четырнадцать, когда я не жила ни с папой, ни с мамой, а как раз с бабушкой, она заставляла меня выходить из дома, ходить на тусовки, вечеринки, она давала мне свои платья. Есть бабушки, которые заставляют внуков идти в школу или всегда всё доедать, а моя бабушка заставляла меня ходить на тусовки.

Когда у меня вскакивал прыщ, я начинала плакать. Прыщ был для меня концом света. Мне казалось, что я сама - один только огромный прыщ, какой прыщ, говорила бабушка, не глядя на меня, где? Да вот, на носу, второй нос на носу! Да брось ты, ничего страшного, это очень даже мило, мы сделаем из него мушку. Я отказывалась от мушки¹ (муха на носу, что за идея?), она побеждала, красила меня, переодевала в свою одежду или, возможно, в одежду мамы, я не знаю: подведённые чёрным глаза, вишнёвые губы, блёстки на ресницах, и вправду - прыща больше не видно. Мне нравилось быть кем-то другим. Я не была ей, не совсем, но была кем-то другим и я себе почти нравилась, однако я плакала в машине - так было мне страшно и стыдно, макияж размажется, я не смогу долго поддерживать иллюзию, как Золушка после полуночи я буду ничтожной и глупой и мерзкой и в этот раз все всё поймут. В тот день в такси я не плакала. Я сказала себе: я не пойду на праздник. Моя бабушка умерла, у меня была самая замечательная из всех бабушек, но она умерла, а я не плачу.

Я помню, как зазвонил мой телефон. Номер скрыт, уверена, это Адриен или мама, мама всегда немного некстати, у неё постоянно странные срочные дела, к тому же, ей намного хуже, чем мне. Может быть, она плачет, сказала я себе. Она обожала её, это была последняя ниточка, которая соединяла её с папой, и, возможно, она звонила мне, чтобы мы попробовали поплакать вместе. Но мне не хотелось этого, мне не хотелось ничего, совсем ничего, только сигарету, ах, но я уже курила в этот момент сигарету; во всяком случае, она отправит мне сообщение: Котик Котик ты здесь? Раньше, с Адриеном мы записывали на автоответчик каждый по слову, или каждый по фразе, или же одновременно всю фразу двумя голосами, так счастливы мы были вместе, счастливы и горды, два дурака, которые счастливы и гордятся своей прекрасной любовью, ах, мы им покажем, ах, они увидят, ах, они охренеют от нашей безграничной любви, от нашей дерзкой и жаркой любви, от этого тела с двумя головами, от этой души с двумя телами; или же он меня щекотал и смешил; или мы записывали всякие глупости, а наши отцы ворчали на нас, что это за запись, вы уже, всё-таки, не дети, это не серьёзно! Да нет же, это серьёзно, мы серьёзно любим друг друга, мы давно уже не дети и мы любим друг друга суперсерьёзно.

123, всё-таки, я проверяю сообщения на автоответчике. Действительно, мама, папа, Габриель, а потом в архиве сообщений нахожу его, сообщение от бабушки, её голос звучит из такой дали, что я с трудом его узнаю, алло, моя малышка Лу - для неё я всегда была малышкой Лу - это же её голос, я его слышу, она умерла, но это её успокаивающий и обволакивающий голос, алло, алло, она звонила мне со своего красного телефона, она так любила красный цвет, у неё был красный кабриолет, красный коврик в ванной комнате, красный лыжный комбинезон, который она мне одалживала, когда я хотела покрасоваться; я слышу всё тот же её голос; короткая пауза после

¹. Мушка (от фр. bouche) — косметическое средство для коррекции кожи, распространённое в XVII—XVIII веках в аристократической и буржуазной среде. (здесь и далее - прим. перев.).

Алло, ироничный вздох на словах *Моя малышка Лу*, в тот момент она была такой слабой, уже при смерти, но, тем не менее, я не плачу. Я не плачу, но внутри меня что-то перевернулось, со стороны сердца что-то сжалось, а само оно было как после быстрой пробежки; сначала я сказала себе, мне не следовало бы прослушивать автоответчик, но я так и не заплакала.

Она сказала мне, скатертью ему дорога, когда Адриен бросил меня. Я была разбита на тысячи кусочков, ошарашена, но она сказала скатертью ему дорога, это не твой парень, это просто красивая кукла и пустозвон. Пустозвон? но почему? Он создаёт пустоту и впустую машет руками, впустую сотрясает воздух, сама знаешь, вот, что сказала мне бабушка, когда этот пустозвон бросил меня. На кладбище я тоже чувствую себя растерянной, слишком разбитой, чтобы плакать, без реакции на что-либо, без души и в джинсах; бабушка обожала джинсы, она считала, что в них попке выглядит милее, она постоянно их носила и думала, что вместе с изящными туфлями это даже могло выглядеть шикарно. Я ношу довольно скверные туфли, так что я не очень шикарна, но какая разница, если её тут нет, чтобы сказать мне смеющимся добрым голосом: Луиза, какая ты шикарная!

С Адриеном всё наоборот: он как прыгающий боб вылетает из тесной и вонючей толпы и бросается в мою сторону. На тот момент мы не виделись сколько? шесть месяцев, и он выбрал именно этот момент и именно это место; он мог бы предупредить, мог бы не приходить отлично зная, что я ненавижу сюрпризы. В любом случае, я выпила слишком много успокоительного, чтобы удивляться; он набрасывается на меня, у него красные глаза и напряжённое, ужасное, перевёрнутое лицо; странно двигая подбородком, как будто у него судорога или икота, он говорит моя крошка, любовь моя, мой медвежонок, он жалуется мне выкручивая себе пальцы, его кисти коротковаты, подумать только, с посиневшими суставами, это руки кого-то другого. Он носит большие напыщенные часы, как те, что носят Важные Шишки и люди, над которыми раньше мы смеялись вместе, когда любили друг друга, когда мы были будто сиамские близнецы, которым не нужно объяснять друг другу почему они так насмеваются над другими; он носит дорогие часы, которые как бы говорят: у меня много денег и мало времени, однако, ты видишь, я всё таки пришёл на похороны твоей бабушки.

По его виду заметно, что он доволен своими часами, доволен тем, что он здесь и особенно тем, что он плачет, доволен тем, что может показать всем, что он здесь и что он плачет. Может быть, он каждое утро перед зеркалом репетировал своё новое движение подбородком. Может быть, он отработывал его на Пауле, новой женщине его жизни. Скорбь пустозвона, сказала я себе, как сказала бы бабушка, позволяя ему обнять себя. Затем, когда он отстранился (я не ответила на его объятия, мои руки качались по обе стороны от его куртки, как я в этой куртке? должно быть, спросил он у Паулы перед тем, как выйти из дома), фу, я чувствую, что вся моя шея мокрая от его слёз. Он внимательно оглядывает меня с ног до головы взглядом, в котором есть и недоверие, и осуждение - ну конечно, дело в моих джинсах.

В этот день я не грущу. Бабушка умерла, но внутри я настолько опухшая, отчаявшаяся и разбитая, что не грущу и не плачу. Вокруг меня толпа незнакомых мне заплаканных людей, людей, нагромождённых друг на друга, людей, которые выглядят так, будто знают, почему они здесь и почему им грустно, людей, которые, должно быть, приехали издалека: из Марселя, Мадрида, Тель-Авива, Нью-Йорка, они - её семья, моя семья, они любили её, у них такой вид, будто они и меня тоже любят, мои соболезнования, очень сожалею, могу ли я чем-нибудь помочь? она была таким исключительным человеком, не стесняйтесь, если что. И мой отец, горе моего отца, я никогда не видела его таким сокрушённым, никогда в моей голове не могло уложиться, что папа тоже был чьим-то сыном, но как он-то может плакать? замечает ли он, что его дочь, стоящая рядом, не плачет? или из-за своих слёз он не может заметить, что у меня не получается плакать? Они все плачут. И они подходят ко мне. И они говорят мне милые, или неуместные, или нежные вещи. А я думаю замолчите, замолчите, наконец, я не плачу, почему вы плачете, и я не поднимаю голову, я рисую кончиком кроссовка на песке круги, сердечки, квадраты, я чувствую себя виновной в том, что я здесь и не плачу, виновной в том, что я в джинсах, виновной в том, что меня бросил хлыщ-красавец и в том, что я жива, и в том, что я в джинсах и в том, что не плачу. Я думаю: умерла умерла умерла, она умерла упокоилась ушла сдохла умерла умерла умерла, а мне хоть бы что. Чёртова жизнь. Грязная печаль любви и раз! ты становишься маленькой дрянью с каменным сердцем, которая зло смотрит на милых людей и которая даже одеться не смогла так, чтобы плакать на похоронах своей бабушки.

Обычно я легко начинаю плакать. Я плачу по любому поводу. Когда падаю, когда у меня болят зубы, когда меня толкают, когда мне страшно, когда я устала, когда я хочу, чтобы меня

оставили в покое, впрочем, я очень хотела бы, чтобы меня сейчас оставили в покое, и чтобы мой мобильник перестал звонить. Они должны задаться вопросом что я делаю? Никто не видел её после похорон? Бедная малышка Луиза, она была такой грустной. Должно быть, она спряталась, чтобы спокойно поплакать в одиночестве.

Когда же в последний раз я плакала? Когда заказала рубленый бифштекс с горчичным соусом в кафе недалеко от дома и когда поняла, что не взяла с собой денег; когда не отважилась ничего сказать и удрала, а после этого мне пришлось ходить безумными окольными путями, чтобы вернуться домой? Когда на автобусной остановке я подрисовала двухметровой Пауле усы, а одна старушка обвинила меня в вандализме? Когда захотела снять обручальное кольцо, но палец так распух, что пришлось распилить кольцо? Нет. Тогда я тоже не плакала. Брошенная, покинутая, выброшенная, разбитая как после взрыва атомной электростанции. Нет сомнений в том, что я нарочно покинула под шумок то быстро и мучилась с кольцом: чтобы поплакать, чтобы испытать желание поплакать, получить успокоение от тёплых утешительных текущих по щекам слёз.

Бабушка умерла. В этот день я очень хотела бы иметь хоть маломальское желание поплакать, совсем крошечное желание поверить в это, но нет, я потеряла слёзы так же, как другие люди теряют зрение или слух.

*

Этим утром в щели приоткрытой двери, что ведёт в мою комнату, видна маленькая лысая голова моей мамы. Одна рука у неё бешено чешется, а другая раздулась в два раза. Она массирует её точными, уверенными движениями и с довольным видом наблюдает за тем, как мы с Пабло просыпаемся. Я хочу кремы *La Prairie*, сказала она мне как-то раз, они - лучшие в мире. Тогда я заказала ей кремы *La Prairie* в интернете, воспользовавшись кредиткой её бывшего. Крем с экстрактом чёрной икры, эксклюзивный набор стимулирующих кремов, крем с витамином С в новых пилюлях из овечьей плаценты с тремя альфа-гидроокисилотами. Это супер, Котик, это супер, сказала она. Но дни прошли, она больше не говорила о них, а как-то раз я решила порыться в её косметичке, чтобы проверить пользовалась ли она ими или спланировала какой-нибудь подруге, я увидела, что тюбики были нетронуты. Единственное, что она сделала, это подчеркнула красным информацию на вкладышах: "В случае раздражения проконсультируйтесь с врачом". На полях она написала: "Warning! Warning, lifting!²" На другом вкладыше, который прилагался к пробнику, она обвела: "уникальное сочетание растительных экстрактов для придания коже натурального оттенка" и "свежий цвет лица и упругость кожи - это новая молодость". Стоя там, в дверном проёме моей комнаты, она натирает руку не кремом *La Prairie*, это точно. Это какая-то гадкая мазь, пахнущая больницей, которая даже с такого расстояния вызывает у меня тошноту.

У неё теперь только одна огромная, раздутая грудь, но мама очень довольна тем, что она здесь и что будит нас. С левой стороны, там, где больше ничего нет, остался только огромный шрам, который она прикрыла одной стороной платка, который я ей привезла из Форментеры. Её фиолетовая соломенная шляпка слишком большая, она почти полностью прикрывает уши, но это мой подарок, поэтому она носит её не снимая с самого утра, как и сегодня. В ней не так жарко, как в парике, говорит она, и, кроме того, ей можно протереть лоб, когда потеешь. Смотри, Котик, в конечном счёте, как это вопрос организации. Хорошо, Мама, хорошо. Но всё же: что делают люди, чтобы выглядеть такими счастливыми, когда им настолько плохо?

По ночам она встаёт каждые два часа, чтобы сходить пописать. У неё решительная походка, хотя, нет, скорее торопливая, она пытается не шуметь, но обычно у неё это не получается или же она намеренно шумит, чтобы предупредить нас на случай, если мы ходим голыми или занимаемся чем-то непристойным, внимание, я здесь, это я, Алиса. Она старается идти быстрыми широкими шагами, которые пугают моих кошек, её кошка не боится, она мяукает идёт за ней и будит Пабло, что происходит что происходит что происходит, ничего, это Мама, спи. Она литрами пьёт чай Тъёша, который в шутку называет тещей, и лимонный сок натошак, потому что это хорошо для печени. Её печень совершенно сошла с ума и раздулась от метастазов. Мне постоянно хочется попросить у неё прощения. Но за что? За то, что я больше не помогаю ей. За то, что урывками делаю ей больно, как и всё остальное. Бывают дни, когда мы близки, дарим подарки, разглядываем витрины, ведём долгие разговоры, мне это приятно, ей тоже. А на следующий день мой эгоизм берёт верх, и моя лживость, и желание убежать, которые остались у меня после того,

---

². Осторожно! Осторожно, лифтинг! (англ.)

как Адриен бросил меня, убежать от несчастья, от всех несчастий, даже от мамы, которая так больна: нужно быть чертовски счастливым, чтобы вынести грусть, чертовски счастливым или чертовски отважным, а я совсем не отважная, я очень очень несчастная.

Итак, я как на пунктирной линии. Я пишу ей смски. Хожу с ней каждые пять недель на химиотерапию. Покупаю икру лосося, которую она ест ложкой, и рубленые бифштексы без добавок, гомеопат предписал по 500 грамм красного мяса в день, 500 грамм, чтобы повысить уровень тромбоцитов. Я отвожу её к массажистке, после этих сеансов на маминой руке спадает отёк, а сама я возвращаюсь в офис. После сеанса я встречаю её пешком: это слишком близко для того, чтобы брать такси, но слишком далеко для неё, такой уставшей, не дай Бог, ей станет дурно; затем мы ковыляем вдвоём, я придерживаю её, потому что она хромает, а все эти гады из нашего квартала, которые отводят глаза, чтобы не здороваться с нами, заставляют меня, её родную дочь, бояться этого несчастного зрелища.

Но всё же, думаю, я лишь создаю видимость. Думаю, она верит, что я очень забочусь о ней. Грубо говоря, я забочусь о ней так же, как она раньше заботилась обо мне: выходные-через-выходные-и-половину-каникул. Не считая того, какой потрясающей она была, когда ушёл Адриен. В то время она постоянно смешила меня, готовила для меня, будила по утрам, она никогда не была так близка ко мне, это было так чудесно, так ново, что иногда у меня было впечатление, что мне уже почти не больно. А у меня так не получается. Даже в этом я намного намного хуже мамы. По вечерам, например, я притворяюсь, будто у меня много работы, а она притворяется, будто верит мне. На самом деле, перед тем, как вернуться домой, я мчусь в бассейн, это приятное ощущение во всём теле, в моих слабых мышцах, она должна это чувствовать, она меня знает, да и к тому же, должно быть, она чувствует запах хлора, когда я обнимаю её. А мой страх встретиться с ней лицом к лицу после сеансов химиотерапии, когда она бредит: её лихорадит, она плачет, смеётся, извиняется, её бросает то в жар, то в холод, она говорит невесть что, и даже зная о том, что она никогда не придерживалась условностей, даже делая вид, будто ничего не происходит, в действительности, что это наводит на меня такой ужас, что я хочу убежать.

Когда я чувствую, что она менее решительная, менее уверенная в том, что выздоровеет, или больше не хочет выздоравливать, или отказывается от лечения, в те дни, когда её тошнит, когда нет ничего другого, кроме тошноты, когда она больше не может вынести это, когда я чувствую, что желание прекратить всё это сильнее желания жить, я переключаю её на Адриена. Это тут же приводит её в бешенство и как надо ободряет, раз! и она разражается, этот-ублюдок-и-его-ведьма-эта-парочка-извращенцев-кровосмесителей, ах, чернь, ах, паршивцы, ах, она их ненавидит, она приняла эстафету от меня и моей бабушки, она хочет написать ему, свернуть ему шею, сразу же к ней возвращается голод, энергия божественного огня, она поправится и задаст ему трёпку. Как только она так включается, и я успокаиваюсь на несколько часов или несколько дней, я могу оставить её одну, я знаю, что она будет что-нибудь делать, встретится с друзьями, будет принимать лекарства, строить планы мести, материться. А потом эта энергия иссякает, и нужно искать что-нибудь другое, я не всегда нахожу что, я немного устала от неё, от самой себя, от её болезни, от долгих вечеров, когда она говорит без умолку, когда она не может остановиться, говорит умные и забавные вещи, а потом ещё и занудные, особенно, когда я не хочу разговаривать или когда я хочу посмотреть телевизор, ей всегда есть что сказать в момент, когда нужно сконцентрироваться.

Пабло тоже здесь, он вежлив, хорошо воспитан, ясное дело, это моя мать, я думаю, что он находит её оригинальной, но она постоянно разговаривает с ним, она хочет быть и ему тоже полезной, она вырезает ему статьи из газет, которые он уже прочитал, покупает абонемент сантехнической компании, и ему понадобится три месяца, чтобы использовать его, она заходит в нашу комнату с чаем, как и сегодня, быстро, быстро, прикрыться одеялом, слишком поздно, она увидела его голым, она говорит ничего страшного, ничего страшного, пора пить чай с мёдом, это хорошо для вас, он цедит сквозь зубы спасибо, её ноги путаются в нашей одежде, что разбросана по полу, поднос выskalывает у неё из рук и на нас проливается кипящий чай.

Позже, полностью проснувшись, я скажу ей Мама, я не хочу, чтобы ты вот так заходила в мою комнату, как сегодня утром, я не одна, мне уже не пятнадцать. Она подумает об этом и будет оскорблена, унижена, ей будет стыдно, она захочет вернуться домой, её будет тошнить всю ночь. Но мне тоже будет стыдно, для чего это, в чём смысл того, что она заходит в мою комнату, она больна, она хочет наверстать все те годы без чая с мёдом, ладно, она немного нарушает нашу интимность, но какую интимность, нафиг мне нужна эта интимность, она такая, она такая, какими словами описать эту нежность, эту любовь, у меня больше нет подходящих слов, мне

понадобились бы слова, которые не существуют, временами я хотела бы забрать её рак, украсть его у неё, но разве это для того, чтобы утешить её или из ревности, чтобы оказаться на её месте, где меня будут ласкать? Я ненавижу себя, когда думаю об этом. Ненавижу то каменное сердце, каким я стала.

А ещё я ненавижу её кота. Ведь это я её котёнок, а он спит с ней, она так заботится о нём: ветеринары, лекарства, ласки, ну и я Котик, Котик, так она меня зовёт, она говорит Котик, когда ругает меня, Котик, когда целует, всегда Котик, это вопрос интонации, я её котик, её настоящий котик, котик, который не плачет на похоронах его бабушки, котик, который всё так же одет, котик, который не берёт трубку, котик, который не любит праздники, котик, который постоянно спит, который любит, когда его оставляют в покое, это я её котик, но разве они так же ладят с другим, с тем ебучим котом, почему он гадит на мои вещи и испускает ужасные, почти человеческие крики по ночам? Я говорю ей Мама, не могла бы ты оставить своего кота дома или у подруги, это было бы для нас отдыхом, он мешает мне спать, да к тому же он блохастый и ему тут не нравится, это не его дом, ты же знаешь, что кошки больше привязываются к своей территории, чем к своему хозяину, нафиг тебе этот кот, ты думаешь, что любишь его, но это не так, у него даже нет имени, он дебилный и уродливый, он постоянно у нас на руках, я его ненавижу.

Она отвечает да-да, Котик. Говорит, что понимает, что сейчас всё придумает, что в любом случае ей лучше дома. Она возвращается на Монмартр вместе с котом, дуется и не возвращается. Но Мама, это идиотизм, я была идиоткой, я прошу прощения, вернись, возвращайся с ним, ревновать к скотине это, всё же, по-скотски, вернись, я буду пользоваться берушами "Ки". Но она оскорблена, она упрямится и так и останется дома на дни и недели не возвращаясь на улицу Бонапарт. Раньше я не была такой злой. Как сказал Пабло: возможно, вся эта история меня сильно потрепала.

*

Я оставляю маму без внимания. Я постоянно думаю о ней, мне даже не нужно думать о ней, чтобы думать о ней, она всегда со мной, как бремя, как сожаление, как нежное присутствие, как огромное разочарование, но я оставляю её без внимания.

Даже сегодня, когда мне уже лучше, когда Адриен далеко и это хорошо, что он далеко, даже сегодня, когда у меня много свободного времени, прекрасное сухое весеннее утро, кино с Пабло, притворная беззаботность, смех, я замечаю, что думаю о ней, но не достаточно, следовало бы больше, намного больше, что? я не очень понимаю, но я знаю, я убеждена, что она нуждается во мне, чтобы выздороветь, и мне плохо от того, что я не встретила с ней.

В другой день мы были на террасе дю Пре окс Клерк, у неё было красное лицо и она дрожала, бусины пота орошали её платок, я напомнила ей об Адриене, чтобы немного взбесить, а мимо нас прошла одна высокая вызывающая девушка в обтягивающей футболке с такой хорошей огромной грудью, что все оглядывались на неё, я сказала Мама, ты видела эту грудь! Она улыбнулась. Но перед тем, как улыбнуться, её лицо помрачнело, и я захотела дать себе пощёчину, потому что это лицо как бы говорило: раньше у меня тоже была хорошая грудь, раньше я тоже гордилась своей грудью, её даже фотографировали, люди видели только её на обложке *Vogue*, на пляже, на террасе кафе люди говорили грудь Алисы, Алиса и её грудь; есть девушки, которые даже будучи одетыми кажутся раздетыми, и я была одной из таких девушек. А потом девушка ушла и всё прошло, а мама улыбнулась: я захотела взять её на руки, сказать ей тебе сделают совсем новую грудь, ты будешь очень красивой, как раньше, вот увидишь; но уже слишком поздно, она не поняла бы, она уже вновь вернулась к Адриену.

Вспоминаю тот день, когда она мне сказала, что больна. Она нагрнула как снег на голову ко мне в офис. Я видела, как она приближалась ко мне по коридору, её все видели, её быстрые шаги, её царственную поступь, чуть напряжённые черты лица, но лишь едва, к тому же они ей шли, ей всё к лицу, она хороша как только встаёт с постели, хороша, когда вусмерть пьяная, хороша, когда несчастна, ей всё к лицу, усталость и любовь, ликование и изнеможение, мама - это чудо, мама притягивает взгляды, причина аварий на дороге это мама в мини-юбке; она приближается ко мне по коридору, у неё хиппи-корзинка, жёлтые брюки-капри, поверх них - кимоно; у неё как всегда есть что-то срочное и важное, то, что она как обычно запинаясь и петляя взахлёб расскажет мне; я чувствую это за десять метров, лишь увидев её, лишь заметив её сегодняшний сосредоточенный вид, который обычно меня либо смущал, либо волновал; я чувствую за десять метров, что она здесь, чтобы преподнести мне очередной абсурдный и гиперзапутанный рассказ, в котором кроется её секрет.

Итак, я здесь, у себя в офисе. Мне скучно. Жарко. Я слишком налегаю на Ксанакс³ и косяки, чтобы не думать об Адриене и чтобы быть в состоянии работать. Папа бомбардировал меня телефонными звонками до тех пор, пока я не проснулась, и сказал мне сегодня ты идёшь на работу, это приказ, я подчинилась и поэтому я здесь, бесполезная и размазанная, посреди всех этих рукописей, всех этих будущих не-книг почти настолько же бесполезных, как я, и которые заставляют меня зевать от скуки, лишь я о них подумаю. Я рада её видеть. Я буду подыгрывать ей, погружусь в рассказ, обдумаю её причуды, интриги, нелепицы, иногда это просто вопрос бабок, или у неё вырвали сумку в метро, или ублюдки из почты опять бастуют, или ей заплатили фальшивыми деньгами, или ей приходится выручать близкую подругу, да точно, ты её знаешь, ты её очень хорошо знаешь, глянь-ка, это Франсуаза, она возилась с тобой, когда ты была маленькой, она вылечила тебя от ветряной оспы, спасла тебя от гибели, написала статью о твоём отце и вот, она под стражей из-за какого-то недоразумения, ей нужно 1 546 франков, но у неё их нет, а тот банкомат рядом с домом сожрал мою карту. Обычно я звоню папе, понимаю, что это ложь или допускаю, что это возможно, или же придумываю другую историю; у папы нет времени, чтобы колебаться, у него есть дела поважнее или он нам действительно верит: в любом случае, не важно, если мама говорит, что нуждается в деньгах, она, такая гордая, такая надменная со всем этим несусветным вздором; он отлично знает, что это последний выход, что она уже всё исчерпала и что нужно притворяться, будто веришь ей. Она бросается на меня. Я готова. Я закрою дверь. Мы завариваем немного чая в офисе. Она будет говорить, говорить, рассказывать мне свою мегазапутанную историю, и мы найдём решение, мы всегда находим решение.

Первое, что меня действительно поражает это не её жёлтые брюки-капри, не напряжённое лицо, не корзиночка, а длинные крашенные хной волосы, которые спадают до плеч. Несколько месяцев назад, по телефону, она сказала, что собирается постричь их, чтобы она лучше росли. Я была не рада этому. Я не люблю изменения. Это внушает мне страх, когда люди меняются, особенно мама, и особенно волосы, это первая деталь, которую я вспоминаю, когда думаю о ней, её длинные шелковые рыжие волосы до самого пояса: когда я была маленькой, нам приходилось не видеться месяцами, месяцы это очень долго, когда ты маленький, это в два раза дольше, нет, в три, а может, и больше, но она дала мне прядь своих волос на всякий случай, эта прядь до сих пор у меня, она очень длинная, такая мягкая, она пахнет даже сегодня всё тем же ароматом медового шампуня, вышедшего из моды парфюма и светлого табака. Сегодня её волосы очень красивые, очень блестящие, как из нейлона, и это не первая деталь, которую я вижу, но первое, что я говорю ей, когда она заходит в мой офис: ох, Мама, какие у тебя красивые волосы! А она не глядя на меня медленно села напротив меня, не спеша закурила сигарету, достала платок из корзинки и вытерла пот, который будто залакировал её лоб, а потом сказала: "Это не мои волосы, Котик".

Сначала я не понимаю. Говорю себе она говорит какую-то чушь, это шутка, какая-то шалость, парик для съёмок в кино, игра слов, смысл которой ускользнул от меня. Я повторяю:

-Как так, это не твои волосы?

-Нет, мой котик, не мои.

Этот тон, эта тяжесть, эта горечь, которые ей так не подходят, этот пораженческий вид, этот приоткрытый рот, этот пристальный взгляд, это больше совсем не похоже на шутку. Дальше я слышу её как в тумане, у меня пустая голова, а сердце колотится, я слышу, слово через слово, фразы, которые не имеют смысла и которые, кажется, преодолевают километры пути прежде, чем я их услышу.

-Твой отец... рак... не хотел, чтобы я тебе об этом говорила... смерть твоей бабушки... Адриен... хотел, чтобы я сначала выздоровела, а потом уж мы тебе сказали бы... но это надолго, мой маленький Котик... так долго, что он и не представляет... он будет в ярости... ярости... он говорит, что это для того, чтобы уберечь тебя... но я думаю, что тем хуже... я думаю, чтобы вылечиться от рака, от рака, от рака...

-Да что ты такое говоришь? - кричу я наконец, - что за раковая бредятина?

И я кидаюсь на неё. Не подумав, как фурия, я хватаю её красивые шёлковые волосы, которые так и остаются у меня в руке, все, а её маленький круглый череп остаётся снизу.

---

³. Алпразолам — лекарственное средство, анксиолитик (противотревожное средство), производное бензодиазепина средней продолжительности действия, которое используется для лечения тревожных расстройств, панических атак.

Мы сели, мёртвая и вялая вещь упала между нами на стол. Я запрокинула голову. Дрожь. Взгляд в потолок. Не плакать, ни в коем случае не плакать, потому что она нуждается во мне, мама нуждается во мне, говорю я себе, не плакать, быть сильной.

-Дай-ка мне сигарету, - шепчу я молясь о том, чтобы не хлынули слёзы.

С прилежным видом и нахмуренными бровями она шарит в корзинке и протягивает мне пачку *Benson and Hedges Lights, BHL*, как говорил Адриен, твоя мать курить *BHL*, и это бесило его.

-Сердишься на меня?

-За что, Мама?

-За то, что сказала тебе, за то, что не послушалась.

У меня желание сказать ей ты чокнулась или что? сержусь? на тебя? этого ещё не хватало! я, всё-таки не сахарная! вы все о чём вообще думаете? наоборот, мы сильнее в два раза, в три вместе с папой, хватит обращаться со мной как с ребёнком! Но я слишком боюсь расплакаться, не дойти до конца, потерять почву под ногами, так что я просто говорю нет, нет, так лучше и позволяю этой новости, которую я едва отваживаюсь сформулировать, охватить меня, такой кощунственной она мне кажется: рак... химиотерапия... у мамы рак и из-за химиотерапии у неё выпали все волосы... как получилось, что я ничего не заметила? ни о чём не догадалась? что же я за чудовище, что ничего не почувствовала? почему она? как получилось, что именно она заболела? разве она не была непотопляемой? бессмертной? разве она не пережила один или два передозов, всё то разнообразия самоубийств, печаль, безумие?

Именно в этот момент робко, как воровка, будто пользуясь тем, что я смотрю в никуда, она забирает со стола свой спутанный парик и снова надевает его на голову. Я осознаю, что на самом деле, этот парик не так уж и плох. Он в совершенстве имитирует её прежнюю причёску, не считая того, что у мамы нет зеркала и что она надела его задом наперёд: слишком низко на лоб, а длинные спадающие только на одну сторону пряди придают ей вид настоящего маленького клоуна. И тогда происходит совершенно неожиданная и очень глупая вещь: в место того, чтобы разговаривать я смеюсь, а мама поначалу удивлённая, вся в слезах, которые мне удалось спрятать, тоже разражается смехом. Мы вместе долго смеёмся, как две идиотки, как две сумасшедшие, смеёмся нервным и благотворным смехом, который облегчает нам возможность поговорить друг с другом и смывает эту великую печаль, которую отныне мы будем разделять.

Этот день положил начало круговороту врачей. Приёмные, ожидание. Консультации. Каждый раз надежда, что один из них отменит диагноз, да нет, Вы не больны, у Вас нет рака, с той же лёгкостью, как когда мне было пять лет, и мы с папой пошли к пяти офтальмологам узнать действительно ли мне нужно носить очки. Никогда в своей жизни я не проводила столько времени с ней, и это будет непросто, поскольку она воспользуется этим, чтобы вмешаться во всё. Моя жизнь. Адриен. Мои любовники, чтобы пережить Адриена. Мои трое любовников или псевдо-любовников того периода, она совершенно увлечётся, расплчется, когда я уйду от них, позвонит им или постарается сделать так, чтобы случайно встретиться с ними и сказать им не парьтесь, Луиза вернётся, она сейчас немного взволнована, но она вернётся. А я в свою очередь рассержусь как следует, а сразу после этого буду ненавидеть себя за то, что рассердилась.

В какой-то момент я поняла, что мама сильнее, чем я думала, храбрее, отважнее, и даже сегодня у меня на глазах выступают слёзы, стоит только подумать об этом, стоит только увидеть снова как она пошатываясь, но всё же улыбаясь, наносит помаду на губы после десятков сеансов химиотерапии. Но всё таки срываюсь именно я. Это я матерюсь целыми днями и нахожусь в страшном гневе, проклинаю всю планету за все несчастья, которые обрушились на меня. Болезнь мамы - скандал. Скандал в том, что врачи не могут мигом вылечить её: зачем они вообще тогда нужны? чёрт, зачем они нужны? Скандал в том, что мама спохватилась так поздно, на третьей стадии из четырёх, как же она ничего не почувствовала заранее? Скандал в том, что шарлатаны, которые в первое время качали маятником у неё над грудью, не советовали химиотерапию, химиотерапия - это атомная бомба, вы можете вылечиться отваром тимьяна. Скандал в том, что мама верила им, и скандал в том, что я, Луиза, верила им тоже, недолго, всего пять минут, а потом орала на неё, почему мы пришли на консультацию к этому дебилу? Но не было никакого смысла в том, чтобы орать на неё, мама тоже уже выросла из того возраста, когда на всех орёшь. Мы с мамой - очень сложная история. Я, в таком случае, ещё большая дебилка, чем мама. И, наконец, скандал - это Адриен, скандал в том, что этот ничтожный Адриен как специально выбрал именно этот момент, чтобы бросить меня...

Раньше я считала его виноватым во всём. Моя грусть - это из-за него. Кошмары из-за него. Булимия и анорексия, смерть моей бабушки и покушение на командира Ахмада Шаха Масуда⁴ из-за него, плохая погода, пурпурная смерть⁵, израильско-палестинский конфликт, моя первая морщина, круги под глазами - это всё, опять же, из-за него. А теперь и болезнь мамы! Как только я не обвинила его в маминой болезни? Он всё просчитал, сказала я себе. Всё продумал. Он мог бы мне помочь, если бы остался со мной. Его мать, сёстры, брат, бабушка, отец, вся его семья могли бы быть тут, могли бы очень облегчить страдания мамы. В место этого - идиотские сообщения, жалобный голос, мудацкие и подлые СМСки: Паула - моя новая жизнь, я бесконечно счастлив, почему ты меня не вспоминаешь? В этом он тоже виновен, и мне нравится так думать.

Если печалью поделиться, я не знаю, это её тем самым увеличит или уменьшит? С некоторых сторон она увеличивается. Спрашивается: ну и что дальше? разве может что-нибудь ещё свалиться на голову? разве есть предел горю? Но правда в том, что в то же время мне пришлось заняться мамой, и это позволило мне дать имя той боли, которая до этого не имела его, у меня был весомый повод быть несчастной, и я воспользовалась этой печалью, чтобы ослабить другую, воспользовалась маминой болезнью, чтобы отмыть грязную печаль любви. Я проклинаю себя за то, что говорю это. Проклинаю за то, что думаю об этом. Я ненавижу себя.

*

Я только что встретила с Пабло. Он сидит на диване, его ноги скрещены, у него красивые зубы, красивое лицо, он рассказывает мне о том фильме про Манолете или про Энрике Понсе⁶, не знаю даже, впрочем, ему так хотелось бы, чтобы матадоры, жизнь, смерть, бычий рог нравились мне, он был бы так счастлив, что хотя бы это нравится и мне, и ему, так что иногда я немного подыгрываю, говорю первую милую фразу, которая влечёт за собой всё остальное; я подкидываю ему её как коту, я не отваживаюсь приказать, как собаке - это слишком жёстко, я предпочитаю подкидывать как коту. Но сейчас у меня нет желания ни притворяться, ни задавать вопросы, ни восхищаться, ох да, круто, поехали в Севилью, поехали в Ним; у меня нет желания ни предлагать ему, ни быть обязанной, ни уступать ему и не подчиняться ни в чём, я отлично знаю, что на самом деле, если бы я немного "спустила", это закончилось бы тем, что я увлеклась бы, но я не хочу ничего, что меня увлекает, ничего.

Мне нравится Пабло. Он не похож на меня. Мы с ним разной породы, но именно это мне и нравится в нём. Сиамский близнец, двухголовый орёл, один мозг на двоих, один проникает в жизнь другого как в тёплую одежду, конец детсадовским глупостям. Иногда мне хочется, чтобы Пабло просто заткнулся. Или чтобы свалил.

"А ты что хочешь делать, - спрашивает он глядя на меня, окружённую стеной плохого настроения и неискренности, - ты-то что хочешь делать со своей жизнью?"

Сегодня я не хочу слышать и не хочу не слышать его, не хочу быть ни спокойной, ни беспокойной, ничего, может быть, только быть тут и курить сигарету, во всяком случае, точно не хочу знать, на что будет похожа жизнь, и каким я вижу будущее, потому что наши разговоры всегда съезжают на эту тему, а сейчас от этого меня тянуло плевать, нет, спать.

"Ничего, - процеживаю я сквозь зубы косо глядя на расплывчатую фигуру на диване. (Я не надела линзы. Чтобы ещё больше побесить его, я решила выглядеть как слепая злоюка, которая не видит дальше края своей кровати.)

-А что тебя интересует в жизни?

-Ничего.

-Ах, вот как. Ничего не хочешь делать.

-Угу.

-А хочешь стать матерью семейства? Ты хочешь рожать детей?

---

⁴. Ахма́д Шах Масу́д (01.09.1953 — 10.09.2001) — афганский полевой командир, министр обороны Афганистана (1992—1996). Известен также под прозвищем Панджшерский лев. Погиб на следующее утро после покушения во время интервью — террористы-смертники выдавали себя за журналистов, спрятав взрывчатку в видеокамеру.

⁵. Пурпурная смерть - тяжёлый острый респираторный синдром. В процессе размножения вирус разрушает клетки лёгочных альвеол.

⁶. Манолете (наст. имя Мануэль Лауреано Родригес Санчес; 04.07.1917— 29.08.1947) и Энрике Понсе (08.12.1971 - ...) — известные испанские матадоры.

-Не-а.

-Хорошо. Превосходно... То есть, ты хочешь быть пассивной, да?

-Да.

-Плыть по течению.

-Ага.

-Ты хочешь быть овощем, купальником, хочешь быть Муной Аюб⁷.

-Я хочу, чтобы меня оставили в покое," - кричу я.

Он ничего не отвечает. Он никогда не сдаётся. Мы знакомы лишь несколько недель, но у него есть "инструкция по эксплуатации", он знает, что в конце концов, это пройдёт, что когда-нибудь я вновь стану нормальной, почти милой, ничего не остаётся, кроме как ждать, делать вид, что ничего не понимаешь, а может, я путаю с Адриеном и нет у него никакой инструкции. А была ли у Адриена инструкция по эксплуатации? Разве это не было сплошным недоразумением с самого начала? Разве эта история не была написана начиная с самой первой ссоры, когда я уже ревновала к его одной новой мачехе, а он заставлял меня думать, что я тронутая? и когда в самый разгар ссоры он внезапно спросил меня, как будто это было единственной вещью, которая имела смысл: у тебя есть расчёска?

Пабло не отвечает, он встаёт с дивана и начинает ходить из стороны в сторону по пустой гостиной. В первый раз, когда Пабло пришёл ко мне, он сказал с растерянным видом Бог ты мой, как же у тебя пусто, тут ничего нет. Он сказал это так, будто ему пришлось в голову помочь мне с этим. Я была удивлена, почти оскорблена, да, в комнате было пусто, но мне не казалось, что там не было ничего. Мне понравилось, что он быстро принёс свои вещи, афиши корриды, книжки, кучу дисков певцов, которых я не знала, он включает музыку очень громко, меня это не напрягает, единственное, чего я не хочу, так это чтобы он просил меня принять участие в этом, любить, ценить, чувствовать разницу, нет, я действительно не хочу этого, впрочем, он меня об этом не просит, он слишком боится моего мерзкого характера, чтобы просить меня быть милой. Он тут же устроил привычный ему бардак, и это мне также понравилось, что когда я возвращалась домой, у меня было такое ощущение, что в этом пространстве, которое я не знала, как заполнить, которое было как дыра, что там что-то зарождалось, оно было занято Пабло и его бардаком. Итак, он начинает ходить взад и вперёд по немного менее пустой комнате. Тем временем я просто начинаю привыкать к его манерам. Они противоположны тем, что были у Адриена. Между его шагами всё меньше и меньше слышны шаги Адриена. Как будто Пабло давит его своими шагами; как будто Адриен исчезает под землёй благодаря Пабло. Он подходит ко мне, берёт мою сигарету, чтобы прикурить свою, выпускает дым через нос словно бык, готовый к тому, что его сейчас нагрузят, и говорит очень милым голосом: "Нет, я не оставлю тебя в покое."

Нет, ну какой же он придурок, думаю я. Он так и не понял, что нельзя перечить девушке, которой всё осточертело и которая может взорваться в любой момент?

"-Ну, тогда я ухожу от тебя, отвечаю я.

-Чего?

-Я бросаю тебя, я бросаю, бросаю.

-Ты сумасшедшая, Луиза, ты сумасшедшая.

-Пошёл вон.

-Нет, конечно, нет. Я тебя не оставлю в таком состоянии.

-Да в каком состоянии, нет никакого состояния, это моё состояние, я хочу побыть одна, ты можешь это понять? одна одна одна одна одна!

-Ну и для чего, можно узнать?

-Не для чего! Совсем не для чего!

-Тогда напиши об этом! Или сделай коллаж, сними фильм, напиши песню, сделай что-нибудь из этого, это хоть немного поможет тебе.

-Ты бесишь меня своим энтузиазмом, ты во всём всегда видишь плюсы, а у меня нет плюсов, вот чего ты не уловил, я хочу быть одной, ничего не ждать, ни на что не надеяться, спать дымить сигаретами есть впадать в зимнюю спячку, не думать, не размышлять, вытирать пол гигиеническими салфетками *Cif*, играть в Динозаврлэнд на компьютере, читать старые номера *Elle*, старые *20 ans*, романы, которые я знаю наизусть, постоянно подчёркивать одни и те же

---

7. Муна Аюб, (27.02.1957 - ...) деловая женщина из Ливана, в начале 2000-х широко освещаемая СМИ, была в элите американского и французского общества, основной деятельностью Муну было "праздновать" в зарезервированных для неё местах (рестораны, клубы и проч.).

фразы, смотреть телек, пить молоко, есть хлеб, вымоченный в чае и танцевать в полном одиночестве, потому что перед другими я не могу, это как оргия, это отвратительно, не плакать, не смеяться, заказывать массаж, хочу, чтобы меня ласкали не требуя взаимности, быть неподвижной, самой неподвижной под пальцами массажистки, которой я плачу за это уединение, мурчать, засыпать!

-Вот как. Прямо как твои кошки. Потрясающе!

-Да, потрясающе, я - потрясающая кошка! Я уже говорила тебе, что мама держала меня на привязи? У меня был ремень на талии, это было модно, она притягивала меня к себе, чтобы перейти улицу, это шокировало прохожих, она одевала меня в чёрное, люди оскорбляли её, это было так клёво!

-Прекрати, Луиза, это уже не смешно.

-Я знаю, что не смешно, я ухожу от тебя.

-Нет, не уходишь.

-Ещё как.

-Нет. Я люблю тебя.

-Говорить это - бред. Это самая тупая фраза в мире. Вот я не люблю тебя, никогда не полюблю, я никогда больше ни в кого не влюблюсь.

-Это Адриен тебя изуродовал.

-Это тебя не касается.

-Касается. Потому что я тебя люблю.

-Нет, не любишь ты меня, я не хочу, чтобы ты меня любил, у меня сердце высохло, а сама я совсем чёрствая.

-Я стану его поливать. Я оживлю его, вот увидишь. Иди, иди ко мне, да, ну вот...

-Раньше я была превосходной девушкой. Но вот, вот, вот...

-Что "вот"?

-Вот, я выматываю тебе душу.

-Нет, это Адриен выматывал тебя. Ты полюбишь меня, вот увидишь.

-Я устала.

-Да нет же, ты не устала.

-Скажи мне что-нибудь милое...

-Я говорю тебе это.

-Спасибо, ох, спасибо, у меня больше нет сил..."

Вот так мы и не расстались. Это продолжается вот уже два года. Он знает, что не может ни о чём меня попросить, не так уж много обо мне знает, но зато знает, что мне нечего ему дать и что я тоже ничего больше не жду от него. Может быть, он страдает от этого. Может, он ждёт, может, он думает, что вылечит меня. Тогда, после ссоры я решительно запретила произносить слова, связанные с любовью. Изношенные и отслужившие своё похабные слова любви. Я считаю, что говорить я тебя люблю женщине - позор. Я считаю, что между мужчиной и женщиной это могло бы стать причиной разрыва отношений. Я запрещаю нам произносить эти слова, чтобы быть уверенной, что чувства не исчезнут, что однажды утром мы не проснёмся с любовью, которая - раз! - и прошла так же легко, как и появилась.

Пабло мил. Он делает вид, что понимает. Никакой любви? - говорит он. Никаких слов любви? Остаётся что остаётся, и этот остаток неизмеримо большой. Пабло выражает это слогами, тембром голоса, интонацией. Правда в том, что когда он говорит мне "Луиза" по телефону, понимаешь, Луиза, слышишь меня, Луиза, когда вечером он с неизменной манерой округлять губы говорит "Лу", как ласка или как недовольное ну, или его манера произносить "иза" так, чтобы выделить слог и показать белые как мел зубы, которые не отражают свет, а поглощают его, когда он так говорит Луиза, я ни в чём не могу его упрекнуть, ведь он ничего не сказал и не произнёс бранные запрещённые слова, но это словно украденная нежность, и мне это нравится. Да, я немного жульничаю. Но это честно. Я не могу рассердиться. Впрочем, я и не сержусь. Хорошо, просто моё имя. Это почти нежно. Он шепчет моё имя и это похоже на то, как радость жизни возвращается ко мне.

*

В моём офисе на улице Фур никого. Это нормально, сейчас обеденный перерыв. Сесть. Поразмышлять. Вспомнить всю эту историю с самого начала: как, почему, приезд Паулы в Поркероль вместе с отцом Адриена, его оживление и задор, она говорила мужчина моей жизни,

они выглядели так, будто любили друг друга и много смеялись вдвоём, сначала она и меня веселила, когда же я поняла, что она хочет сына после отца и что она только притворялась весёлой, а на самом деле хотела лишь разрушать, создать максимум драмы и несчастья? Этот шум, к сожалению, в моей голове мешает мне думать как следует. Открыть окно, но на улице практически столько же шума. Закрывать окно, бум бум, шум становится только сильнее, как раскаты удары в необъятной пустоте. Может, помассировать виски? Помассировать корни волос? Раньше это делала мама. Никто в мире не умеет отгонять мрачные мысли как мама. Но сейчас это не мрачные мысли, это даже и не мысли, просто шум в пустоте, а мама настолько больна, что пришла моя очередь делать ей массаж. Никто никогда не помассажирует меня так, как мама. Никто. Никаких мыслей, нет, никаких чувств, ничего, я уверена, что я всё выбросила.

Свадебные фотографии, всё равно на мне было слишком много макияжа - выброшены.

Письма, те письма, в которых ты говорил мне, нет, не вспоминать о том, что ты мне говорил в этих письмах - выброшены.

Выброшены дурацкие романтические коллажи, которые мы дарили друг другу, когда были влюблены, когда были детьми, когда были без гроша.

Выброшено моё обручальное кольцо, точнее, части распиленного кольца: безымянный палец распух, небольшая соматизация, вы уверены, что не хотите сохранить части, спросила меня дама из магазина бижутерии, нет, спасибо, забирайте всё.

А потом и рукопись по-случайности лежавшая там, на моей этажерке: очень плохая рукопись, до тошноты, до блевотины, в любом случае, всё тошнотворно, будущее письмо об отказе вызывает рвоту, надежда на типа на другом конце заставляет блевать, тоже выбросить, проваливай, так будет лучше для всех, для него, для меня, для дома, для издательства, выбросить всё это не сбавляя шага, давай, выбросить это, выбросить то, наполнить огромную сумку, рукописи в переплёте, уже получившие отказ в других местах, такое бывает, картонные обложки, трогательные иллюстрации, маленькие рекомендательные письма, все эти усилия, ухищрения, хоп, всё выбросить, талант, посредственность, зарница писательства, выбросить ещё, уничтожить, свалить всё в помойный мешок, вытащить его в коридор, поставить его перед дверью, взять другой, наполнить, тут много рукописей, слишком много, все вызывают тошноту, давай, живо, и книги тоже, все говорят, сейчас много чего печатают, убраться, основательно убраться, мои карточки из библиотеки, дискеты, хоп-ля, весь этот хлам на мусорку, пойти в другие офисы, воспользоваться обеденным перерывом, чтобы максимально отделаться от всего этого, пять мусорных мешков, этот коридор слишком узкий, не смогу вытащить больше, чем пять мешков, у меня всегда проблема с коридорами, когда мне было четыре года, папа заставил меня приехать в новую квартиру, где мы собирались жить без мамы, без ушедшей мамы, брошенной мамы, он показал мне комнату полную новых игрушек, его рабочий стол совсем рядом, но единственная вещь, которая интересовала меня, как мне помнится, это был коридор, этот коридор достаточно большой, чтобы играть в машинки и в продавца? Измерить шагами коридор, сколько шагов до двери, смотри-ка, в первый раз было меньше, заново, посидеть, нет, сначала спустить сумки, у меня кружится голова, стук становится сильнее, кружится и колотит, хочется чая "тёща", опять коты, они надоели, чай слишком горячий, он обжигает мой язык и горло, ещё глоток, от которого становится легче, надо было просто быть любимой, любимой и небросаемой, я была его медвежонком.

Мне вспоминается тот раз, когда мы были в ванной комнате. Я была его медвежонком. Я ревновала его к этой девушке. Как-то утром, дома в Поркероль мы видели, как Паула приближалась к нам выйдя от отца Адриана, типа светское общество - это ко мне и мужчины - тоже. Он был в ванне. Его веселило то, что я ревную. Он говорил мне моя любовь, это моя мачеха, ты не должна ревновать меня к мачехе! Это смешило меня, но всё же я ревновала, мне казалось, что она слишком кокетничает; она была с его отцом, но я видела, как в кафе, на пляже, за столом она притворялась заинтересованной и невинной, жеманной, пытающейся подцепить всех мужчин в округе, ох, как вы обольстительны, ох, как вы обворожительны; я считала её красивой и опасной, у неё было неподвижное лицо, как будто слепленное из воска: когда она улыбалась, у неё как бы перемещались кости, которые обнажали ровный ряд совершенно одинаковых зубов; я считала её красивой и бионической женщиной со взглядом убийцы.

Когда мне было пятнадцать, она уже была манекенщицей, я была очарована этим совершенным лицом, затем я поняла, что оно было фальшивым, что она вместе со своим хирургом выбрала его на компьютере, смотрите, мы сделаем вам высокие скулы, вот такие, из силикона, укоротим нос, а подбородок увеличим, чтобы уравновесить контур лица, у вас хорошие глаза, там

нечего менять, но можно сделать совсем небольшой разрез на висках, дабы приподнять бровную линию, что вы об этом думаете, пара инъекций Ботокса, чтобы всё это заморозить, а насчёт зубов посоветуйтесь с моим коллегой. По сути дела, мне нравилось это, нравилось так думать насчёт её лица, я считала это классным.

Адриен мыл голову. С помощью шампуня он сделал смешную причёску: застывшие в воздухе пряди с одной стороны головы. Это рассмешило меня. Он сказал мне тебе нет смысла ревновать, ты в миллиард раз красивее, чем она, она вся переделанная, вся зафиксированная, эта девушка - Терминатор, знаешь, что она сказала в аэропорту, когда я пошёл встречать её с отцом и когда я предложил ей помочь с чемоданом, она сказала мне спасибо, я ни в ком не нуждаюсь, мужчины... я незамедлительно кастрирую мужчин, да к тому же, в любом случае, сейчас она уже с моим отцом, это больше не женщина, это табу, вот так-то. Я успокоилась. Нужно быть тупицей или поехавшей, чтобы ревновать к табу, а он не любил бы меня если бы я была поехавшей тупицей. Ты любишь меня, скажи, любишь? Он любит меня, говорит, что любит меня, он показывает мне, клянётся, говорит, посмотри, мы как два пальца одной руки, вот так, гляди. Чёрт. Чёртов коридор, я моргаю, в глаз попала пыль, следовало бы быть осторожнее, но я никогда не осторожничаю.

Это "согласие" между ними немного напрягало его отца, прекратите, вы, двое, говорил им он, когда они казались ему слишком заговорческими или когда натирали друг другу спины кремами или когда они хором пели после ужина. А вот у меня это вызывало улыбку, она была натянутой, но, всё же, я улыбалась, я не ревнивая, не ревнивая, он не любил бы меня, если бы я была поехавшей, я не была поехавшей, я не была ревнивой, хотя, могла бы. Ну и что? Что бы это изменило? Я ушла бы? Может быть, я даже и не ушла бы. В любом случае, это был конец. Мы больше не были детьми и не любили друг друга как дети, пинки, толчки, сражения на подушках, дети дети дети, ненавижу детей, ненавижу любовь, я моргаю, нет, я не плачу, нет, нет, у меня просто пыль в глаз попала, я у себя в офисе, раньше, во времена Адриена, я никогда не была в офисе в это время, я спала до последнего, вот почему я была его медвежонком, вот дерьмо, я ведь даже не пила, почему я тогда спала весь день? У меня чёртова пылинка в глазу. Что значит думать об этой девушке, которая притворялась подругой и называла меня Милая Попка, как дела, Милая Попка? Как-то раз я встретила её в бассейне, она уже была с Адриеном в тот момент, но я не знала этого, не ревнивая, не тронутая, не ревновавшая к табу, она сказала мне с улыбкой Терминатора и наформалиненным⁸ лицом, люди это чёрт знает что, они, мудаки, говорят, что я спала с твоим мужем, вы вместе такие милые, такая замечательная пара, какой мерзавкой надо быть, чтобы разрушить такое счастье, ведь счастье так редко встречается.

Пойти в ванную, промыть линзу, осторожно, чтобы она не упала, несколько лет назад на улице Кондэ я потёрла глаза и так и потеряла её; обычно, поскольку они полутвёрдые, раздаётся тихий плюх, если они падают на пол, в тот момент я застыла, ожидая этого плюха, но он не прозвучал, я придвинулась к зеркалу проверить не осталась ли она в глазу на белке или как-нибудь зацепилась за ресницы, я поворачивала глаза во все стороны, но она не была ни на белке, нигде, тогда я запаниковала, доползла из ванной в гостиную изрядно исцарапав руками пол, может быть, она выпала по дороге, но нет, я заплакала, но поскольку это ничего не меняло, я тут же прекратила. В этот момент пришёл Адриен и застал меня лежащей на полу рядом с диваном, я поглаживала пол и шмыгала носом, что случилось, я потеряла линзу, что, как, если я не найду её, то не смогу пойти на твою идиотскую конференцию, как же так, потому что я ничего не вижу, а у тебя что, нет запасных, нет, ты действительно думаешь, что если бы у меня была запасная, мне пришлось бы вот так ползать, ах, очень умно, и как же так получается, что у тебя никогда нет линзы про запас, ты же такая близорукая, знаешь, ты меня бесишь, да это же катастрофа, заткнись, не время, да, это катастрофа, но не то время, знаешь, ты не должна была тереть глаза, мой ангелочек, я знаю, что не должна была, но в чём смысл говорить мне, что я должна была или что не должна была делать, уже поздно, я это уже сделала. Я кричала и колотила ногами по полу, он так бесил меня, что я уже не думала о линзе, он смотрел на меня оцепеневшим взглядом и вдруг сказал больше не двигайся, поднёс свои пыльные пальцы к моему веку, приподнял его и осторожно снял линзу, которая прилипла к реснице. Я прополоскала линзу. Вновь поставила её. Через несколько лет операция для совсем-совсем близоруких людей будет осуществима, пф, через

---

⁸. Формалин свёртывает белки и предотвращает их разложение. Используется при бальзамировании, как фиксатор в микроскопии, а также как антисептик.

несколько лет я буду дальноркой, какой ужас, а потом у меня будут морщины и всё остальное, я смотрюсь в зеркало, и на лице нет морщин. Там у меня кислая мина.

*

Ванная комната, ревность, прядь, вытянутая при помощи шампуня, ссора, любезность, медвежонок, всё это было два или три года тому назад, это было вчера, а сейчас у него с ней ребёнок, с очень красивой злой императрицей Паулой. Это лучший день в моей жизни, сказал он мне по телефону замолчав после этой фразы, чтобы дожидаться моей реакции. Ингуши тоже счастливы, когда рожают ребёнка, сказал папа, чтобы утешить меня. Эти ингуши развеселили меня. А на самом деле, мне не так уж и нужно было, чтобы меня утешали, поскольку в тот момент мне было не так уж и важно, что у него появился ребёнок. Раньше каждый раз, когда он звал меня, я говорила себе итак, что у него на этот раз? он переспал с преподавательницей? с психиатром? с женой психиатра? Так что был ли у него ребёнок или что-нибудь ещё, это было не очень важно. Я была немного удивлена, совсем чуть-чуть, мне следовало бы по меньшей мере спуститься с небес на землю, но я сделала всё наоборот: уже повесив трубку и стоя рядом с телефоном я ждала того, что эмоции разожгутся, но ничего не происходило, ничего не разгоралось, как тогда, в конце той истории с амфетаминами, когда я слишком подседа, когда была слишком одурманена, чтобы это произвело ещё немного эффекта. Адриен в то время ещё не был мёртв для меня. Он умер позже, при помощи Пабло. В то время он был в стадии придурка. Но это я должна была умереть или быть настолько раненой, чтобы страдать дальше, или пребывать в таком шоке, что ничто не могло растрогать меня.

Когда мы любили друг друга, он говорил мне когда-нибудь, ты меня бросишь. Это смешило меня, это было абсурдно, я отвечала нет, я не брошу тебя. Да точно, ты бросишь меня, бросишь, потому что ты - королева, а я - заноза в заднице, тебе пофиг на всё, на то, что про тебя говорят и на что, что о тебе думают, тебе никто не нужен, ты сильная, сильнее, чем я, на самом деле. Я смеялась, я умирала со смеху, сильнее, чем он, никто не нужен, что за шутки. Но он, упрямец, повторял когда-нибудь, ты бросишь меня, я уверен в этом, но я также уверен в том, что никто не полюбит тебя так, как я. Ну и почему же? Потому что. Почему "потому"? Потому что это так, я знаю тебя наизусть, я люблю тебя всем сердцем, никто никогда не полюбит тебя всем сердцем так, как я. Я думала, что он ошибается. Это было давно, я плохо помню, но я верю, что я думала, что он ошибается, что мы не расстанемся никогда, он был всей моей жизнью, я не собиралась покинуть жизнь, он говорил это чтобы припугнуть себя, и от мыслей о том, что я останусь без него у меня кружилась голова. Он говорил это, чтобы навредить себе, чтобы обидеть меня, но я не обижалась, это как представить несуществующий цвет, у меня это не получалось.

Я не плакала в тот день, когда он бросил меня. Я сгорала от желания, я была наполнена слезами, тонула в слезах, внутри себя я вопила, но перед ним я не заплакала. Также я не заплакала и перед мамой. Она ещё не была больна или ещё не знала этого, но ей было так плохо, возможно, так же, как и мне, она так его любила, она тоже не понимала, вернувшись домой она долго гладила меня по волосам, она скрутила джоинт, и я заснула. Следующим утром я позвонила ему на мобильный. Ты действительно уехал? Да-да, я действительно уехал. В его голосе было столько доброты и столько недоверия, казалось, что он сам страдал от этих мыслей, я чувствовала столько мольбы в его манере повторять я люблю тебя, я так тебя люблю, прости, прости меня, прости меня, что так и не заплакала и даже не обиделась на него. Долгое время мы молчали в трубку, наши дыхания, наши бьющиеся сердца всё ещё вместе, всё ещё в одном ритме, ещё немного, ох, пожалуйста, совсем немножко, как разделённые сиамские близнецы, как тело без головы, которое продолжает хрипеть, ещё, несколько мгновений, последняя ласка, последняя задержка, последний вздох, конец. Мы молчали, у него было слишком много чего сказать, мы так хорошо ладили друг с другом, когда ничего не говорили, в конце концов, в тишине мы ладили лучше всего.

Сейчас в тишине я ничего не слышу. В моей голове шум, но я больше ничего не слышу. Лечь, вытянуть ногу, закинуть другую на неё, не двигаться, вот видишь, мы были как эти две ноги, два пальца, два близнеца, два неразлучника, это мой офис, у меня есть право, у меня даже есть право заснуть, если я захочу, право разговаривать в одиночестве, петь идиотскую песню, сжимать зубы, ни о чём больше не думать и не говорить, может быть, у меня было право на рукописи, но ничего не поделаешь, я чувствую себя лучше, мне совсем чуть-чуть менее плохо, шум немного тише у меня в голове, дантист сказал мне, что я испортила зубы тем, что сжимала челюсти. Разве я отдаю себе отчёт в том, что сжимаю челюсти? Возможно, ночью, чтобы не разговаривать, чтобы

не говорить с Адриеном, который однажды записал меня, когда я была слишком разговорчива во сне. Я нашла это настолько жестоким, не как осквернение, а как похищение, похищение моего голоса, моего сна и моего дыхания на кассете, что в отместку я прочитала его личный дневник. Нет, впрочем, это неправда, я прочла это до дневника. Он писал, что любит меня, остальное я не читала или забыла. Снова боль в сердце. Желание выкурить сигарету. Я знаю, что курю слишком много. Я брошу, когда забеременею. Я тянула время вместо того, чтобы забеременеть и, вот, я много курю. Курить - сделано. Выйти замуж - сделано. Развестись - сделано. Что дальше? Водительские права, карта избирателя, а потом, да, сделать ребёнка.

Мы быстро развелись, я давно забыла дату, я забываю даты, не люблю даты, я ненавижу дату своего рождения, а теперь и эта дата, дата этого дурацкого развода с дурацким типом, которого я так любила. Я думаю, что у нас должна быть возможность выбирать день своего рождения как Паула - своё лицо, это же ничтожнейшая вещь. Я сказала Пабло, что я скорпион, я находила это сексуальным, более сексуальным, чем дева, я нашла хорошенькую дату в ноябре, потом забыла её, а он - нет. Он позвонил в доставку и заказал кучи цветов, "куча цветов" - так не говорят, но как тогда? Кучи букетов, нет, это с "кучами" что-то не так, просто букеты, он заказал букеты где-то в ноябре, я была довольна, удивлена, но довольна. Я читала гороскоп каждую неделю в журнале "Elle" в полный голос, итак, что ждёт наших скорпиончиков? Я держала это глубоко внутри, мне нравилось определять своё будущее, как когда мне было тринадцать лет и я сделала себе татуировку на ладони, чтобы удлинить линию жизни. Иногда я читала мимоходом по горизонтали и не в полный голос про дев, просто, чтобы увидеть чего я уфф избегаю.

Может быть, я думала, что забывая дату развода я скроюсь от этого. Но для этого надо было бы, чтобы он тоже забыл её. Однако, он ничего не забывает, у него сверхпамять. Он всегда говорил, что надо бы время от времени делать кровопускание памяти. Иногда он отправляет мне наши фото, я не знаю, откуда он их достаёт, должно быть, он их складировал, мы в Риме с Беном и котёнком, которого там же и забыли, мы в Амстердаме перед пабом "Nobody make them like my mum does"⁹, мы на Ямайке накуренные в хлам с гигантскими сигарами на гигантском катамаране. Он всё хранит. Ничего не забывает. И вот, развод! Уже и не помню, когда именно он позвонил мне на мобильник, в тот момент, когда я покупала новые джинсы, я вспоминаю, но это не помогает мне вспомнить дату. В тот день он был бешеным психом. Какого хрена ты делаешь? - заорал он. Он ждал меня перед Дворцом правосудия в чёрном костюме, почти в таком же, что и тем утром, когда хоронили бабушку или в нём же, это его костюм для больших мероприятий, я думаю, что если бы встретила его там в первый раз, бешеного, но с хорошей причёской, английскими сигаретами, начищенными туфлями, безупречного, то он бы мне не понравился. А я была в джинсах, запыхавшаяся и ошеломлённая, я бы тоже ему не понравилась. Мы в два счёта подписали бумаги на столе судьи, это было просто, и мы были предоставлены самим себе.

Всё, что касалось моей прежней жизни я раздала прочь, сейчас я ношу только джинсы, я - бывшая жена. Бывшая жена в платье - это бессмыслица или же что-то вроде притворства, и нужно быть очень сильной, чтобы притворяться, не бояться потеряться, хорошо знать где ты и кто ты, а я - бывшая жена Адриена, бывшая внучка моей бабушки и у меня телескопические ноги, как сказал мне Пабло, он очень хотел бы, чтобы я надела платье, иногда я говорю посмотрим, ещё есть время, отлично зная, что платья это для настоящих женщин, в противном случае это пародия, это как трансвестит, в любом случае, это не для меня. Потом мы пошли выпить кофе напротив суда, он хныкал и раздражал меня своими чёрными очками, которые надел, чтобы все точно поняли, что ему грустно, а я не плакала, уже давно грусть не вызывает у меня слёз.

Пабло тоже грустил, когда увидел настоящую дату моего рождения в паспорте. Мы уезжали в Марокко и были раздражены. Он без остановки повторял Африка! Африка! африканский континент! Я думала, что он милый, но помалкивала, он ненавидит то, что я считаю его милым, это оскорбляет его, а я не хотела его оскорблять, но он был оскорблён тем, что я ему соврала или, возможно, разочарован тем, что я не скорпион, он ничего не сказал, но время от времени в самолёте он бросал на меня косые взгляды, которые как бы говорили да кто эта девушка, что за бред? Когда мы летели над пустыней, я попыталась его ободрить, знаешь, я асцендент¹⁰ в скорпионе, это тоже хорошо, это почти лучше, но я видела, что он больше мне не

---

⁹. "Никто не делает их так, как моя мамочка" (англ.)

¹⁰. Асцендент — это знак, отражающий внешнее поведение человека; он в значительной степени определяет, каким его видит окружающий мир.

верил, жаль, в кои то веки я не лгала и чувствовала себя совсем голой из-за того, что не могла соврать.

*

После разрыва с Адриеном я в течении года искала свою квартиру на улице Бонапарт. Я ходила, я смотрела, мне всё подходило, мне всё нравилось, у меня не было критериев и ориентиров, я спрашивала у подруг, как ты считаешь, что ты об этом думаешь, я играла непринуждённую и весёлую роль, я играла, это весело - искать квартиру, с Адриеном мы не веселились, у нас были проблемы с деньгами, мы были гордыми и не хотели занимать деньги у отцов, на самом деле, это он не хотел, а мне было пофиг, у меня нет этой гордости или стыдливости, и, очевидно, именно наши отцы в конечном счёте занялись вопросом займа.

Там, на улице Бонапарт, у меня не было проблем с деньгами, но я была одна. Свободна, глупо свободна, как буриданов осёл¹¹. Раньше моей свободой был Адриен. Адриен ушёл, свобода стала пустой. Я была совсем одинокой, у меня не было никакого мнения, а у подруг они были противоположными, так что они совсем не помогали мне, слишком большая для чего, слишком далеко от кого, слишком вычурно, слишком просто, слишком буржуазно, а я-то здесь что делаю? Бедная маленькая богатая девочка, сказала мне мама вроде как в шутку, но это меня очень оскорбило. Это был смешной упрёк. Я была её маленькой девочкой. Бедной и богатой с ней, с папой, кемпинг в Локмарьяке и комнаты парижских отелей, в которых жил папа, когда у него было много разных женщин, каждая из которых хотела, чтобы я называла её Мамой, в конце концов я чуть не спятила от этого. Тогда у меня были бабки, но у меня не было идей и воображения, вот что особенно вгоняло меня в тоску и беспокоило папу, беспокоить моего папу - это ужасно, нет ничего хуже, чем беспокоить папу, который уже сходит с ума, когда думает о несчастьях Луизы, Господи, ничего не улучшается, Луизе не лучше, читала я в его глазах, и я молилась, лишь бы побыстрее найти такую квартиру, которая позволит мне притвориться, что я полюбила её.

Я приезжала в какую-нибудь комнату, разве она мне нравится, смогу ли я жить в ней, с кем, в каких цветах, с какой музыкой, с какими намереньями, да я была как будто прикованная к центру манежа лошадь, которая бежит по кругу, манеж кружился, и кружился, и не останавливался, как сойти с него, как остановить, как встать на ноги, всё кружилось вокруг меня, и моя голова кружилась вместе со всем остальным, я не была в нерешительности, не требовала, не мечтала или отказывалась, я была в пустоте, не сомнамбула, не зомби, нет, только беспочвенная пустота, немного в другом месте, как бабушка в телефонной трубке. Я отлично понимала, что мне нужно решиться. Есть достаточно квартир, которые нравятся тебе больше, чем остальные, сказал мне папа, что с тобой, что не так, ничего, папа, всё нормально, гляди, эта квартира на улице Бонапарт, она обязательно подойдёт.

С того момента, как я родилась и начала говорить, повторяется одна и та же пластинка: что не так? Ничего, папа, всё хорошо, я - маленькая Луиза и всё хорошо, даже если внутри - пустота или хаос, или американские горки, или желание кричать на помощь на помощь как в тот день, когда я приняла пропоксифен¹², потому что у меня болели зубы и потому что ты собирался вновь жениться, но особенно - потому что у меня болели зубы, потом ещё, потому что боль не утихала, а потом ещё одну и, наконец, все четыре пачки, я уже засыпала и повторяла по телефону как маленький злой автоответчик да нет, папа, всё хорошо, клянусь, всё хорошо.

Единственная вещь, в которой я была уверена это то, что я не могла больше оставаться на улице Бреа вместе с её мёртвыми пустыми комнатами. Пустота там не такая, которая ждёт, когда её заполнят, а беспорядочная пустота, грязная пустота; комнаты, в которых я больше не пройду пылесосом, да и не пройду вообще; комнаты, которые я больше не буду проветривать, в которых не включу больше свет и в которые не ступят даже лапки моих кошек. Пустота библиотеки Адриена, пустота его торопливого и обдуманного отъезда с одним лишь маленьким чемоданом ранним утром, пустота его бегства, его рабочего стола, его плакатов, пустота, полная его безделушек, которые вызвали у меня отвращение, когда я наткнулась на них вечером несколько

---

¹¹. Буриданов осёл — философский парадокс, в котором был поставлен вопрос: как осёл, которому предоставлены два одинаково соблазнительных угощения, может всё-таки рационально сделать выбор?

¹². Пропоксифен — наркотический анальгетик. Находится в десятке наркотических веществ, которые могут привести к смерти.

дней спустя, закрывая форточки, что хлопали во время грозы. Конверт с клочками фотографий, избежавших урны, его лицо, моя рука, фигура под дождём в непромокаемом плаще канареечного цвета, думаю, это было в Венеции, думаю, что это был плащ, который мне одолжили в отеле, думаю, что эта затерявшаяся фотография меня в морском плаще, который мне был слишком велик, растрогала его до слёз, я забыла, что он сфотографировал меня после этого в своих объятьях шепча, что это моя самая милая фотография, которая когда-либо была у него, и уезжая он забыл это фото, раз уж оно сейчас здесь, разорванное на его столе, на бывшем столе бывшего мужа.

Также там была обложка книги шнурок гантель шарф тёплые сапоги расчёска в этой пустой комнате как в разграбленной могиле, пустота, которая походила на пустоту в моей голове, в животе, пустота, которая не была бы никогда преисполнена, которая сопротивлялась бы приезду новой мебели новых вещей новых чувств, эта пустота поглощала всё как чёрная дыра, это была межгалактическая пустота, густая пустота, нечеловеческая пустота, мне нужно было уехать, мне нужно было срочно очиститься, то, что надо, улица Бонапарт - это то, что надо, подумала я, когда пришла туда и когда решилась; я не сказала себе отлично, это в моём вкусе, это - мой идеал, это - милое гнёздышко для новой милой жизни, я ненавижу людей, которые так говорят, я испытываю отвращение к людям, которые проживают свою жизнь в поисках прекрасного места, где они могли бы осесть, а раз найдя его, они так суетятся, чтобы всё обустроить и когда они закончат - это конец, они уже стали старыми, теперь им осталось только умереть, нет, я сказала себе лишь, что это хорошая квартира, потому что это отличная площадка для очищения.

*

Всё это потому что у меня нет вкуса. И отвращения, думаю, тоже. Я знаю, как делают и как не делают, я знаю, что модно, знаю правила, а это допускает некоторую свободу действий, это просторно и у меня дома тоже просторно и поэтому тут пусто, поэтому тут ничего нет, и я жду.

Я жду, что вкус придёт или вернётся, как потерянный аппетит или сон к тому, кого мучает бессонница. Когда я была маленькой, у меня точно был вкус, я, должно быть, любила красный больше, чем зелёный, да, сейчас я припоминаю, зелёный был отвратителен, а мысли о том, что зелёный и оранжевый встретятся вместе было достаточно, чтобы вызвать у меня рвоту. Сейчас я закрываю глаза, представляю оранжевый и зелёный оранжевый и зелёный, тошнота не подступает к горлу: я потеряла отвращение. Итак, я жду. Наблюдаю. Широко раскрываю глаза каждый раз, когда захожу к кому-нибудь в гости, разве это красиво, нравится ли мне это, ох скажи же, что это мне нравится! я заставляю себя, наверное, это должно помочь, давай, скажем, это понравилось бы мне, но нет, это тоже не помогает, вот уже год я живу на улице Бонапарт и так и не нашла то, что люблю.

Раньше было проще, я любила то, что любил Адриен, ему нравился чёрный и белый, цвета казались ему невыносимыми и вульгарными, а я делала то же, что и он, в точности как он, это было так просто. Как-то раз, следуя его примеру, я покрасила все свои книги в чёрный, после этого было не так уж просто их различить, но жизнь - не простая штука, да к тому же я любила Адриена.

Когда я привела всё в порядок, то попросила маму помочь мне. У неё есть вкус и душа к этому лежит, это, может быть, в конце концов, даже и мой вкус, кто знает, это бы всё уладило, а, может, и нет, как знать? Я сказала себе посмотрим, как и по поводу всего остального: любви, платьев, вечеринок, на которые я ходила со слезами на глазах, но в конечном счёте была довольна, и, стало быть, я позвала маму. Нужно сломать стены, сказала она, снять двери, все двери, даже в ванной? даже в ванной, а затем срочно, очень срочно снять лепнину с потолка, лепнина - это очень буржуазно, а впрочем, настоящая проблема в квартирах - это ор-га-ни-за-ци-я-про-стран-ства. Я согласилась, согласилась на всё, я чётко чувствовала, что это было со вкусом и достаточно было сказать это мой вкус, вкус-конструктор, вкус-полуфабрикат, готовый к использованию; скорее всего, то небытие, в котором я была, в первый раз заставило меня слегка запаниковать.

Мама представила мне своего приятеля - архитектора-декоратора. Итак, ему было по меньшей мере сто лет, он отсидел в тюрьме и приехал из Албании, у него не было документов, но там, в своей стране он был королём, чемпионом по не-буржуазной декорации. Он начал ломать дверь каким-то резцом, у него был очень довольный, согласный с мамой вид, казалось, что он получает неизмеримое удовольствие ломая эту дверь. Затем, поскольку другая дверь сопротивлялась, ему понадобилась помощь ног и рук, я сказала ему, но, господин Руссович, а он

продолжил колотить, бах бах, но, господин Руссович, двери... не обязательно ломать их все, бах бах, я могла бы оставить их в подвале на тот случай, если когда-нибудь у меня изменится вкус, он прекратил стучать, бросил на меня подозрительный взгляд и сказал что-то на албанском. Я переспросила, а он повторил то же самое широко размахивая руками, будто прыгал на скакалке, а затем ещё раз угрожающе ткнул в меня пальцем. Я сказала окей, окей, он покачал головой и продолжил погром. На следующий день он не вернулся, не попросил оплаты, вообще ничего, и больше мы его не видели.

Разве самым срочным была лепнина? спросила я маму. Я считаю, что неотложность - это не снимать и не сдирать, а добавлять: простыни, занавески, тамтамы вентиляторы противомоскитные сетки. Но мама была не согласна, сначала лепнина, она разозлилась и сказала, что на этот раз я выпутаюсь. Я ответила ничего не поделаешь, я выпутаюсь и я выпуталась.

Мне захотелось купить занавески или шторы - что я предпочитаю? Я не предпочитала ничего, так что чтобы уберечь соседей, я просто прибила простыни над окнами, чтобы они не видели, как я постоянно хожу по дому совершенно голой. Я пришла в Эммаус¹³, раздобыла большой белый стол из грубого дерева, во всяком случае, он был единственным, а мне нужен был какой-нибудь стол, да к тому же он походил на тот, что стоял у моей бабушки, у меня было своё собственное место на высоком табурете рядом с ней, я не позволила бы никому другому сесть на него, это было моё место, это был мой ритуал, моя привычка. Также я взяла матрас, который, казалось, до этого ещё не использовался. А затем в *Darty*¹⁴ я позволила одному типу одурачить меня - продать огромный холодильник на крупнейшую семью, в конце концов, это, может быть, когда-нибудь со мной случится - крупнейшая семья полная разных привычек. И, наконец, в Икее я наткнулась на очень приятного продавца, который засмущал меня, вот почему я потеряла ещё часть денег: я начала объяснять ему, что я дальтоник, что нужно было, чтобы он выбрал за меня, а потом я поменяла мнение и очень быстро, без колебаний купила гамак, карту мира и кресло-качалку, как будто точно знала, чего хотела.

У тебя дома настоящая катавасия, сказал папа когда пришёл в первый раз спустя неделю. Это уязвило меня, и я пошла искать в словаре что же он хотел сказать. Отовсюду понемножку, тут и там было написано в словаре. Хорошо. А мне нравятся эти слова вместе, тут и там, похоже на имена двух приятелей или близнецов, тут и там, как Шапи и Шапо¹⁵, палочка за тебя, палочка за тебя, и я простила папу. Я позволила ему подарить мне старый диван, который напоминал мне о тех временах, когда я жила у него. Это был тот диван, на котором он лежал, когда орал на меня из-за моих плохих оценок по латыни или из-за того, что я прогуливала уроки. Он лежал на диване с маркером в руке, когда спросил меня а где твой школьный табель за вторую четверть, почему я не получил табель за вторую четверть? На самом деле, его прислали, а я его перехватила и попыталась исправить оценки, но это выглядело неправдоподобно, поэтому в тот день я сказала ему, что второй четверти не было. Что? Что за чушь? Это не чушь, правда, в этом году, сам знаешь, вторую четверть отменили, это решение советника по профориентации, для эксперимента. Ну и как зовут твоего советника по профориентации? Хм, не знаю, я никогда не имела дел непосредственно с ним. Ну ладно, тогда осведомись, я очень хотел бы, чтобы мы встретились с этим господином, и он мне всё объяснил. Хорошо, папа. Я вышла из его кабинета со слезами на глазах, эта история с табелем была не просто для того, чтобы его обмануть - мои оценки и впрямь были не ахти какими: средняя оценка за латынь - 0,5, 3 по истории, 2 по математике; да ещё эти комментарии учителей, слишком посредственная, если б она только удосужилась ходить на уроки, нежелание учиться мешает развитию способностей, если бы он это увидел, это бы опустошило его, а я не хотела его опустошать; я вышла из его кабинета, маркер, который он оставил на диване плавал в лужице зелёных чернил, которая осталась и по сей день, сегодня она напоминает мне о моём подростковом возрасте, а оно было не таким уж плохим.

А ещё была история с кроватью. Куда делась твоя кровать, спросил он меня в тот день, когда нам дали ключи, у тебя же была раньше кровать? Я её отдала. Отдала? Почему? Кому? Уборщице, потому что это была супружеская кровать, и всё остальное тоже было супружеским,

---

¹³. Эммаус (фр. Emmaüs France) - французская ассоциация, основанная в 1901 году, которая занимается в основном благотворительностью. В неё также входят комиссионные магазины, приюты для бездомных и проч.

¹⁴. Darty - магазин бытовой техники.

¹⁵. Шапи Шапо (фр. Chapé Charo) - французский мультсериал 70-х годов для детей. Главные герои - два близнеца.

поэтому я всё отдала, всё таки ты тоже делал подобные вещи, когда был в моём возрасте, квартира на улице Монж, например, в которой я родилась и которую ты продал за десять минут конторе на первом этаже, чтобы было на что поехать на зимние игры с мамой. Нет, неправда, я не отважилась сказать это ему, я только подумала, какая наглость так орать на меня из-за кровати. Впрочем, это тоже неправда, на самом деле, он не орал, я уже не в том возрасте, чтобы орать на меня, безусловно, он думает, что это уже не наказание, он больше не сможет изменить меня, слишком поздно, привычка, плохая привычка, уже усвоена. Он не причинял мне много неприятностей, я поняла это в первый раз, потому что он орал, а потом утешал, и быть утешаемой было приятно, это было детством, дети не выбирают, выбирают за них, детей не оставляют, не обманывают, не бросают, на них только ворчат.

На самом деле, да, мама бросила меня, когда мне было четыре, она привезла меня в Твикенхэм, где у папы были встречи. У меня был большой каштановый чемодан, кожаная курточка и пластиковая дорожная сумка, которые в самолётах дают детям, которые путешествуют в одиночку, и с которой я никогда не хотела расставаться, даже когда спала, но один нюанс, огромный нюанс, она бросила меня не из-за кого-то другого, она не ушла от меня к какому-то другому ребёнку, она бросила меня для моего же блага, моего счастья и потому что когда-нибудь она должна была вернуться. Адриен бросил меня из-за другой. Адриен не вернётся. Вот, что значит быть взрослым. Быть взрослым - значит быть заменённой.

*

Я встретила Пабло на корабле. Это ловушка, сказала я себе, когда какой-то парень, который мне нравился, но который ещё не был Пабло, пришёл встретиться со мной на корабле вечером, пойдём, у меня есть билет на Зодиак, я проведу тебя. По мере того, как Зодиак приближался, я размышляла о том, как убегу оттуда, как люди сбегают, находясь посреди моря как в клетке, и я была в оцепенении. Мне так хотелось бы иметь дерзкий, уверенный в себе вид! Мне бы так хотелось быть похожей на этих счастливых и красивых экс-детей, что я, простачка, завидовала тому, какие они беззаботные и что у них есть немного друзей, в их день рождения матери устраивают ужины, на которые приглашён весь класс, иногда даже учительница, двоюродные братья и сёстры, там есть игрушки, пирожные, шарики, свадебные фотографии их родителей в рамках, в гостиной всё на своём месте - диван, журнальный столик, изящные вещицы, картины. Моё детство было не таким. У меня была нежность и любовь, без которых дети не вырастают. Но у меня не было двоюродных братьев и у меня не заносчивый вид.

Люди на корабле были дружелюбными. Были представления, приветствия, я сняла линзы из скромности и видела только загорелые силуэты с белыми полосами. Это был до боли в глазах белый цвет их зубов, смеха и неба. Было время завтрака. Все сидели за одним столом. Это меня очень смущало: сидеть вот так, вместе с ними, так близко, зажаться между водой и небом, словно в ловушке между ними - небом и водой, кушать, разговаривать, чтобы что-то рассказать, как-нибудь ответить, краснеть, пытаться скрыть покраснение, пощипывая себя за мочку уха, не зная, что делать со своими руками ногами волосами, неуклюжестью. Я сказала, спасибо, я не голодна и осталась совсем одна на юте¹⁶ одна курить сигареты сидя на подушках.

Я взяла с собой книгу *Я - кот* из-за названия, но она была нечитаема, и я находила смешным то, что так боюсь читать это. Страх чего, спрашивается? Да, мне нравился парень, который ещё не был Пабло и который встретил меня на Зодиаке, но не настолько, не до конца, чтобы так бояться. Я слышала, как они смеются, там, внизу. Они, должно быть, находили странной эту гостью, которая под предлогом сытости не хочет даже присесть за стол. Я захотела снять джинсы, но забыла купальник, вот чёрт, это заставило меня рассмеяться в полном одиночестве одновременно с тем, как смеялись они. Я смеялась тихо, а они громко, так лучше, это начало, это был почти совместный смех, и это ободрило меня.

После обеда гости собрались на корме, где каждый вновь занял своё место. Меня всегда поражала способность людей везде тут же находить своё место, как будто оно только их и ждало, и будто это было самой очевидной в мире вещью. А я никогда не знаю, где моё место. Там, по счастливой случайности, мне удалось занять свободное место на большом матрасе, что покрывал ют, а они расположились вокруг меня. Кто-то поставил пластинку, песню в которой пелось яяяя

---

¹⁶. Ют (от нидерл. hut) — кормовая надстройка судна или кормовая часть верхней палубы.

заблудившийся слоник¹⁷. Длинная девушка с ногами от ушей одолжила мне синий купальник, мне пришлось рассказать ей, что я потеряла свой чемодан в аэропорту, и поэтому патата патата, но казалось, что она не ждала объяснений, дул ветер, светило солнце и плескалась вода; там был парень, который мне нравился, наконец, я была почти хороша, в пустоте я улыбалась всем вокруг меня, маленькие улыбочки, которые хотели сказать я миленькая, я уже так не боюсь, не заморачивайтесь насчёт меня, я не собираюсь уводить чьего-нибудь жениха; голоса доносились до меня спустя какое-то время, быть может, из-за ветра или из-за моей близорукости, я всегда хуже слышу, когда ничего не вижу, я слушала, но то, что я слышала не имело смысла, а потом голоса слились в один голос, под шумок я проглотила несколько таблеток Ксанакса, и голос превратился в гул, затем в детскую нежную и весёлую считалочку, которую мне пела бабушка по утрам, когда я чистила зубы, да здравствует вода, да здравствует вода, которая нас моет и очищает, да здравствует вода, да здравствует вода, которая нас моет и делает красивыми, я блаженно улыбалась и блаженно уснула держа согнутую руку на лице, у меня больше не было желания смыться.

Когда я проснулась, вокруг меня все непринуждённо спали как дети. Этот праздник был сиестой. Или тихим часом. Я спустилась в поисках тени и аспирина и чтобы, наконец, надеть линзы. В каюте спокойно спал парень, который мне нравился, но только чуть-чуть, потому что я знала, что никогда не полюблю его, и что во мне существует эта пустота, которая мешает мне кого-нибудь когда-нибудь полюбить так, как я любила Адриена. Он нравился мне как фрукт или песня, потому что я тоже, думаю, нравилась ему. На самом деле, нет, он не спал. Он встал с открытыми и пристально глядящими на меня глазами, сказал мне что-то, что я не поняла, что? он повторил, а я так и не поняла, но я не решилась настаивать и вошла в маленькую ванную комнату. Внезапно я почувствовала вокруг себя руки. Он повернул мою голову к себе и поцеловал так, будто это было единственно необходимой как бы само собой разумеющееся вещью. Тогда я полностью повернулась к нему и положила руки ему на виски, туда, где кровь бьёт сильнее всего, и тоже поцеловала его. Он был солёным, я никогда не целовала таких солёных людей, я вспомнила кожу Адриена в Бриндизи, там было так жарко, что мы никогда не выходили из отеля раньше вечера, мы лежали под вентилятором лицом к лицу с закрытыми ставнями, он говорил мне ну же, давай, раскидывая руки, я была счастлива, его кожа тоже была солёной, это была не морская соль, а соль от пота на ещё детской коже, нам не было двадцати лет, мы любили друг друга, но не знали, что это значит, не знали, что это значит, что мы будем страдать, будем плакать и бить друг друга, и делать друг другу плохо, и будем желать смерти, мы видели других, но мы не были другими, мы были чудом, мы победим там, где Ариана и Соляль¹⁸ сели на мель, мы жили одним моментом, не задавали вопросов, не знали, что однажды любовь превратится в воспоминание, которое выворачивает сердце.

Я покончила с Адриеном и вновь поцеловала солёного парня, бороду, губы, нос, волосы, всё лицо, я была довольна, ненасытна и довольна, а потом в каюту зашла девушка, которая одолжила мне купальник, и у неё, вот у неё-то вид был совсем не довольный. Она посмотрела на нас ничего не говоря, сначала на него, потом на меня, потом на него, она была красива, у неё была какая-то вышедшая из моды расплывчатая черта лица, но это без сомнений из-за моих линз, и она вышла. Её взгляд на него ничего не выражал. Кроме, может быть, лёгкой усталости. Я сказала что с ней? Он принял удивлённый вид и, не ответив мне, приблизил своё лицо к моему. Я сказал нет, я больше не поцелую тебя. Больше не поцелуешь? Нет. Я вышла. Подошла к девушке. Она сидела на подушке, её длинные ноги были согнуты, а руки лежали на них как если бы она хотела закинуть их за шею, но передумала, было видно, что она только что плакала, она пристально смотрела на мою грудь, ах, нет, идиотка, она смотрела на купальник на моей груди, и я почувствовала себя ряженой шлюхой. Я захотела сказать ей я не знала, не беспокойся, это был только поцелуй, это вообще пустяк поцелуй, но у меня не нашлось сил соврать ей: сколько я целовала парней за свою жизнь? пять, да, пять, ну, теперь - шесть, это правда, этот поцелуй был сущим пустяком, так что, я ничего не сказала, я почувствовала усталость и села, у меня заболело сердце и больше ни на что не хватало храбрости. У тебя есть сигарета? спросила она. Я сказала они наверху, пойдём. И мы поднялись вдвоём на палубу.

Сиеста закончилась. Все танцевали под странную песню, которая мне казалась нетанцевальной. Эта песня была про Брюссель и заставляла меня покачиваться или это было

¹⁷. Dick Annegarn - "Bébé Éléphant"

¹⁸. Ариана и Соляль - главные герои романа Альбера Коэна "Любовь властелина" (La belle du seigneur) 1968г.

просто из-за корабля, в любом случае, все танцевали невпопад, не дотрагиваясь друг до друга, не разговаривая, но было хорошо видно, что они вместе, как семья, как друзья, как всё, чего у меня больше не было и чего мне не хватало, когда я думала об этом, но к счастью, я не думала об этом постоянно, на самом деле, кажется, я уже два года думаю только о том, чтобы не думать об этом, они не очень хорошо и не совсем в такт танцевали, но танцевали в одном нетривиальном темпе, а я смотрела на них или, скорее, смотрела на их ноги, чтобы не встретиться с ними взглядом, чтобы никто из них не посмотрел мне в глаза и не сказал иди сюда, почему ты не идёшь, я бы ответила нет, спасибо, я устала, как уже ответила нет, спасибо, я не голодна.

Я больше не улыбалась. Я думала о том, когда же я вернусь домой. Я говорила себе, что у себя в комнате в отеле я буду танцевать совершенно одна, только для себя, и что таким образом желание вновь вернётся ко мне. Я говорила себе, что поставлю другую музыку, такую, которая мне будет нравиться, что мне нравится, что я люблю, мои диски - это диски Адриена, а я сломала их все пополам, это было сложно, они были крепкими, но я методично и спокойно сломала их: Prince, Stones, Кэт Стивенс, Red Hot Chili Peppers, диски, под которые мы курили траву, музыка из Рокки, которую он ставил по утрам, пока делал отжимания, я любила Рокки, но предпочитала Жанну Моро, под Жанну Моро ведь танцуют? В любом случае, это ничего не меняет, Адриен говорил, что я не могу пройти мимо зеркала полностью голой и при этом не покраснеть до кончиков волос, так что какая разница - совершенно одна или нет, что это, в конце концов, меняет?

Тени вытягивались, все танцевали, а я всячески исхитрялась во всех смыслах этого слова надеть джинсы не вставая. Исхитряясь я вспомнила, как было хорошо, когда бабушка заставляла меня выходить из дома, давай, иди танцевать иди развлекись, а я сдерживала слёзы, собирала всё своё небольшое мужество, выходила и, конечно же, в конце концов, была довольна. Один тип с огромным брюхом и майкой походившей на пончо подошёл и присел рядом со мной, бросил на меня такой лукавый и такой злой взгляд, что я подумала, что тут же зальюсь слезами там, на глазах у всех, перед заходящим солнцем, на этом скованном корабле, вокруг которого ничего не было, а он сказал мне почему ты никогда не смотришь людям в глаза? В глазах у меня начало сильно щипать. Не очень сексуальная капля свесилась с кончика моего носа, и я вытерла её ладонью. Чего от меня хочет этот тип с пронзительным взглядом. Я покраснела, прокашлялась, вспотела, свали, подумала я, пошёл на хрен, но он не проваливал, он с косым взглядом протягивал мне салфетку Kleenex. Это мои линзы сказала я ему пытаюсь зафиксировать его прямо перед глазами, но это вызвало ещё больше слёз. Ааа? Линзы, это из-за них. Он поймёт говорила я себе с таким же пронзительным взглядом, он точно поймёт, что я смотрю людям не в глаза, а только в сторону глаз из-за линз, а если я хочу плакать, это из-за соли, песка, солнца и всей мой жизни тоже. В этот момент он обнял меня. Он был одного возраста с моим отцом, и я позволила ему покачивать меня, я прижалась к нему, я хотела чтобы кто-нибудь был добрым ко мне, просто добрым, не бойся сказал он мне, никто не желает тебе зла, надо смотреть людям в глаза, eye contact¹⁹, сечёшь, eye contact. Он принялся поглаживать мои руки, я позволила ему продолжить, он трогал меня, а потом затылок, затем живот, прекрати сказала я, затем спина, прекрати, потом грудь, тсс, тсс, eye contact, тогда я со всей силы оттолкнула его, и он со слабым стуком ударился о перила. И вот в этот момент пришёл Пабло, что происходит, и начал разговаривать со мной.

Он говорил со мной, но я его не слушала, я всё ещё думала о типе в пончо, а затем я не очень отчётливо различая смотрела на его рот, на губы с опущенными уголками, на большие широко расставленные глаза светло-голубого цвета, прозрачные, вот кто-то, кто видит умные и редкие вещи, говорила я себе, но - странно - он не очень смущал меня. Чего от тебя хотел этот тип? Ничего, не знаю, ничего, промямлила я глядя на его брови, чтобы больше не видеть его глаза и не рисковать покраснеться. Он говорил он говорил, я задавалась вопросом, а что, если он тоже собирался меня поцеловать, но поскольку он говорил, я была спокойна, пока он говорил, я ни чем не рисковала, напротив было солнце, и он с трудом моргал, не знаю, о чём он говорил, он был очень пылким. Я говорила себе я вернусь в Париж, брошу своего нынешнего парня: возможно, мне будет хорошо быть совершенно одной, по сути, что я об этом знаю, я никогда не была одна, со времён Адриена я ни разу не спала одна, всегда был кто-то на этом месте мертвеца, с того момента, как Адриен ушёл, думаю, у меня было пять поцелуев и три любовника. Я позволила им выбрать меня, подойти ко мне и попробовать мне понравиться, а иногда и думать, что они мне нравятся, это было время, в котором последующий выталкивает предыдущего. Я ничего не ждала,

---

¹⁹. Eye contact (англ.) - визуальный контакт.

ни на что не надеялась, ничего не решала, мне было ни хорошо, ни плохо, это было так же, как с квартирой: почему скорее он, чем другой, я говорила себе ну посмотрим. Но может быть, мне будет лучше в одиночестве? Да, можно спать поперёк кровати, есть сухарики всю ночь, слушать одну и ту же песню на повторе сто раз подряд, но тогда больше не будет ласки и нежности, нет, точно не лучше, вытягивать руку на большой кровати и никого не находить, даже того, кто меня раздражает, даже того, кто мне не нравится, никого, нет, это точно не лучше, мне нужен кто-то, кто будет заботиться обо мне, кто любит меня или кто мне не нравится или кто бесит меня или кто смешил бы меня, но в то же время кто оставлял бы меня в покое, в чём я больше нуждаюсь: в том, чтобы обо мне заботились или в том, чтобы меня оставляли в покое?

Я перебила его. В этот момент он что-то изображал жестами или передразнивал кого-то. Он встал и широко размахивал руками. Как тебя зовут? Он остановился, сел рядом со мной на перила. Пабло. А тебя? Луиза. Он улыбнулся, я полюбила его улыбку, его очень острые клыки, а передние зубы - длинные и белые как мел, они очень нравились мне, я захотела сказать это ему, но ему бы это, скорее всего, показалось странным, всё-таки, я сделала это через пол года, когда сказала ему, что то, что мне в нём нравится - это его зубы, он чуть не бросил меня. Тогда я просто сказала я думаю, что ты мне нравишься. Он сглотнул, посмотрел направо и налево и, поскольку он приблизил голову ко мне, я сказала нет-нет, я не хочу тебя целовать. Но ты только что... Да, но я не хочу целовать тебя. А, ну ладно. Он посмотрел ещё раз направо и налево, а солнце уже не заставляло его моргать. Адриена это заставляло чихать. А его - нет, он просто пожал плечами. Затем корабль остановился, общая разминка, коллективная зевота, сумбурный поиск обуви, кто-нибудь видел мою юбку, где мой лифчик: правда, мы остались сидеть на перилах болтая ногами и глядя друг на друга; правда, что он мне нравился, не только его зубы, но что-то в глубине его глаз, способность быть пылким и ослепительным, которую я угадывала, порыв, стремление, что-то цельное и детское, нет, на самом деле, не детское, я ненавижу мужчин-детей, что-то сильное, честное, прямолинейное и, наконец, живое. Вокруг нас всё ещё носились люди, Пабло больше не улыбался. Подошёл тип с усами-щёткой, хлопнул его по плечу и смеясь сказал в ухо мяу-мяу, всё же я выбросила мою книгу за борт, но он, может быть, всё-таки видел её, Пабло выстрелил в него взглядом, тип удалился, он всё ещё смеялся, а я резко покраснела.

У тебя солнечный удар, сказал он мне,

да,

этим вечером мы останемся вместе,

я не знаю,

поужинаем и потанцуем в Indio Malo, а потом будет вечеринка, затем,

а затем ты проводишь меня,

нет, потом ты будешь спать в доме, там большой дом, в нём много комнат,

нет, ты проводишь меня.

но вечеринка будет долгой, возможно, на всю ночь, а я буду не в состоянии сесть за руль, проводить тебя на скутере на другой конец острова пьяную как свинья.

как свинья?

как свинья.

свиньям нужно напиваться?

слушай, я не хочу провожать тебя, хочу, чтобы ты осталась со мной.

Давайте, давайте, прокричал кто-то, первая партия на Зодиак! Мы поднялись на Зодиак с обувью в руках, девушка с ногами от ушей и парень, который больше мне не нравился шли за руку, а Пабло нравился мне всё больше и больше, а потом и другие тоже, было очень тесно, люди жались друг к другу, одна девушка с острым лицом, вытянутыми к вискам глазами и изможенным видом как постаревший ребёнок села мне на колени, кто-то пародировал Миттерана²⁰ кушая овсянку с пляжным полотенцем на голове, кто-то разделся догола, но не смог шокировать нас, а когда мы причаливали к пляжу, нас атаковала туча мошкар, которая будто поджидала нас. Я больше не колебалась. Я была в одной верше²¹ со всеми, вместе с ними и их смехом, вместе с ними под мошкаррой. Пабло взял меня за руку, чтобы быстрее добраться до убежища. Я заметила, что с ним я бежала быстрее. Потом, когда мы поцеловались в первый раз, я не думала об Адриене, я не думала ни о ком, я думала, о том, что мне хорошо. А вскоре после

²⁰. Франсуа Морис Адриан Мари Миттеран — французский политический деятель, один из лидеров социалистического движения, президент Франции с 1981 по 1995 годы.

²¹. Верша - рыболовная снасть в виде воронки из прутьев или проволоки.

этого мы хихикали, когда оказались в большом доме и запутались в mosquitoной сетке, она отцепилась, но прежде чем распутаться, мы поцеловались ещё раз и запутались ещё больше.

*

Я вернулась в Париж двумя днями раньше него. Я не скучала по нему. Не думала о нём. Никогда не существовало ни Пабло, ни его белых как мел зубов, ни его смеха, ни его глаз, что смотрят на солнце и не заставляют Пабло чихать, ни mosquitoной сетки, ничего этого не существовало, не существовал даже сам Пабло, я о нём не думала. На самом деле, я вообще ни о чём особо не думала. Я была в том странном состоянии, которое так хорошо знаю и в котором я время от времени пребываю и сейчас. Луиза, ты меня слушаешь? Да, слушаю. Но на самом деле, нет, я не слушаю ни окружающий меня шум, ни мой внутренний, я курю сигареты, проглатываю таблетки Ксанакса как конфетки - это магия, она блокирует от всего остального, больше нет ничего, кроме спокойствия и тишины, да к тому же этот вес в животе, не тяжёлый, но заставляющий меня ничего не хотеть и не двигаться. Я не скучала по Пабло. Его зубы, смех, глаза, нет-нет, как будто бы я их уже забыла. Ну что, Луиза, как тебе на Ферментере? Это было неплохо. Была хорошая погода? Да, очень хорошая, у меня был только один диск Барбары, это было очень кстати, я обожаю Барбару и я не скучаю по нему.

В то же время я совсем не удивилась в тот день, когда он позвонил мне. Я собиралась встретиться с одним из тех парней, которых я не выбирала, он не был мне отвратителен, но и не нравился, словом, когда как, во всяком случае, я плохо обходилась с ним, его звали Габриель. Когда он был милым, а он был таким часто, я говорила ему я люблю тебя, но я не люблю тебя, не стоит надеяться, из меня нечего вытянуть, даже если в один день я выздоровею, то тем, кого я полюблю будешь не ты. Он отвечал со слезами в уголках глаз - с маленькими слезинками, которые вызывали у меня зависть и отвращение - он говорил это не важно, вот я люблю тебя, важно быть любимой, это подарок, который я тебе делаю и я ничего не хочу взамен. Я не спорила, возможно, он был прав, но мне было похуй. Иногда я подумывала бросить его, но ради чего? Ради кого-то другого, с которым будет та же история? Я могла бы вместо него наткнуться на какого-нибудь придурка или психа; великий мамин ужас, когда я была подростком, я не наткалась ни на кого, у меня не было груди, я носила очки и чёлку, а мама представляла, как я наткнусь на придурка или психа, может быть, на самом-то деле, она надеялась на это, может быть, она говорила себе моя бедная Луиза, разве придурок лучше, чем ничего?

Как-то раз, вечером, совсем перед Пабло, я действительно наткнулась на придурка. Это был толстый, но расторопный парень, который преследовал меня где-то пол километра от самого супермаркета. Я вышла от психоаналитика, это был мой второй и последний сеанс, он сказал мне, что-то в стиле вас раздражает (я была очень раздражена) то, что ваша мать переспала с вашим отцом, и это было для меня чересчур, так что я убежала, да ещё этот тип, который преследовал меня! Я останавливаюсь посреди улицы и говорю что? что не так? а тип ломается, как упитанная и застенчивая девчонка, эмм.. я просто хотел пригласить Вас на кофе... Смячённая, но всё ещё раздражённая и, всё таки, немного довольная - это всегда ободряет таких дуручек, как я, когда их преследуют и кадрят на улице - но я говорю себе всё изменилось, я изменилась, я больше не тот хилый и блеклый ребёнок, на которого мужчины смотрят не видя его, я отвечаю нет, спасибо, это очень мило, но я не люблю кофе. В этот момент тип меняется. Он больше совсем не застенчивый. А почему ты сказала, что я милый, шлюха? Я не милый! Я перехожу улицу, он тоже. Я ускоряю шаг, он идёт с той же скоростью. Какая мерзкая улыбка, говорю я себе. Это единственная вещь, которую я смогу назвать легавым уже потом, когда буду писать заявление. Я не вспомню, ни как он был одет, ни цвет его глаз, я скажу им только: у него была мерзкая улыбка, хорошие зубы. Пойдём в кафешку, шепчет он немного смягчаясь, но с таким похабным видом, будто говорил хлопая меня по ягодицам: ну давай, минетик и всё. Я смотрю на него. Даю ему пощёчину. Тогда он бросается на меня и отвешивает мне удар кулаком по лицу.

Я не сразу чувствую боль. Я не очень понимаю, что со мной происходит. Я просто лежу на земле, во рту и в глазах у меня кровь, я думаю о линзах, чёрт бы их побрал, без линз я ни за что ночью не поднимусь и не спасусь, и в этот момент чувствую огромный вес, который обрушивается на меня. Араб, который жил неподалёку принёс меня домой. И не отрывая глаз от зеркала, чтобы оценить нанесённый мне ущерб, я сделала четыре жалких телефонных звонка. Офтальмологу, чтобы по-быстрому заказать новые линзы. Адриену - должно быть, я сделала это по-привычке - но наткнулась на автоответчик, и когда я вешала трубку, меня накрыло то самое невыносимое

желание расплакаться, которое уже давно не достигало меня. Габриелю (я заставила себя быть агрессивной!). А затем папе, который, конечно же, разволновался как надо и смягчил печаль его большой маленькой плаксы перед тем, как задействовать свой аварийный план чтобы найти мерзавца, установить наблюдение за кварталом и приставить ко мне телохранителей, разговор закончился моей мольбой оставить меня в покое, прошу вас, господа, прекратите преследовать меня повсюду, Вы тоже, уходите, уходите, всё уладится, я ничего не скажу отцу, в любом случае, его сейчас здесь нет, он на другом конце света, он, должно быть, уже забыл, что нанял вас.

Короче, вот как приехал Пабло. Будучи рядом с ним я говорю себе, что теперь всё точно будет не как раньше. Конечно же, я его не люблю. Я думаю, что не полюблю его никогда, что бы он ни делал, что бы ни говорил, потому что любовь отвратительна, потому что любовь всегда однажды заканчивается, и я больше не могу жить, никогда, любовь мертва. Я недостаточно сильная, говорю я себе, недостаточно храбрая, недостаточно самоубийственная. Я ненавижу любовь, повторяю я себе, Адриен окончательно вылечил меня от любви. Любовь это всегда безобразна, гротескна, ничтожна - тьфу! - как они все могут повторять, что "Любовь Властелина" это великий роман о любви, в то время, когда это - полная противоположность, он показывает, как ужасна любовь? Но, в конце концов, у Пабло получается. Он причаливает к берегу жизни маленького разъярённого монстра, и, действительно, он мне нравится. Он нравится мне больше, чем какие-нибудь джинсы или песня, больше, чем я могу это допустить, он нравится мне несмотря на все преграды, а это, кстати, уже риск влюбиться. Хочу ли я согласиться на этот риск? Стоит ли того это горе оставить позади жизнь без выбора, где я ничего не решала, как ребёнок, кроме того, что ребёнок имеет желания, капризы, страхи, а я ничего не ощущаю, я позволяю носить меня, убаюкивать, ласкать, Габриель присматривает за тем, как я ем, как сплю, как немного развлекаюсь, это комфортно, это по-идиотски, это почти как жизнь зародыша в матке, у меня есть все маленькие радости и самые ничтожные печали, я реву из-за сломанной ручки и наслаждаюсь промоченным в чае хлебом, раньше это заставило бы меня вопить, раньше я не испытывала бы ничего кроме презрения к такому существованию, папа научил меня драться, папа, начиная с того момента, как мне стукнуло двенадцать, постоянно говорил мне никогда не ставь любовь на место главнокомандующего, никогда не позволяй себе зависеть от мужчины, никогда не позволяй себе ни от кого зависеть, в противном случае будет беда, это как Э, как Ю, как Я.

-Ты думаешь, что я похожа на Э? На Ю? И на Я?

-Нет, малышка, конечно, нет, но нужно быть внимательной, нужно, что бы ты привыкала.

-Как мне привыкнуть, папа?

-Нужно быть менее милой; быть милой хорошо, но ты такая хрупкая, ты должна быть менее милой. И читай. Три книги в неделю.

-Но я читаю, папа!

-Я знаю, знаю, это хорошо. Но тебе нужно закончить бакалавриат, а чтобы это сделать нужно читать ещё больше, делай заметки о том, что прочитала перед тем, как заснуть. Поменьше думай о мальчиках.

-Хорошо, папа. Но до бакалавриата у меня ещё есть время, это ещё через пять лет...

-Пять лет начинаются сегодня. Потом будет слишком поздно.

-Хорошо.

-Ты говоришь "хорошо", но думаешь "ах, он меня запаривает"!

-Нет-нет, я так не думаю, ты никогда не запариваешь меня, ты же знаешь.

Не поздно ли ещё привыкать? Смогу ли я когда-нибудь ходить без костылей, без Ксанакса, с широко открытыми глазами, навстречу жизни? Даже если я близорукая? Даже если без линз она кажется просто туманом? Даже если когда я прячусь за своей близорукостью, у меня впечатление, что люди видят меня так же, как я их вижу: размытыми, без контура, и что по сути дела это меня устраивает? Трудно существовать в этом чёртовом мире. Трудно видеть, слышать, чувствовать всё это без фильтра. Могла бы я жить без линз? Разве это они меня защищают? Разве я больше никогда не увижу прошлое время, время, когда я не боялась, когда ничего не было так важно, когда никто не умирал, когда рак был только у писателей, когда Адриен был мужчиной всей моей жизни, когда папа всё всегда улаживал?

Обо всём этом я спрашивала себя в тот день, когда Пабло позвонил мне. Алло, сказал он, алло? А я очень быстро с бьющимся сердцем вспоминаю москитную сетку, вновь слышу смех в ночи, вижу благословенный миг на корабле и боюсь, ох, я так боюсь, и думаю о том, что даже не знаю, что ответить ему. Алло? повторяю я. Алло? - я не слышу. И я тут же вешаю трубку и

собираюсь заставить восхищаться моим загаром Габриеля, который читает "Человек ли это?"²² лёжа совершенно голым на моей кровати. Посмотри, у меня остались полосы от купальника, видишь, даже солнце не имеет права видеть мою грудь и попу. Кто это был, спрашивает он у меня. Мой отец, это был мой отец. Он до сих пор не знает о наших отношениях? Конечно, он знает о твоём существовании, но я ему сказала, что ты гей. И он поверил тебе? Конечно, он всегда мне верит. То есть, всё нормально? Да, всё хорошо. Луиза? Да? Я купил тебе тот хлеб, что ты любишь, смотри. Это мило, но это не тот, который я люблю, этот воняет, он сдобный. Прости, малютка, прошу прощения. Слушай, я уже тебе тысячу раз говорила, что я не твоя малютка. Ты не очень-то дружелюбна. Да нет, я дружелюбна, погладь мне спинку, нет, спинку, я сказала спину, вот, хорошо, прекрати, щекотно, лучше прочитай мне что-нибудь, я без линз. Так проходит час, кто-то звонит в дверь, и я иду открыть дверь прикрывая грудь большим полотенцем - это Пабло.

"Уф, Габриель тут, я морщусь, рассерженная тем, что он пришёл вот так, поражённая тем, что он нашёл мой адрес, также немного польщённая и, на самом деле, даже не очень удивлённая.

-Ну, что будем делать? - спрашивает он пытаясь немного приоткрыть дверь ногой.

-Я... я не знаю!

-А я знаю.

-А?

-Либо он, либо я.

-Хорошо.

-Он или я?

-Я не знаю.

-И когда ты узнаешь?

-Завтра.

-Почему завтра?

-Потому что.

-И что изменится за один день?

-Ничего...

-Ну так?

-Тогда хорошо.

-Что "хорошо"?

-Хорошо, ты.

-Я?

-Да, ты.

-Кто это? - кричит Габриель из комнаты и Пабло притягивает меня к себе, целует в шею, потом шепчет дотрагиваясь до руки, которая, в принципе, держит полотенце и внезапно отпускает его, он шепчет о том, что будет ждать меня в бистро поблизости, но, конечно, не всю ночь.

Я возвращаюсь в комнату, у меня наверняка красные щёки, к тому же они тёрлись о бороду Пабло. Габриель смотрит на меня наполовину взбешённый, наполовину недоверчивый. Ты так и будешь продолжать говорить мне, что это твой отец? Я хватаю упаковку Ксанакса, которая лежит на моём ночном столике, проглатываю таблетку, потом две, ладно, хорошо, я говорю ему кидая на него мой самый скверный взгляд, я встретила кое-кого. Мда? Кого же? Где? Я встретила кое-кого, говорю же, кого-то другого, ты не понимаешь, что это значит! Тогда он всё ещё держа книгу Примо Леви в руке, с длинными ресницами, которые я очень любила пощипывать, когда в настроении симпатично яростно шуриться, он бросает на меня недоверчивый умоляющий взгляд, который вызывает у меня отвращение. Эта эмоциональность и миловидность не клеится с его ковбойской походкой. Определённо, это то, чего я больше не хочу видеть, эту чувствительную и безнадежную сторону Габриеля. Это кто-то, кого я знаю? - спрашивает он беззвучным голосом, всё так же лёжа, всё такой же голый. Бог ты мой, это займёт часы, думаю я, и этого я тоже не хочу, не хочу ничего объяснять, не хочу проживать этот напряжённый трогательный и слезливый момент, или хочу, чтобы это уже было закончено, доведено до конца, завершено, чтобы он поскорее убрался отсюда, и никогда больше о нём ничего не слышать. Нет, кричу я убегая в ванную, конечно, нет, ты его не знаешь, почему ты всегда хочешь всех знать? Я встаю под душ, Ксанакс начинает действовать, мне хочется глупо смеяться, так, как будто я накурена. Что, ты ещё там? - говорю я возвращаясь в комнату, тоже совершенно голая внезапно не чувствуя никакого

---

²². "Si c'est un homme" - «Человек ли это?», — книга итальянского еврейского писателя Примо Леви о своём аресте нацистами как члена Итальянского антифашистского движения в феврале 1944 года.

стыда, как если бы он вообще больше не существовал. Я кидаю ему в лицо его штаны, что ты сидишь? Проваливай! Тогда он вскакивает и прижимает к стене схватив за горло.

-Ты не можешь этого сделать, не прогонишь меня вот так.

-Отпусти меня, мне больно!

-Ты сама делаешь себе больно!

-Нет, ты, ты слишком сильно схватил, я задыхаюсь.

Он действительно меня задушит? Способен ли он сделать это? Притворившись, что не слышу его, я вспоминаю, что он шептал мне каждую ночь: я хотел бы построить стену вокруг тебя. Вспоминаю его ревность, и, действительно, он всегда хотел контролировать всю мою жизнь, что я ем, друзей, медикаменты, кошек. Когда я хотела подразнить его, то махом взбегала по лестнице, чтобы вставить ключ в замочную скважину раньше него, он не выносил того, что я не нуждаюсь в его помощи даже в этом, и он смотрел на это, как на поражение. Я думаю также - очень быстро - о боли, что причиняю ему, о злобе, которая только что охватила меня; разве я не смогла бы сделать это лучше, лучше обойтись с ним, притвориться, что страдаю или, по крайней мере, отнестись более внимательно к его страданиям, не прогонять его, как пса, даже с псом я была бы повежливее, но нет, абсолютная неблагодарность, эгоизм маленького монстра, разве немного соврать это так тяжело, разве я много бы от этого потеряла, но нет, свободный, выставленный за дверь, грязный испорченный ребёнок, грязная жестокость, это на меня так не похоже и это появилось у меня так давно: когда я была маленькой девочкой, ещё не испорченной, но уже понимающей, что надо было выбрать папу, а не маму, да, слово "выбрать" - не самое подходящее, я обожала маму, но знала, что выбрать папу означало выбрать нормальную жизнь.

Да, он способен на это. Чёрт возьми, он душит меня. Я уже не отбиваюсь. Он слишком сильный. Слишком взбешённый. А потом странная мысль появляется и застревает у меня в голове: в конце концов, это не такая уж и плохая идея, это бы всё уладило, больше никаких решений, никакого выбора что делать, с этим было бы покончено, всё было бы конченным. После 30-и секунд, однако, он ослабляет хватку, надевает штаны и уходит хлопнув дверью. С этим покончено. Я нахожу Пабло в кафе, где он ждал меня. Само собой, немного виноватая, но совсем чуть-чуть, как беглец, как будто я нарушила какое-то правило, но не очень серьёзное, а маленькое правило, которое никто и не замечал. Также довольная тем, что сделала выбор, что хватило сил решить, в итоге это было не так уж и сложно, это не причинило много боли, да на самом деле, было вообще не больно. Думала ли я о боли, которую причиняла Габриелю? Нет. Я думала только о себе, о боли, которую мне всё это не причиняло точно так же, как тогда, когда я выбрала папу и бросила маму. Дикость слишком умных детей. Всё таки, надо обратить внимание на то, что это закончится тем, что я буду видеть в себе монстра, только это я и сказала себе.

*

Буду честной: на протяжении всей жизни я принимала медикаменты. Сейчас я пью чай, но на протяжении всей жизни я лечилась, может быть, с того момента, как уехала мама, не знаю, или с того момента, как я уехала от мамы, не знаю, как лучше это сказать.

Поначалу я говорила у меня болит голова и бабушка разводила мне какой-то порошок в молоке, она говорила вот увидишь, это плацебо, магия, и в самом деле, это было магией, не было лучшего лекарства, чем плацебо.

Позже, когда мама сказала мне, что я родилась раньше срока, на седьмом месяце, без бровей, без ногтей, без волос и ресниц, и что она отказалась отдавать меня в инкубатор, я подумала, что, возможно, мне чего-то недоставало и принялась читать каждую статейку, посвящённую лекарствам, что я находила, я была черновым наброском маленькой девочки, эскизом молодой девушки, медикаменты прикончили бы меня.

Также я вспоминаю о моей эпохе "Ринадвила"²³, таблеток от насморка. Я глотала по банке в день. Объясняла я это тем, что у меня постоянно сопли, это из-за кошек, у меня аллергия на кошек. Вам надо бы уменьшить чувствительность отвечала мне аптекарша, или попробуйте гомеопатию. Да-да, я попробую, отвечала я, но, всё же, дайте мне, пожалуйста, четыре баночки Ринадвила. Я знала, что это ненормально - лечиться от болезни, которой у тебя нет. Но я говорила себе всё хорошо, я хорошо с собой обращаюсь, я о себе забочусь, просто мне нужно плацебо,

---

²³. RhinAdvil - нестероидный противовоспалительный препарат из группы производных пропионовой кислоты, обладает болеутоляющим и жаропонижающим действием.

ритуал, привычка, как во времена моей бабушки, разве плацебо причиняет вред? Я должна была думать каждый день о притворных слезах Адриена и об ужасных слезах папы, и о реках маминых слёз, и обо всех остальных слезах, слезах друзей, моего маленького брата, которого однажды я больше не могла утешить, я должна была бы думать в тот день о таком лекарстве, который заставил бы меня плакать в день бабушкиных похорон...

Итак, буду честной. Не нужно сваливать на других все ошибки, всю ответственность. Если я думаю о периоде, когда принимала наркотики, то должна признать, что ко всему этому были предпосылки.

Не мешай! Именно после выкидыша я действительно начала верить, что мне чего-то не хватало: я была ещё недостаточно женщиной, недостаточно взрослой, взгляд был ещё не совсем взглядом убийцы, недостаточно хорошим, для того, чтобы иметь с ним ребёнка, не на должной высоте, недостаточно какой угодно, вдруг, я почувствовала себя гусеницей, провалившейся на экзамене, чтобы стать бабочкой.

Именно после выкидыша он в свою очередь начал ходить на праздники, свадьбы, тусовки и ужины без меня, на которые я больше не ходила, потому что думала, что наделаю глупостей, буду нести бред - не такой уж и позорный, на самом деле - но после которого он сквозь зубы говорил с мертвенно бледным от ярости лицом, что он унижен, опорочен, и что этот бред разрушил его политическую карьеру.

Вот тогда, во время таких грустных вечеров, когда я окончательно решила остаться дома с кошками, курить сигареты, играть в компьютер и думать том моменте, когда он больше даже не предложит мне пойти с ним, когда он больше не будет настаивать, даже просто для "галочки", и когда он встретит более красивую, более забавную, более воинственную девушку, с более убийственным взглядом, вот в тот-то момент всё и началось, и я стала наркоманкой.

Сначала я пошла к маминому гомеопату.

-Вы всегда так быстро говорите? - спросил он меня.

-Думаю, да.

-Почему?

-Из страха.

-Страха чего?

-Думаю, из страха наскучить людям.

-Вы чувствуете подавленность?

-Нет, только нерешительность. Иногда на воздухе, иногда в слишком глубокой воде. Знаете, у меня пустота внутри. Это как гелий, он уносит меня далеко от людей, от вещей, но это не суть вопроса.

-А что - суть?

-Иногда думаю, что я хотела бы лучше быть кем-то другим.

-Кем?

-Неважно, кем. Супермэншей со взглядом убийцы, например.

-Почему?

-Из-за Адриена. Адриен - это мой муж. Он думает, что я ему не подхожу. Например, я слишком много сплю. Иногда я сплю по пятнадцать часов в день и во сне я кто-то другой, тот, кто ему нравится намного больше.

Он сказал мне да, я понимаю, спросил люблю ли я уксус, да, очень, а шоколад? тоже, и назначил лечение. Первый медикамент назывался кокаином²⁴, это заставило меня хорошенько посмеяться. Второй - коккуллус²⁵, это уже мне меньше понравилось. Но ни один из них ничем на меня не подействовал. Они совсем не подействовали на пустоту внутри меня. Я чувствовала себя всё так же плохо, усталость как клей сковывала меня, это была густая усталость, которая покрывает всё вокруг, и от которой не помогает даже сон. Да к тому же я не переставала делать глупости. У меня всё ещё не получалось интересоваться карьерой Адриена, конференциями, которые он организовывал с супер-бывшими министрами, записками, которые он им писал, вечеринками, где нужно было угождать им, его сложными стратегиями, для которых я была

²⁴. *Cocaine muriaticum* (кокаин) - широко распространённый наркотик. Обладает местным анестезирующим действием и мощным стимулирующим воздействием на центральную нервную систему, вызывая чувство эйфории.

²⁵. *Cocculus Indicus* - растение, из которого варят настойку (кукольван), помогает при укачивании в транспорте, ликвидирует последствия бессонницы и переутомления.

слишком глупа, чтобы присоединиться к ним. Вот так, как-то раз роюсь в ящиках рабочего стола моего отца я наткнулась на витамины для мозга.

Я знала, что он иногда их принимал, чтобы работать, не спать или закончить книгу. Я знала, что это делало его нервным, сконцентрированным, вспыльчивым, быстрым. Я знала, что они всегда были там, в пещере Али-Папы²⁶. Но это меня совсем не интересовало. Я проходила мимо не видя их. Даже он сам никогда об этом не говорил, не считая разговоров с его друзьями-писателями, когда они обменивались рецептами и дозировками. И вот тогда-то я и сказала себе это гениально, возможно, именно это и есть решение моей проблемы, мне всего-то нужно иметь их с собой везде, постоянно, эти маленькие магические пилюли, и, в первую очередь, я буду великолепной, хитрой, захватывающей, а во-вторых, это будет частичкой папы у меня внутри, как будто он рядом со мной, мы будем вместе, вместе мы будем значительно сильнее, чем поодиночке, это поможет мне быть на должном уровне, это необходимо для того, чтобы быть достойной Адриена.

Вот так всё и началось.

Один раз, два, а потом всё чаще и чаще, каждый день, каждый час, восемь в день, до десяти в день, каждый раз, когда я сомневалась в себе, каждый раз, когда чувствовала упрёк во взгляде Адриена и хотела быстро исправиться, каждый раз, когда я волновалась и хотела позвать на помощь - хоп, папа в моём кармане, прямой доступ к папиному мозгу, всё становится простым, плавным, почти ясным, я чувствую себя выздоровевшей, неуязвимой, супермэншей, чувствую себя освобождённой от плохих привычек, уклонений от чего-либо и от лишений, от хрупкости, лени, трусости при каждом приёме и до следующего раза, я чувствую себя освобождённой от пустоты, что я чувствовала внутри, и которая всасывала всё: мою волю, желания, весёлость; до такой степени освобождённой, что это бесило Адриена; тогда я была способна быть той девушкой, которую он хотел, и которой я на самом деле не была.

Эти чудесные пилюли назывались Динитель²⁷ или Сюрвектор²⁸, или Каптагон²⁹, одним словом - амфетамины, просто амфетамины, потому что вся эта хрень похожа друг на друга, у всех них один и тот же эффект. Амфетамины, вот что мне было нужно. Амфетамины это то, чего мне не хватало, чтобы быть достойной своего мужа, достойной иметь от него ребёнка, такого ребёнка, у которого была бы моя бретонская кожа и его узловатые пальцы, достойной появиться с ним на политических вечерах, способной не наделать глупостей перед его друзьями из педагогического института, способной больше не бояться того, что он обманет меня, бросит меня, разлюбит меня, покинет меня, я больше ничем не рисковала, я была неуязвимой, была сильной как Терминатор.

С того времени я всё же сохранила эти превосходные, чудесные впечатления, это смутное чувство, когда ощущаешь себя на ковре-самолёте, недостижимой, торжествующей.

Но я также вспоминаю, что это было как будто папа был внутри меня, со мной, в моей голове; ничего больше не могло со мной случиться; я переходила улицы не по "зебре", а как он, не оглядываясь по сторонам; когда я говорила, он диктовал мне слова; принимать амфетамины - это как переливание крови, это была моя жизнь, вплетённая в его, что-то от его ума и храбрости, которые переходили ко мне; он вёл меня, защищал меня, присматривал за мной сам того не зная, Адриен уже не покинул бы меня, я, наконец, была той Суперлуизой, о которой мечтал Адриен.

Тогда я ещё ничего не знала том будущем кошмаре, о депрессии, об отёке лёгкого, от которого я должна была умереть, о волосах, которые выпадали клочьями, о постоянном

---

²⁶. Игра слов. Пещерой Али-Бабы (une caverne d'Ali-Baba) французы называют место, в котором хранятся разные полезные вещи. В данном случае автор немного изменил фразеологизм и получил пещеру Али-Папы (une caverne d'Ali-Papa).

27. Активный компонент — клобензорекс — лекарственный препарат, подавляющий аппетит, представитель класса амфетаминов. В 1970-х годах был разрешен для лечения ожирения в США и других странах. Позже, из-за большого числа побочных эффектов, он был запрещён и в настоящее время клобензорекс не допущен к применению ни в России, ни в США, ни в странах ЕС.

28. Аминептин — антидепрессант блокирует обратный захват дофамина, действуя подобно классическим психостимуляторам (амфетамин, метилфенидат, кокаин). Применяется ограниченно, в связи с возможностью злоупотребления и развития пристрастия, т. к. препарат обладает эйфоригенным эффектом, а также в связи с гепатотоксичностью. На территории РФ применение запрещено. Часто используется в качестве допинга.

29. Фенетиллин - синтетическое вещество со свойствами психостимулятора, действующего более мягко по сравнению с амфетаминами.

недомогании, о возрастающей сложности бегать и даже иногда ходить, я ничего не знала обо всём этом, и, даже если б я и узнала, это ничего бы не изменило, я пошла бы до конца, почти до конца, как я и сделала.

Впрочем, на самом деле, я знала об этом, врачи что-то рассказывали мне, у меня были толпы врачей, кучи фармацевтов, но, всё-таки, среди всех них был один более выдающийся медик, чем другие, он лечил одну великую писательницу ещё больше подсевшую, чем я и он сразу же назвал мне ужасы, которые ждали меня, на самом деле, он мне всё рассказал, но так, будто для "галочки", а по существу ему было пофиг, он выписывал мне то, что я хотела, как-то раз, он даже промолвил спокойно протягивая мне рецепт, знаете, мадмуазель, медики никогда не могли помешать пациенту убить себя, когда всё закончилось, папа пошёл и набил ему морду, а этот мудака ни разу не осмелился пожаловаться.

Впрочем, рассказывая себе эти истории я также думаю о том, что это не он был мудаком, не он был монстром и виноватым, это была я, только я, мне было похер на то, что я постоянно была вынуждена увеличивать дозу; мне было похер, что я не могла больше плавать и танцевать, потому что сердце не выдержало бы; мне было похер на смерть; мне было похер на восковый цвет лица, который иногда появлялся по утрам, на огромные круги под глазами, которые приходилось прятать под толстыми слоями тональника; мне было похер на этот тяжёлый чёрный взгляд, который выдавал меня, когда я забывала следить за ним; мне было похер на злость, которая была у меня внутри и которую раскрывали амфетамины; мне было похер на то, что я была одинокой, более одинокой, чем я была когда-либо; мне было похер на всё, в момент, когда я принимала по двенадцать таблеток в день и могла сказать себе: получилось, я похожа на ту, которую ищет Адриен, на беспощадное возбуждённое существо, которое могло метко ответить с всё ещё раскалённым сознанием, которое больше не погружается в мечты; мне было похер на то, что мир был жестоким, неровным, полным шероховатостей, которые цеплялись за меня как колючие кусты, лишь бы я прошла незамеченной; мне было похер на то, что я сама стала жестокой и злой, лишь бы я сохраняла ясный ум и была хитрой, как он и хотел; это чудо, говорила я себе; вот такой он любит меня, переодетую в Суперлуизу, которая видит людей насквозь, видит их пороки, грязные мысли, проколы, и вот такой я могу быть, если я захочу, когда я хочу, благодаря колёсам; нежность детства была далеко; далеко было и то время, когда я смеялась слыша, как папа говорит другу по телефону, итак, дорогой выпускник "Эколь Нормаль", а я слышала дорогой Кубик Рубика³⁰ и сияла от удовольствия; всё это было далеко, но вещи, наконец, казались мне близкими, я понимала их код и движение, колёса позволяли мне видеть и слышать, колёса - это был чёртов мир, как первый раз, когда я надела очки, колёса - это был ключ ко всему, благодаря колёсам я была достойна того, чтобы меня любили.

*

Я научилась подделывать рецепты, надувать докторов, у которых, во всяком случае, всегда был такой недовольный вид, когда выписывали мне то, чего я хотела. Я меняла только количество. Я знала фармацевтов, которые за небольшую комиссию (они оставляли себе этикетки или же заставляли заплатить за что-нибудь другое) закрывали глаза на подозрительные рецепты. Очень быстро я с головой вошла в тот другой мир, где время течёт по-другому, где время считается пачками, таблетками, пустыми и полными часами - полными силы или опустошёнными тошнотой, когда у меня кончались колёса или когда я принимала их слишком помногу.

Затем я вспоминаю, что намного позже, когда я уже захотела остановиться - но как, понадобилось бы быть слишком сильной, а я попросту не была сильной, наоборот, именно поэтому я окунулась в это безумие и накачивалась амфетаминами - я вспоминаю о тех вечерах, проведённых дома, с тошнотой, плачем, с невозможностью что-либо делать, кроме как ждать ближайшей встречи с доктором, который обновит мой рецепт, ожидая чуда, что кофе начнёт двигаться или что я найду Динитель под кроватью, или что потолок обрушится и даст мне настоящий повод быть несчастной.

Я вспоминаю ту знаменательную вечеринку в честь дня рождения Адриена, я не могу встать, я не могу, именно для того, чтобы быть уверенной на такого рода вечеринках, для того, чтобы быть на должном уровне, я пустилась во всё это, и вот, через шесть месяцев, я уже даже не

---

³⁰. Непереводимая игра слов: Выпускник "Эколь Нормаль" по-французски будет Archicube, а Кубик Рубика - Rubik's Cube.

способна держаться на ногах, я стала ещё более жалкой, более ничтожной, чем была, когда ничего не принимала, ах, если б я только нашла Каптагон, хоть одну таблеточку, хоть это уже давно не даёт мне той суперсилы, как в самом начале, но всё же, тогда я смогла бы встать, умыться, одеться, притворяться, быть с ним по меньшей мере час или два, пока будет продолжаться эффект, но нет, я остаюсь в кровати, он уходит один на этот день рождения, где будут все его друзья и супердевушки, которые будут смотреть на него глазами жареного мерланга, я вспоминаю об этом, потому что он долго обижался на меня за это.

Но как так получилось, что он так долго не понимал, в чём дело, не волновался, не позвонил моему отцу, не позвал на помощь, не сделал ничего? Это загадка. Сейчас у него там есть диссертация. Адриен всегда любил диссертации. Он расхаживал передо мной как перед аудиторией, останавливался перед зеркалом, чтобы поправить прядь волос, которая спадала ему на глаза или чтобы покрутить пуговицу, или чтобы проверить пыл своего взгляда, он едва смотрел на меня, он излагал свою диссертацию. Сегодня его диссертация это... Ох! после всего, что случилось, мне похуй на его диссертацию. Думаю, что он просто не хотел видеть, не хотел знать. Думаю, что он был, как и все, я не могу обижаться на него за это, он был поглощён своими амбициями, приятелями, их маленькими заговорами детей, которые лезут в политику, чтобы взять боем ассоциацию как-там-её или какую-то конференцию. Думаю, что в глубине он тоже думал, что я сумасшедшая, суперхрупкая и что неважно - колёса или что-нибудь другое - всё обернулось бы в плохую сторону, разве не это он сказал Симону, своему бывшему лучшему другу, когда мы расставались, Луиза - чокнутая, я знаю, это конец, но я больше ничего не смогу изменить, я ничему не смогу помешать и это самое главное, что меня бесит в том, что я её бросаю? Это было слишком преувеличенно, не мешай, с точки зрения того, что его медвежонок был чокнутым, и что это был заранее предначертанный конец, и что это больше так не действовало на него. К тому же надо упомянуть про тот факт, что я лгала как профи, возможно, я действительно обводила его вокруг пальца, возможно, он думал, что я просто была ипохондрик и ленивой и эгоисткой и поехавшей. Почему я лгала? Потому что несмотря на всё, несмотря на ад, в который превратилась моя жизнь, я не хотела завязать. Потому что я не хотела вновь становиться той, кем была до этого - милой маленькой Луизой, которой страшно, которая прячется, которая краснеет. К тому же я лгала, потому что мне было стыдно, я хотела, чтобы он любой ценой не узнал, что я нуждалась в поддержке, чтобы быть взрослой, мне было стыдно за то, как я выглядела, когда была голой, без амфетаминов, без костюма Суперлуизы.

Впрочем, без амфетаминов я уже не была даже такой, как раньше, это было не так-то просто, было недостаточно того, чтобы я завязала и сняла этот костюм, чтобы вновь стать Луизой. Нет, когда я завязывала, я была овощем. Мне требовалась нечеловеческая храбрость, чтобы встать. Я открывала глаза, ничего не видела, говорила себе пойти в ванную, промыть линзы, принять первый Динитель, коктейль Сюрвектор-Эффексор-Энситаль, но даже это было мне лень, я вновь засыпала, просыпалась десятью минутами позже, вся в поту, посреди кошмара, я пила немного воды, чем закончится этот сон, уф, как он закончится и как направить его, даже на это у меня больше не было сил, я ничего не видела, ничего не слышала, только Адриена, издали, говорящего по телефону или с кошками, или с отражением на наручных часах, это немного помогало мне проснуться, я ворчала, уходила в ванную глотать таблетки, возвращалась рухнуть на кровать, закрывала глаза, ждала, когда начнёт действовать коктейль, который час? одиннадцать часов, а что, если в этот раз он не подействует? и если эффекта будет ещё меньше, чем вчера? полдень, пошло, начинается, я чувствую первые признаки, у меня нет интересных дел, я могу снова заснуть, я засыпаю, когда я действительно просыпаюсь уже где-то за полдень, у меня было плохое настроение, в ванной я в ярости кричала мне всё осточертело, звонил телефон, автоответчик был переполнен, какая скука, сообщения, которые обматерят меня, которые вызовут у меня чувство вины, я никому не отвечу, впрочем, люди отлично знают, что я не отвечаю, почему они не падают духом, я бы на их месте прошла бы прогуляться, я бы больше никогда не звонила. Встать, одеться, спуститься выпить чашку кофе в кафешке Дантон, оставить сообщение папе, чтобы сказать ему алло, это Луиза, нет времени ни разговаривать, ни встретиться, я много работаю, это супер, мне нужна была сверхчеловеческая храбрость, чтобы сделать это, мне нужны были все последние силы, чтобы сделать что-либо, кроме как ждать затишья без тошноты, подделывать рецепт на следующий день и идти - тощей и сломленной - играть комедию в аптеке.

"С этим рецептом что-то не так, он совсем не настоящий". Я ненавидела ту роль, которую играла, этот полу-упадок, в котором я тонула, ненавидела то, что иногда мне приходилось умолять, кланчить, выпрашивать, чем они занимались, почему аптекарши сочиняли столько

историй, чего им это стоило? Я ненавидела ночных продавщиц, которые проверяли, звали старшего и шушукаясь комментировали мой рецепт, в то время как я строила одновременно милую честную и несчастную мину и в то же время хотела разорвать их в клочья. Также я презирала своих сообщниц, которые с течением времени начинали думать, что мы были подружками и рассказывали мне о своих собаках своих каникулах своих курсах по тай-чи, а мне надо было выслушивать, комментировать, смеяться, так что не удивительно, что я хотела их прикончить. К тому же были те, что занимались шантажом, их я понимала лучше всех, потому что они, по крайней мере, играли в игру, они знали, что рисковали, что со дня на день будут разоблачены фармацевтами. Я избегала тех, к кому раньше ходила тусоваться только выйдя из офиса, с кем пробовала новые солнцезащитные кремы и с кем советовалась насчёт бальзама для волос, избегала тех, кто интересовался у меня о том, как там ангина или отит моего младшего брата, мне было слишком стыдно, я явно чувствовала, что со мной больше не хотели общаться, впрочем, они - слухи быстро расходятся - больше не здоровались со мной, когда я встречала их в супермаркете.

Странно, что Адриен не бросил меня в этот момент. Он не бросил меня и тогда, когда всё узнал, когда я ему во всём призналась. Он зашёл в гостиную в три часа дня и застал меня лежащей на диване, больной, в конвульсиях и просто начал вопить. Иногда я благодарю его за это, я сказала себе но всё же он остался, он вытерпел мои реабилитации и срывы, мою ложь и истерические выходки. Иногда я говорю себе, что ему нужно было, чтобы я нуждалась в нём, что, по сути, он любил эту роль периодического самоотверженного человека: возить меня в больницу, умничать с медсёстрами, играть мою и свою собственную драму, принимать перед докторами вид молодого-мужа-которого-так-жалко. К тому же он постоянно повторял нужно убить твоего отца! нужно убить твоего отца! и я верила ему так же, как поверила ему тогда, когда он говорил мне, что он бесплоден, когда заставлял меня разговаривать с моим отцом втихаря или совсем не разговаривать с ним, я ещё не знала, что на самом деле в его миловидности, в его доброте было то самое желание - убить моего отца, а я была его оружием.

Поначалу я сбивала с толку, была очень внимательна ко всему: к своим жестам, дрожи, сидя за столом я симулировала аппетит как остальные и усталость по вечерам после секса, который был борьбой, дракой, галопом со сжатыми кулаками и зубным скрежетом. Я вставала, когда Адриен спал и отжималась, чтобы изнурить себя, но это не изнуряло меня, я читала книги, о которых не храню ни единого воспоминания, я знаю, что прочитала их, некоторые страницы загнуты, некоторые предложения подчёркнуты, но я ничего не помню, это всё впустую, у меня была суперсила, я была Суперлуизой, но из этого у меня вышел только отёк лёгкого.

Ах, точно, я помню, что однажды ночью у меня был яростный приступ уборки и мойки, я мыла пол, дезинфицировала ручки дверей, суежилась, переставляла свои книги и книги Адриена, а потом я, наконец, почувствовала тот чудесный момент, близкий к оргазму, это был момент, когда пять, шесть таблеток Стилнокса или Роипнола подействовали наконец, выиграв борьбу против амфетаминов, в этот момент я чувствовала, что я засыпаю, это был плотный сон, без снов, сон, словно из кипящего гудрона на теле, который всё сковывал, который всё покрывал, я отдала бы что угодно в этот момент за ту наносекунду, в которой я чувствовала, что меня выключают как компьютер. Утром Адриен нашёл меня на диване в гостиной свернувшейся в кубок и спящей, перчатки *Мара* на руках, а в волосах клочок бумаги, он смеялся, говорил, что я лунатик, его маленький медвежонок-лунатик.

Ты любишь меня? я спрашивала его в редкие, очень редкие моменты, когда во мне немного просыпались рефлексы старой Луизы. Да, любовь моя, мой маленький медвежонок, но я бы хотел, чтобы ты вставала по утрам. Я тоже хотела бы, ты не хочешь меня поднимать по утрам? не хочешь расшевелить меня? Именно это я и делаю, мой медвежонок, но ты ворчишь, несёшь чепуху, бьёшь меня, ты говоришь нет, нет, дай поспать, дай мне досмотреть сон, что я должен делать, у меня назначены встречи, я спешу, у меня есть карьера, спасибо большое! Вместе с тем, мы никогда сильно не спорили друг с другом. Я была клубком любви или клубком сна и мне не хватало времени на то, чтобы спорить.

В конце я принимала таблетки по три, по пять, по семь штук. Я перемешивала их. Сокращала время между приёмами. Три Динителя и два Сюрвектора каждые три часа, просто, чтобы быть в состоянии механически выполнять обычные действия, которые мы делаем не задумываясь, чтобы понимать, принимать душ, покупать хлеб, встречаться с остальными, все остальные, что заново внушали мне страх, страх, как прежде, чем я начала принимать таблетки. Поскольку цель, сейчас, это быть способной, просто способной, притворяться. Но суперсила,

трезвость, сообразительность, отец в моей голове, со всем этим было покончено, у меня больше не было к этому доступа, амфетамины открыли, а затем закрыли мне двери мира, и я начинала снова, как раньше, ходить на цыпочках, извиняясь, постоянно думая о том, что я кому-нибудь мешаю, постоянно в страхе, что скажу какую-нибудь чушь, постоянно опасаясь того, что Адриен бросит меня. Маскировка не маскировала меня, а без маскировки меня больше совершенно не существовало, о какой маскировке идёт речь, если наверху никого нет?

*

А потом случилось то воскресенье, совсем перед тем, как я попала в клинику, в том бистро, куда мы ходим обычно с папой, не считая того, что уже год, как я всё чаще и чаще отменяла наши встречи под разными предлогами: потому что я врала не так хорошо, как раньше, потому что симулировать хорошее самочувствие и милую маленькую Луизу из прошлого становилось всё сложнее и сложнее, потому что я не просыпалась, а ещё потому что Адриен устраивал мне сцены каждый раз, когда я говорила ему о том, что обедаю с папой и что я слишком измотана, чтобы выносить его крики, вот ещё поэтому я предпочитала отменять и говорить папа, прости, я занята, нам не везёт, давай пообедаем после Рождества, после Пасхи, после дождей в четверг.

Конечно, он страдает от этого. Он не понимает, почему его маленькая Луиза отдаляется от него. Но, по крайней мере, он ничего не знает. У него нет никаких предположений о том, в чём я тону, из-за меня, только лишь из-за одной ошибки, потому что я была готова сделать, я клянусь, что собиралась сделать, это было для того, чтобы вы гордились мной, папа, мама, бабушка и особенно Адриен, гордились вашей Луизой, смотрите, какая она весёлая, живая, бодрая, умная, смотрите, как она легко встаёт по утрам, как усердно она работает, как она талантлива, какой хороший маленький солдат, это почётный военнослужащий, она была такой робкой, такой сдержанной, а теперь она набралась уверенности, это великолепно!

В то воскресенье, однако, я пришла. Я приняла двойную дозу Динителя и Каптагона, чтобы точно достичь нужного уровня эйфории. Я устроилась спиной к залу и лицом к зеркалу чтобы у меня была постоянная возможность проверять взгляд: папа знал меня наизусть; он знал меня лучше, чем Адриен; да к тому же он знал и их, эффекты всей этой амфетаминовой дряни, он принимает их время от времени, чтобы быстрее ходить, закончить статью или книгу, принимает их в течение двух или трёх дней, а потом завязывает, ему всегда хватает силы знать, когда именно остановиться, теперь он больше не принимает их, думаю, это я внушила ему отвращение к ним, он сказал мне, что, возможно, лет через десять, когда он будет полностью уверен, что я окончательно выздоровела, теперь я окончательно выздоровела, но разве он в этом полностью уверен?

Тем не менее, в тот день я не могла сдержаться. Сколько я ни обжиралась химией, сколько ни упарывалась Каптагоном до боли в висках, до бешеного биения сердца, до мурашек на руках и ногах, до судорог, я на исходе сил, я больше не могу выносить эту комедию, а ещё мне страшно, страшно так, что я не помню, чтобы когда-либо мне было так страшно. Накануне я поняла, что Динитель скоро запретят продавать в аптеках, и Каптагон, и вообще все амфетамины. Что я буду делать? спросила я у себя. Как я без них обойдусь? Я всё ещё могу остановиться? Как? На самом деле, мне не было так уж плохо до этого. Почему бы и не попробовать вновь стать такой, какой я была, просто какой была, когда я пила Колу, когда краснела, когда ещё не подседала и когда он любил меня?

Папа в хорошем настроении, я сразу же это замечаю. Он рад меня видеть. Он находит, что у меня скверное выражение лица, но он рад снова встретиться со мной. Знаешь сколько времени прошло? спрашивает он обнимая меня. Восемь месяцев! Восемь месяцев я был лишён моей Луизы! Я тоже очень рада, я всегда рада видеть его, но в то же время я хочу плакать и я должна прикладывать невероятные усилия для того, чтобы он считал меня нормальной, чтобы он ничего не заметил, ни того, что я напрочь подседала, ни того, что я больше ничего не могу и что я отдала бы всё на свете в этот день, чтобы вернуться в конуру пораньше.

Он рассказывает мне про Мексику, куда он поедет снимать фильм. Давным-давно они ездили туда с мамой. Это волшебная страна, говорит он мне. Ты увидишь, вы увидите, приедете на две или три недели, ты и твой брат, и полюбите эту страну. А я слушая его считаю как можно быстрее, сколько же упаковок мне понадобится, чтобы протянуть две или три недели. А они обшаривают чемоданы в Мексике? Конечно, у меня будут с собой рецепты, и всё будет как обычно. Итак, всё легально, и я ничем не рискую. Но если пограничники достанут коробочки у

всех на глазах, перед папой... Только подумаю об этом, так желудок выворачивается наизнанку и ещё сильнее хочется плакать.

Как всегда папа пристально смотрит на меня. Как обычно, он обо всём догадывается. Он догадывается и всё видит. Печаль замаскированная ангиной. Лёгкое нахмуривание бровей, которое значит я озабочен. Он подозревал о моей первой сигарете в четырнадцать лет вместе с Прюной: мы курили невзятяг на дороге, которая спускалась к Марну, в том доме недалеко от Мо, где мы проводили то лето до этого, в благословлённое время детства, в благословлённое время безответственности, ласки, нотаций, в благословлённое время хороших привычек. Прюна лихо сказала мне делая кольца дымом своей сигареты Гольуаз а ты знаешь, что у твоего папы новая невестка, мне это крёстный рассказал, кажется, она мексиканка и блондинка и разговаривает на пяти языках, а ещё она умеет петь и танцевать, и на десять лет младше него, и они очень любят друг друга, она так прекрасна - застрелиться просто, у неё вот такие ноги, вот такие глаза, она испортит все наше детство! Я уже знала эту новую невестку. Папа только что познакомил нас. И я тут же почувствовала, что мы станем подругами, и что, возможно, она будет моей покровительницей. Но меня так взбесило, что Прюна тоже знает это и лукавит, что я тут же решила поссориться с ней, а когда я взяла у неё сигарету - я хотела поделаться кольца, как она - то принялась кашлять как бешеная. За ужином папа ласково взял мою руку в свою. Я её инстинктивно выдернула, потому что это была рука, которой я держала сигарету и хоть я и помыла её с мылом, это была неправильная рука, виновная. И в этом жесте внезапно он все увидел и всё понял: Луиза, ты курила? почему ты это сделала? ты не знаешь, что это отвратительно? и глупо? курящие и пьющие женщины, знаешь, это не сексуально.

Но я не об этом думала в тот день позволяя ему смотреть как раньше мне прямо в глаза. Я думала, что на самом деле, этот ужин - это мой шанс. Я сказала себе, что это повод позволить ему увидеть один раз, что его жёсткий взгляд заставляет меня сидеть на как иголках. Нужно, чтобы он понял, сказала я себе. Да, полное изменение стратегии, нужно, чтобы он понял, чтобы взбесился, чтобы помог мне, папа всегда всё улаживает говорил мне он до этого, тогда, когда я была ещё исправима, он - единственный, кто может всё исправить, у меня это не получается, никто, кроме него не сможет, медики ничего не могут, медики выписывают мне то, что я хочу и им похуй, а что до Адриена, так это слишком далеко от него, ему тоже похуй, да к тому же он ещё ребёнок, он не до конца понимает, он сказал бы мне нужно поговорить с твоим отцом, ну вот, выиграем время, я сделаю что-нибудь, что он поймёт и он уладит всё как он умеет.

Помоги мне, папа, безмолвно говорю я уставившись своим тяжёлым взглядом в его, глаза наркоманки в глазах милого папы. Помоги мне, шепчу я, помоги мне, ты - единственный, кто может вытащить меня из этой херни, которая должна была нас сблизить и из-за которой мы так далеки друг от друга, что я больше не могу разговаривать с тобой, и что уже год я тебя больше не вижу и вот уже два года, как я избегаю твоего взгляд, потому что на протяжении этих двух лет, когда ты просто верил, что я отдалялась, потому что это в порядке вещей, что дети растут, что они влюбляются и забывают своих родителей, я была влюблена, но в парня, которому меня было не достаточно, в парня, который, думаю, любит меня, но который хотел бы, чтобы я была кем-то другим, чтобы я была всеми остальными, я не отдаляюсь, я тебя избегала, я подыхала от страха, что ты меня раскусишь, что узнаешь, но сейчас вот, я только что поменяла решение, наоборот, нужно, чтобы ты узнал, это нужно абсолютно точно, из глубины своих глаз я кричу тебе это я, Луиза, помоги мне, я взаперти, и только ты можешь помочь мне, спасти меня, забрать меня отсюда, ты всё понимаешь, ты всё улаживаешь, я поуши во лжи, я вру тебе так, как никогда не врала, раньше я лгала по мелочам, по настолько мелким вещам, что ты должен был бы пустить в ход всех своих детективов, чтобы разоблачить меня, я бы столько отдала, чтобы вернуться к той лжи, к нормальной лжи, без надобности, к той лжи, которую говорят все дети своим родителям, в школе забастовка, это не я съела шоколад, я переночую у своей подруги Дельфины, нет, я не знаю, где твой зелёный кашемировый свитер, что это за новый кот, нет, я не знаю, нет, это не я притащила его: сейчас вся моя жизнь - это ложь, после полудня, когда я просыпаюсь, утром, когда я засыпаю, это больше не я, это моя ложь, я больше не могу быть этой ложью, я хочу вернуться назад, прошу тебя, я больше не вынесу.

И тогда происходит необычная вещь. Папа не слышит. Папа, который всё понимает, смотрит на меня, но не понимает. Возможно, это слишком безумно. Слишком поздно. У меня уже такая сильная привычка скрывать всё, что я уверенно продолжаю врать даже когда кричу правду. У тебя усталый вид, просто говорит мне он. Ты не заработалась ли? А я хочу разрыдаться там, посреди еды, к которой я даже не притронулась. Если я разрыдаюсь, он спросит меня что не так он

будет готов к признанию, вот, вот что нужно, именно это я сейчас и сделаю, и кошмар остановится. А дальше происходит ещё один необычный феномен, новая, ещё более плохая, катастрофа: вот новый слабый голос, который поднимается во мне из глубины меня, тихий голос, который должны были бы задавить амфетамины и который шепчет мне, что папа такой весёлый тут, напротив меня, такой счастливый из-за своей Мексики, он так гордится моим младшим братом и так гордится моим первым романом, так гордится за меня, которая вот уже два года как наркоманка, это ему причинит столько горя, это будет для него таким шоком, я стольким обязана ему, я его так люблю, он же столько заботился обо мне, разве он заслуживает это, эту недостойную дочь, эту больную? Тогда я проглатываю всхлип, маскирую его под чих, говорю у меня пыль в глаз попала, говорю да, я немного устала, улыбаюсь ему, и в свою улыбку вкладываю всю свою теплоту, всю искренность, всё, что осталось от детства, я изображаю прекрасную улыбку ребёнка-модели.

Гарсон только что принёс кофе. Я нащупываю в кармане упаковку Динителя. Осторожно, ногтем большого пальца открываю одну капсулу, затем другую и ещё одну. Папа спрашивает, есть ли фисташковое мороженое. Он поднимает голову на гарсона, секунда, хоп, мне этого хватает - капсулы в меня во рту, под языком, я жду немного, но не слишком, чтобы желатиновая капсула не освободила порошок, и ужасный вкус не заставил меня гримасничать. Я улыбаюсь. Я уже улыбаюсь, но меняю улыбку, которая должна была замереть. Я крепко беру стакан, чтобы не трясти его. Делаю глоток Колы, другой. Через десять минут станет лучше. На протяжении часа, может, чуть больше, всё будет хорошо. На протяжении часа, может, чуть больше, я буду хорошо ломать комедию весёлости, живости, счастья. Папа будет доволен. Он подумает, что я в форме, настоящее маленькое достижение, мечта молодой девушки, скажет мне, что у меня до сих пор детский лоб, мы обговорим все важные вещи как обычно, как раньше, о моём брате, который хочет стать адвокатом, о бабушке, которая ходит на курсы информатики, о доброте Адриена, и покинем быстро перед первыми позывами тошноты. Впрочем, получилось, уже лучше, Господи, какое безумие, какая ошибка, я легко отделалась, в конце концов я сама справлюсь.

*

Это Адриен отправил меня в клинику на такси с чемоданом, в котором были только две ночнушки и полно книг.

Милый парк, строгие, но обнадёживающие медсёстры, в коридорах люди, одетые в халаты, маленькая скромная комната, я была далеко от *Пролетая над гнездом кукушки*³¹ и, даже если это и не был *Club Med*³², я нашла это место скорее неплохим, я была готова остаться там на год, если это понадобится, или на два, или ещё, у меня будет возможность читать до отвала, спать не таясь, не притворяться весёлой, плакать нон-стоп, потому что тут у тебя есть на это право, места такого типа, должно быть, сделаны именно для этого, места чтобы спокойно вдоволь поплакать.

Я сказала убирайся моя любовь мой ангел, так я спешила поплакать, так я спешила увидеть, какой эффект произведёт то, что больше не надо контролировать своё лицо, эмоции, походку, убирайся, ты пропустишь автобус, дорогой, и устроилась в большом общем зале, чтобы познакомиться со своими новыми друзьями, с теми, с кем я буду играть в кикер, с будущими друзьями из кружка трудотерапии, с будущими подругами, которых изнасиловали, с теми, кто приехал сюда с дёснами, уничтоженными уколами, с теми, кто был здесь не по своей воле, кто втихую попивал 90-градусный алкоголь, с теми, кто были ещё большими наркоманами, чем я, со страдающими депрессией, алкоголиками, с теми, кого лечат электротерапией, с шизофрениками с осложнениями, с другими, самыми многочисленными, кто больше не может сказать, почему они здесь, потому что они забыли это, они находились здесь долгие годы.

Каждый вечер, в десять часов, мне давали дозу Транксена³³, и я не осмеливалась протестовать. Каждое утро, в девять часов, тук-тук, добрый день, завтрак, вот ваш Еффексор³⁴,

---

31. Пролетая над гнездом кукушки - роман Кена Кизи, действие которого происходит в психиатрической клинике.

32. Club Med (сокращение от фр. Club Méditerranée — средиземноморский клуб)— торговая марка французского международного туристического оператора, владельца сети курортов в разных странах.

33. Дикалия клоразепат - устраняет аффективно-эмоциональное напряжение, чувство страха, тревоги, беспокойство и психо-вегетативные расстройства. Оказывает также и противосудорожное действие.

подождите, я не надела линзы, ничего страшного, откройте рот. В полдень, приятного аппетита, вот ваш Буспар³⁵, нет, проглотите передо мной, я прошу Вас. Всё остальное время я рыдая нанизывала бисер в кружке трудотерапии, навзрыд играла в кикер, всхлипывая читала *Мадмуазель Эльзу*³⁶, смотрела *Секретные Материалы*³⁷ в кровати одного очень красивого парня с животом, разорванным ударами ножа, он мне очень нравился, он тоже много плакал и никогда не разговаривал.

У него были большие, немного пустые и очень голубые глаза, глаза как зеркала в которых можно увидеть то, чего ты хочешь: небо или совсем ничего. Он закончил лечение, но не хотел возвращаться домой. Он заставлял меня думать о моём дяде Пьере, мамином брате, который больше не выходит из дома вот уже десять лет, ему приносят поесть каждое утро, он спит, кушает, спит, кушает, время от времени одевается, одевает свой красивый блейзер с золотыми пуговицами времён, когда он был сыном своего отца из Ренна, у которого была машина с откидным верхом, симпатные девушки, блестящая жизнь, очень весёлые вечера на террасе Кафе де ла Пэ, но у него не получалось решиться, пересечь порог своей квартиры это невыносимое страдание для него, и, в конце концов, он не выходит, он надевает свой блейзер и опять ложится в кровать на неделю. Этот парень, с ним было то же самое. Он покрывался коркой в течении года, и медики прекратили его переворачивать. Как-то раз медсестра застала нас врасплох, наябедничала доктору, и нас расселили по этажам.

Папа приезжал навестить меня. В первый раз в холле он посеял панику среди пациентов, занимающихся бегом, и моих новых друзей-зомби своими черными очками и походкой рок-звезды. Он говорил мне, что я была более милой вот так, хрупкой, немного застенчивой, что вот такой он меня любил, что вот такой я стану счастливой, потому что я стану счастливой, он знал это, вот увидишь, что я прав, говорил мне он, увидишь, я никогда не ошибаюсь, разве я когда-либо ошибался? Нет, нет, папа, отвечала я, ты никогда не ошибаешься. У меня было такое желание верить ему. И также такое желание убедить его, заставить его понять, что во мне ничего не сгнило, не испортилось, не повредилось, что я всё ещё была его маленькой Луизой, что надо было немного отмыть внешнюю сторону, вот и всё, просто немного прибраться. Мы ходили на долгие прогулки по парку. Он водил меня обедать в трактиры на углу. Он приносил мне книги, газеты. Он вскармливал мои чувства, это заканчивалось почти ходьбой, я находила свои рефлексии почти нормальными. Я вновь начала читать. Слушала новости о своём брате. У меня было впечатление как от возвращения из долгого путешествия, из очень-очень далёкой страны, я была как человек без слуха, который был заморожен на протяжении не знаю какого времени и который возвращается домой в абсолютно незнакомый мир.

Бабушка тоже приходила меня навестить. Моя бабуля, которая сейчас ушла, но именно она нашла клинику, это она всё организовала с этим милым доктором, совершенно депрессивным, но который ободрял меня. Обычно я ненавижу людей, которые говорят ушла вместо умерла. Ушла куда, спрашивается? Это ни о чём, это смешно, эта манера надевать перчатки сдержанности коверкает язык, как когда говорят израильтянин вместо еврей. Приехали. Я говорю, как идиотка. Я тоже говорю ушла. Но мне так сложно привыкнуть к этому. Я не плакала в день её похорон, но чем больше проходит времени, тем больше я грущу о том, что она ушла и тем чаще я вспоминаю её в те недели, у изголовья моей кровати, смешливой и важной, какой она была, ободряющей, позитивной, это она спасла меня, в конечном счёте.

Её звали Дина, а я до сих пор говорю Нанэ, потому что с Мамой уже всё понятно, а ещё два раза я ошибалась, впрочем, разве я ошибалась или притворялась, что ошиблась, я звала её Мама, нет, простите, Нанэ, мне было пять лет, я смеялась ошибившись, это было в дни, когда она ходила со мной в гостиницу, где жил папа, и я говорила ей пока, Мама, ой, Нанэ и раздражалась неудержимым смехом.

Её звали Дина, существует столько вещей, которые из-за неё больше никогда не рассмешат меня, столько вещей, которые я делала только с ней и которые без неё больше никогда не буду

Относится к так называемым «дневным» транквилизаторам, поскольку обладает незначительным снотворным эффектом.

34. Венлафаксин - антидепрессант, показан для лечения большой депрессии, а также тревожных невротозов.

35. Бупирон - анксиолитическое средство, применяемое для лечения тревожных расстройств или временного облегчения симптомов тревоги.

36. Новелла австрийского писателя Артура Шницлера.

37. Американский научно-фантастический телесериал, созданный Крисом Картером.

делать: я больше не буду кататься на лыжах, больше не буду купаться в Кап д'Антиб, я больше не буду фотографировать, не буду слушать Эллу Фитцджеральд³⁸ и Диззи Гилеспи³⁹, ты была единственной бабушкой в мире, с которой мы загорали с голой грудью, ты купалась круглый год в бассейне, зимой она устанавливала дома температуру в пятнадцать градусов, и ты всё же купалась, я оставалась на краю с бутербродом с Нутеллой, считая удары твоих ног, на сотне я вопила стоп и чувствовала себя полезной, я была рада быть тебе полезной. А ещё это горькое ядрышко внутри косточки абрикоса, от которого мы обе были без ума, ты говорила мне кажется, что это яд, но если б это был яд, я бы умерла уже пятнадцать лет назад, ты не боялась яда, ты верила в то, что у тебя есть иммунитет к смерти, когда ты уехала в Амазонию, то не захотела брать Хлорохин⁴⁰, потому что чувствовала себя сильнее малярии, но всё же ты подцепила её и выздоровела, а вот когда я болею, то просто разваливаюсь.

На самом деле, ты ничего не боялась, ты подхватила этот чёртов рак, который обычно бывает только у людей, я начала расценивать эту смерть как вину врачей, мне надо на кого-нибудь было рассердиться, ты ни разу в жизни не курила, ты была такой молодой, такой крепкой, до пятнадцати лет я серьёзно думала, что тебе было тридцать семь, да, тридцать семь это был твой возраст, он никогда не менялся, и было не так уж важно, что папе было почти столько же, вот как это было, твой возраст на всю жизнь, как имя или цвет глаз, это твоя бабушка? у неё такой молодой вид, сколько ей? тридцать семь лет, отвечала я, и, должно быть, меня принимали за слабоумную. Ты приходила каждый день. Ты водила меня попить свежего молока в Софитель, что расположен в конце бульвара клиники. Ты приносила мне последний эпизод Скорой помощи⁴¹, который мы вместе смотрели на магнитофоне. Ты заботилась обо мне, и вместе с тобой я становилась послушным ребёнком.

А вот Адриен вернулся на первых выходных. Я и не представляла себе, что это уже были выходные, время шло незаметно, это было как один единственный день или одна ночь, ночь, полная судорог и приступов тошноты, я была совершенно больна. Он совершил импровизит с шоколадом, сигаретами, пепельницей, травой, собственной фотографией в рамке, нашей фотографией, на которой он хорошо вышел и с бумагой для самокруток. Спасибо, спасибо, говорила я ему, пока он распаковывал подарки. Спасибо, мне очень приятно. Но я собрала все свои маленькие силы и побежала как Спида Гонзалес⁴² в туалет делать макияж: немного туши, пудры, чёрт, это выделяет синяки под глазами, надо бы добавить тональника, я не взяла тональник, как я могла забыть тональник? я начинаю плакать, совсем одна, перед зеркалом, в то время, как он, там, за дверью, начинает разговаривать со мной об ужине Важных Шишек, который будет проходить в воскресенье, и он исключительно хотел бы, чтобы я туда пришла, как я думаю, это будет возможно? по моему мнению, я уже выздоровею? а что касается глупостей, обещаю ли я не делать моих привычных глупостей, которые постоянно рушат его карьеру? нет, нет, кричу я, я не буду делать глупостей; да, да, если я выздоровею, то приду; Господи, так он до сих пор ничего не понимает? он не врубился, что я близка к эмболии, что я застряла здесь на недели, может, даже и на месяцы? чёрт, теперь и тушь потекла! что за идея наносить тушь в моём состоянии! я тру глаза, замечаю чёртову полоску от подушки, которая разделяет мою щёку, тру и её тоже, от этого размажется пудра, я добавляю её ещё огромной порцией, теперь я вообще как дура, это ещё хуже, а полоска от подушки всё ещё там, если он увидит меня вот такой, то бросит меня, я и так уже возможно никогда не пойду с ним на ужин, если, к тому же, он увидит меня с таким лицом, то всё потеряно, к счастью, я нахожу свои чёрные очки, они небольшие, но это хотя бы спрячет красные глаза, я восстанавливаю дыханье, придаю себе безмятежное и мудрое выражение лица, зачёсываю волосы вперёд, чтобы максимально скрыть лицо и выхожу из туалета.

Конечно, я рада его видеть, но помимо этого я ещё немного растеряна - о чём же мы будем разговаривать? Я не в курсе ни о чём. Я больше ничем не интересуюсь вот уже несколько месяцев.

³⁸. Элла Фитцджеральд - американская певица, одна из величайших вокалисток в истории джазовой музыки, обладательница голоса диапазоном в три октавы, мастер скэта и голосовой импровизации.

³⁹. Диззи Гилеспи - джазовый трубач-виртуоз, вокалист, композитор, аранжировщик, руководитель ансамблей и оркестров, родоначальник современного импровизационного джаза.

⁴⁰. Хлорохин - лекарство от малярии.

⁴¹. Скорая помощь - американский телесериал, рассказывающий о жизни приёмного отделения больницы города Чикаго, её сотрудников и пациентов.

⁴². Спида Гонзалес - мультипликационный персонаж из серии «Looney Tunes». «Самая быстрая мышь во всей Мексике».

Малейшая сентиментальность заставляет меня заливаться слезами, а я знаю, что он ненавидит, когда я плачу, он всегда принимает это на свой счёт, за что это мне? Да к тому же эти пять минут приготовлений опустошили меня, у меня кружится голова, всё перемешивается в голове, я ложусь на кровать. К счастью, он стоит перед окном и не смотрит на меня. Он так и будет стоять целый час, и я уверена, что за этот час он ни разу на меня не посмотрел: я могла бы запросто не краситься, в конце концов, у меня могла быть козявка в носу, а на глазах могли быть огромные очки, которые носят близорукие! Что мы скажем друг другу? спрашиваю я у себя. Что сделать, чтобы немного ободрить его? Я так встревожена и вместе с тем так одурманена, что хочу, чтобы он побыстрее ушёл: если б у меня был Динитель, думаю, что только ради этого я бы проглотила целую пачку.

Он ходит. Рад видеть тебя, говорит он мне, я ужасно нуждался в этом, у меня всё плохо, мой медвежонок, мне нужно было поговорить с тобой и мне нужна твоя поддержка. Спасибо, повторяю я, спасибо. И он начинает говорить, говорить, я задаюсь вопросом, а не принимает ли он тоже амфетамины, но нет, в какой-то момент он отходит от окна, чтобы проверить включен ли его телефон, я смотрю на его зрачки, они не очень расширены, он просто возбуждён, возможно, эта ситуация на самом деле нравится ему, он решительно не знает, что делать, говорит сначала одно, а потом противоположное, что сожаление не имеет никакого смысла, но надо было сохранить ребёнка, что он хочет бросить курить, но это было бы равносильно тому, что бросить меня, что ему так плохо живётся, но он любит жизнь, что я точь-в-точь похожа на своего кота, но он любит собак, что он скоро напишет роман, потратит часть сбережений, снова сдаст Агреже⁴³, перечитает *Адольфа*, он так похож на Адольфа. Я говорю: нет! да? ах, какая классная идея! ничего себе, ты уверен? А он продолжает, ходит туда-сюда по маленькой комнате также, как когда дома читал мне свои лекции, он неистово затягивается сигаретой, проводит рукой по волосам, смотрит на себя в циферблате наручных часов, и начинает заново, почему он колеблется между марксизмом и ультралиберализмом, его безошибочная и мучительная память, воспоминания, которые отравляют его, грусть, меланхолия, она пожирает меня, понимаешь, истощает, что для умного человека нет ничего невозможного, что Франция - это решительно скучная страна, что тот факт, что он видит меня такой умиротворённой приятен для него, но он чувствует себя одиноким, таким одиноким, он скоро умрёт, такой он одинокий.

Я здесь, говорю с ним, всё-таки удивлённая видеть его со слезами на глазах и растроганная, и желание прижать его к себе, если б не было тонн пудры под глазами и тяжести в руках, я здесь, я скоро вернусь, они сделают мне разрывное здоровье, вот увидишь, и теперь уже я хочу встать и поплакать, потому что говоря это я замечаю, что это точь-в-точь те слова, что мне говорила мама ровно десять лет назад, во время её дезинтоксикационной терапии. Но Адриен не слышит, он не замечает, что я плачу, всё ещё не смотрит на меня или смотрит не видя меня, я могла бы накачаться героином или клеем, или умереть, или показывать ему язык, ему просто нужен свидетель, я здесь, прикованная к постели, это практично, но он ещё больше закусывает удила, рассказывает, что ненавидит невротические вселенные, что ему тоже грустно, но по меньшей мере он знает почему, разве я должна принимать это на свой счёт? разве должна снова объяснять, что я знаю, почему я грустная, что я грустная, потому что вынудила его на этот визит в клинику, в жизнь сумасшедших, в дни, проведённые во сне, в ночи, когда пытаешься заснуть, в нервные срывы, сцены ревности? Но я не нахожу слов, всё перемешивается у меня в голове, мысли умирают одна за другой, у меня пересохло во рту, да к тому же я, наконец, понимаю, что речь идёт не обо мне, а о нём, только о нём, а вот уже о его отце, о мистике, которая их связывает, об их похожих друг на друга жизнях, об их страстном разуме, в этот момент я позволяю ему поговорить с самим собой, кажется, ему от этого полегчает, болею я, а нуждается в том, чтобы его слушали именно он.

Ещё он говорит, что с ног валится от бессонницы, что нужно всегда придерживаться картезианского принципа понимания реальности, что надо бы сменить занавески в гостиной, что ему уже осточертело путешествовать вторым классом, может, почистить ему апельсин, да какая разница, думаю, он попросит медсестру, во всяком случае, он пойдёт к доктору, моя жена, скажет он, я хочу знать, какие медикаменты вы даёте моей жене. В какой-то момент я перестаю его слушать. Время от времени до меня доходят его слова, фразы: неврастенически активный...

---

⁴³. Агреже́ (фр. agrégé — партнёр; принятый в общество) — учёная степень во Франции и франкофонной Бельгии, дающая право преподавать в средней профессиональной школе и на естественно-научных и гуманитарных факультетах высшей школы.

отличный тип... покорить вселенную... Джеки Чан... схавать весь мир... разорвать оболочку... Сванн Шарль Агата Годард... грязные ногти... любить друг друга, когда ничего не мешает... гиперболическое сомнение... виновное желание... пепел во рту... Я решаю притвориться заснувшей, а когда просыпаюсь, его уже здесь нет, за окном ночь, он ушёл, оставил мне записку на кровати, милую записку, полную любви, записку, которая подарила мне желание обнять его, в конце концов, записку, так похожую на то, когда мы могли поговорить друг с другом, когда понимали друг друга, когда я ещё не была наркоманкой, а он - таким тщеславным.

На следующих выходных, однако, я попросила его не приезжать сославшись на сильнейший грипп, вирус, который подкосил весь этаж. Да ничего страшного, я делал прививку! Да, но всё же, это серьёзный грипп, моя соседка подхватила его несмотря на вакцину, на твоём месте я подождала бы следующих выходных для уверенности. Он приезжал время от времени. Вся эта история продлилась четыре месяца. Это время понадобилось для того, чтобы я стала совершенно новой, чтобы я больше ни в чём не нуждалась: ни чтобы встать, ни чтобы заснуть, чтобы моё тело стало сильнее, чтобы оно стало сильнее, чем я, которая боится встретиться с миром без костылей, боится своего нового хорошего здоровья, боится начать заново, он приходил на протяжении этих четырёх месяцев, по-милому, каждый раз, когда у него выдавалась свободная суббота. Именно в этот момент я поняла, что что-то сломалось между нами, что на самом деле никакого "между нами" не существует, что больше никогда ничего не будет по-прежнему. Это момент, когда я поняла, что моя болезнь называлась Адриен.

*

Чего ты ждёшь? сказала ему я. Думаешь, будет легко меня бросить? Думаешь, я позволю так поступать тебе? Я бросила фоторамку на пол, стекло разбилось, но, поскольку этого было недостаточно, я вскочила с кровати и разорвала фотографию, ту, которую он так любил, наше совместное фото со свадьбы: мы были красивыми и слегка смешными, там было столько народу, которого мы не знали, и которые ушли до окончания свадьбы.

У него грустный вид, скорее от разорванной фотографии, чем от того факта, что он бросает меня. Он всегда был сумасшедшим по поводу фотографий. Иногда я говорила себе, что он скорее предпочтёт один раз увидеть что-либо на фото, чем постоянно смотреть на это в жизни. А я - наоборот, ничего не вселяет в меня такой страх, как фотография, ничто не кажется мне таким лжекрутым, как хорошая фотография счастья со всем тем несчастьем, которое она обещает, содержит, не говоря этого, хорошо скрывая свою игру. Я ещё не знала, что это было лучшей вещью, которая могла со мной произойти - что он бросит меня. Как я могла это знать? Он был всей моей жизнью, без него не существовало и меня.

На нём были новые кроссовки в тот день. Он лежал на кровати в новых. Сначала я подумала, что он делает это, потому что они ему нравятся, потому что он хочет полюбоваться ими, и чтобы ими любовалась и я, я ещё не знала, что это для того, чтобы убежать навсегда. Почему ты не снимаешь кроссовки? спросила я. Она прикольные, но сейчас два ночи, ты хочешь заняться сексом в кроссовках, любовь моя? Нет, сказал он без смеха и улыбки, нет, я не хочу заниматься сексом в кроссовках, мне нужно кое-что тебе сказать. Ах вот как, ну что же? Я свернулась в клубок рядом с ним. Возвращаясь из офиса я спросила: тебе нужно что-нибудь? Нет. Сыр, Фрости⁴⁴? Нет. Просто я иду в магазин, думаю, не осталось больше ни Колы, ни чая, ты точно ничего не хочешь? Ничего. Ничего, ты уверен, жаль, а то я хотела сделать тебе приятное. Тогда сделай милость, не приноси ничего для меня, пожалуйста. Этот разговор меня ошарашил. Обычно, он никогда не отказывался от Фрости. Никогда от сыра. Иногда мы вставали посреди ночи, я - чтобы выпить молока, а он - сделать сендвич, мы встречались на кухне, заспанные, голодные, в эти моменты мне нравилась его растрёпанная причёска, он был совершенно голым, звучало тихое Франс Инфо⁴⁵, чтобы огласить резюме по результатам футбольного матча. Но сейчас он не хотел сыра, ничего, это было в первый раз, это было странно.

Помнишь, как мы обычно прикалывались над теми, кто говорит слушай, нам нужно поговорить? сказал он мне разлѣгшись на кровати с новыми кроссовками на ногах. Да, а что? Потому что нам нужно поговорить, да, это по-идиотски, но нам нужно поговорить. У него дрожал подбородок, и такой вид, как когда он получал плохую оценку или когда поругался со своим

⁴⁴. Фрости - название марки кукурузных хлопьев компании Kellogg's.

⁴⁵. Франс Инфо - новостная радиостанция во Франции.

отцом, когда... Нет, на самом деле, у него никогда так не дрожал подбородок, у него никогда не было такого вида, и я спрашиваю его совсем тихо, готовая расплакаться, едва решаясь задать этот вопрос, не решаясь слышать ответ: нам нужно поговорить, но о чём? А когда он начал колебаться: давай, давай, скажи это, кричу я внезапно вскочив перед ним. Я поняла, на самом деле, я ненавижу его за то, что поняла: скажи! скажи! На прошлой неделе... (он кашляет, берёт сигарету, ищет огонь, не находит его, возвращает сигарету обратно)... на прошлой неделе ты носила то зелёное платье, знаешь, то, которое заставляет людей оборачиваться на улице и которое заставляет меня так гордиться, ты сказала получилось, я выздоровела, у меня всё хорошо, у меня всё так хорошо, что мы, наконец-то, сможем любить друг друга, я больше не боюсь, что ты меня бросишь, помнишь? Конечно, я помню, думаю я: я чувствовала себя такой сильной в тот день, я бросила амфетамины вот уже год назад, больше не читала его личный дневник, больше не говорила во сне, и правда, я больше не боялась, что он бросит меня, правда, это была смешная милая новость, это означало, что жизнь будет легче, лёгкость - это так важно. Тем не менее, я не отвечаю. Я слишком поражена тем, что поняла в тот момент и он продолжил: так вот, я ухожу, сваливаю, вот что я хотел тебе сказать.

Почему? Почему? хотела я спросить его. Но я совершенно ничего не спросила, я не смогла выдать ни слова. Вот таким вот образом я спрыгиваю с кровати и бросаю фотографию, обычно это я его бросаю, он бежит за мной по улице, это игра, мы дерёмся, удары кулаками, удары ногами, мы избиты, все в синяках, шишках, но это игра, я ухожу для того, чтобы он сказал мне не уходи, но сейчас это уже не игра, никаких сомнений, это больше не игра, у меня нет ни малейшего желания бить его, у него тоже, а когда я снова сажусь на кровать с болтающимися руками, потерянная, он даже пытается быть милым, поглаживать меня по волосам, а я смотрю ему прямо в глаза не понимая: уйти, но куда, почему, это так странно? Я так и не поняла, почему ушёл Адриен, он ушёл, вот и всё.

Думаю, что он хороший человек, несмотря на всё. Несмотря на всё, несмотря на него, несмотря на всё то, что я всем повторяю, думаю, что он несмотря на всё милый и хороший. Хороший, тот тип, который не прекращает звонить мне, который хочет поговорить со мной, объяснить мне, который ушёл, но который хотел бы, чтобы я была ещё там, на том конце провода или поводка и о котором я не прекращаю думать? Хороший, то петух, который приходит ко мне в офис, чтобы проверить эффект, который он причинил, если головы повернутся на него, если мои подруги скажут ох! Адриен такой, Адриен сякой, кроме Адриена больше нет никого интересного? Раньше это было игрой. Надо было, чтобы у него получилось пройти мимо зеркала не заглянув в него. У него это никогда не получалось. Это смешило нас. Не знаю, получается ли это у него сейчас. Возможно, нет. Но я задаюсь вопросом, кого это смешит.

В то же время он такой слабый. Такой ребёнок. Я выросла, я уже не такой ребёнок, но и не совсем женщина, скорее, бывшая женщина, но всё же я выросла, а он - нет, он не изменился, он сделал это всё из-за инфантильности, не по злости, из-за инфантильности, и именно поэтому я всё ещё думаю, что он хороший. Иногда я говорю себе, что он всё разрушил, он стал рабом этой женщины-кровопийцы, он проебал свою жизнь лишь ради того, чтобы провести в дамки шашку своего отца, просто потому что думал, что таким образом он будет на высоте своего и моего отца и всех тех отцов, которые преследуют его и мучают его. Когда он был маленьким, он отжимался как сумасшедший, дни напролёт, думая о том моменте, когда он будет достаточно большим и достаточно сильным, чтобы свернуть шею второму отцу своей матери. Тут то же самое. Он сошёлся с Паулой также, как отжимался, просто чтобы показать взрослым, что он тоже достаточно взрослый, как и они, что он тоже может иметь женщину со взглядом убийцы. К тому же он слишком любит нравиться окружающим. Он убил бы отца и мать, только ради удовольствия понравиться. Впрочем, он почти сделал это - убил отца просто чтобы понравиться колдунье, которая не выносила вида отца и сына, так любящих друг друга. Бедный Адриен. Попасть в такую глупую ловушку.

В конце концов, возможно, они счастливы. Может быть, по-настоящему любят друг друга. Разве мне больно от того, что я представляю, что он счастлив, вдали от меня, с ней? Совсем нет. Более того, в какой-то степени я бы хотела этого. Потому что когда он рассказывает мне о своей жизни и состояниях души это такая скука, можно было бы сказать, что он ищет переправу, мост от своего несчастья к моему. Но нет. Я не хочу этого. Так что он уже в прошлом. Он рассказывает мне о нашем прошлом так, будто это наше будущее, веря в то, что он растрогает меня, а когда видит, что мне похер, это его раздражает, он бесится, сжимает свои маленькие кулачки или прикидывается жалостливым, что ещё больше выводит меня из себя. Я не чувствую себя

разведённой, я чувствую себя вдовой, вдовой этого мужчины, который не пожелал ребёнка, которого мы сделали вместе. Это не его он хотел. Это не со мной он хотел его. Он говорил мне мой медвежонок, ты мой медвежонок, но он не хотел этого ребёнка, мы сделали его вместе, вместе же и убили, всё, что мы сделали вместе - мертво. Либо он ушёл со всем тем, что было во мне от него. Либо я всё выбросила, пустая оболочка, я стала пустой оболочкой. В любом случае, ничего не остаётся.

Точно, остаётся сигарета. Именно из-за него я курю. Я так рада. Обожаю курить. Поначалу это было ради того, чтобы вытерпеть его близких. Особенно последняя, которая была отвратительна, он любил курить последнюю сигарету в кровати, прежде, чем заснуть, а запах холодного табака в его волосах, в белье, в наших поцелуях мешал мне заснуть, кровать как огромная пепельница, сейчас это меня не напрягает, это напрягает Пабло, но не настолько, чтобы он действительно начал курить, он курит только когда он в ярости, это лучше. Я говорила себе это как с чесноком, нужно, чтобы его ели оба, Адриен курит, я курю.

В первое время я не вдыхала дым, у меня был неестественный вид, когда я держала сигаретку между указательным и большим пальцами - естественно, левой руки, как сказала мама, чтобы правая всегда хорошо пахла на случай, если кто-нибудь поцелует тебя в руку. Такие у мамы мысли. Поцелуи в руку должны были быть у её родителей, в их прошлой жизни, когда они были молодыми бретонскими мелкими помещиками, благовоспитанными, немного фитжеральдовскими, прежде, чем они поехали крышей, они тоже, безумие, развалины, она и её любовники, он и его старая эксцентричность. На мою свадьбу, куда я, конечно же, его не пригласила, он прислал мне письмо: Мадам, не имею чести быть знакомым в сами..., тогда как мы проводили каждое лето вместе в его караване. А она - нет, она осталась забавной до самого конца: я помню ту открытку, которую как-то раз нашла роясь в её ночном столике, подписанную Ж.П., к которой была прикреплена фотография, у него была большущая голова инвестора-застройщика, и он писал Вы - единственная аристократка, способная носить бельё с чёрными кружевами.

Папа говорил, что когда я была маленькой, твои бабушка и дедушка следовали идеям Морраса⁴⁶, затем стали последними хиппи. Мой папа-хиппи сердился или делал сердитое лицо, повторял, что он не хиппи, но медик. Да, ты - хиппи. Да нет же, Луиза, нет, и рассказывал мне про медицину со всех сторон, как он был против Социальной безопасности, потому что нужно заботиться о бедных бесплатно, и что это должны делать медики, а не Государство, ты читала Селина⁴⁷, нет?

Итак, поначалу, я не очень умела курить, у меня был прилежный вид, который смешил наших приятелей. Я больше не вижу этих друзей. Они были нашей бандой приятелей, но теперь, без Адриена, видиться с ними нет никакого смысла. Они звали меня. Писали мне. Это же дебилизм, говорили они. Но я вычеркнула их из своей записной книжки. А потом поменяла записную книжку. А потом сменила жизнь, полностью сменила жизнь и полностью сменила приятелей, не считая Дельфину, Дельфина - особенная, она - мой друг детства, я не здороваюсь с ними, когда мы пересекаемся, впрочем, мы уже совсем не пересекаемся или же пересекаемся, но я не узнаю их.

Я изучала то, как двигают руками другие, курильщики со стажем, их небрежность и непринуждённость. Я копировала их движения перед зеркалом, не слишком округлять губы, когда выдыхаешь дым, ничего не должно быть видно, не слышно, если ещё немного потренироваться, то кроме дыма ничего не будет видно, и все поверят, что я родилась с сигаретой в зубах. Через месяц я курила как сумасшедшая, я всегда впадаю в крайности, я прикуривала сигарету окурком предыдущей, курила в такси, в кино, у врача, в кресле самолёта с веером в руке всего два-три взмаха, я никогда не попадалась, в ВУЗе, в кровати, в ванной, в праздничные дни, на похоронах бабушки. Курение убивает? Ага. Жизнь тоже. И слишком долгий сон, и отсутствие любви, и быть совсем сухой внутри, и сдерживание слёз, и знать, что Адриен в этой ловушке. Я прочла как-то раз историю про пару, которые занимались любовью на глазах у всех в купе английского поезда. Никто ничего не сказал. Напротив, когда они закончили и закурили, вот тогда-то люди рассердились и забили тревогу. Вот так. Всё, что у меня от него осталось это сигарета. А что останется, когда я брошу?

---

⁴⁶. Шарль Моррас (фр. Charles-Marie-Photius Maurras) — французский публицист, критик, поэт. Проповедовал благодетельность наследственной монархии и католицизма как организации, утверждая превосходство «латинской расы» над другими народами.

⁴⁷. Луи-Фердинанд Селин (фр. Louis-Ferdinand Céline) — французский писатель, врач по образованию.

Ужасно то, что сейчас нам нечего сказать друг другу. Вот, например, как было раньше. Мы случайно встречались в переполненном кафе, ну ладно, это не важно, я не хочу, чтобы ты искал другое кафе, это случайность, придётся сесть там, рядом с дверью, на сквозняке, под лестницей, по которой люди спускаются в туалет, что будешь заказывать? кофе, а ты? пиво.

Ты говоришь мне Паула и я, бывшие Паулы, и я и бывшие Паулы. Говоришь мне мой сын, моя диссертация, моя новая квартира, моя будущая книга, моя программа на Радио Машэн, эти ублюдки-папарацци, которые всё обливают грязью, они нас преследуют, портят нам жизнь, даже и не знаю, что останавливает меня, чтобы не свернуть им шеи. И это просто слова, маленькие слова, совсем крошечные, как капли воды, заледеневшие, но не злые, слова, которые больше для меня ничего не значат, слова жизни, которая уже не наша, капли жизни, которая уже не похожа на жизнь, мне с тобой скучно.

В этот день, Адриен, я скучаю. Мы не виделись уже так долго, и я скучаю. Не нужно, чтобы ты догадался об этом, говорю я себе. А может быть и пускай, я не знаю. Сомневаясь, быть милой или нет, я говорю ах да, ах, ну ладно, ох ну скажи же. А ты, ты веришь, что это мне интересно и начинаешь заново, всё более и более возбуждённый своими историями о министре Как-Его-Там и Том-Самом актёре, ты с такой гордостью рассказываешь, что стал семьянином благодаря Пауле. Вдруг, ты делаешь мне неприятно. Я нахожу тебя милым, инфантильным, слишком Адриеном Дём, который радуется сейчас сосуществовать рядом с Важными Шишками, над которыми мы раньше смеялись. А ещё эти жесты, новые жесты, эта мания скалить зубы выдыхая дым сигареты. А ещё эта мания оглядываться выкатывая глаза, откуда она у тебя, эта мания? у кого ты её подцепил? Верни её, быстро верни, раньше нам бы показалось уморительным, если бы кто-нибудь вёл себя так у нас на глазах. Ох, и тем хуже, это тоже не важно, нас больше нет, "мы" больше не существует, делай как хочешь, оставь эти жесты и мании. Ты говоришь мне:

"Ты свободна..."

-Чего?"

Я думала о твоих жестах. Говорила себе всё по-прежнему, становится понятно, кого люди любят, кем они впечатлены, в какую дыру они угодили просто по жесту, по одному маленькому жесту, который они подцепили, и который их не отпускает. Я думала об этом. Так что я не слушала тебя.

"Я свободен, повторяешь ты. Мы свободны, ты свободна."

-Да?

-Да. Я был с тобой двадцать лет, но я тебе не принадлежу, ты была со мной двадцать лет, но ты мне не принадлежишь.

-Нет...

-Нет. Ты не принадлежишь и своему отцу, не принадлежишь никому."

Нет, на помощь, только не это. Ты не заведёшь по-новому эту идиотскую пластинку. В последнее время, после клиники и дезинтоксикации это стало одержимостью, ты говорил мне только об этом, мой папа такой, мой папа сякой, как ты можешь помочь мне с этим и даже что это миссия, которую ты на себя возложил, ты всегда был немного миссионером, Адриен, это одна из твоих положительных черт, вот, это была твоя миссия, ты вёл себя так, будто Бог послал тебя в мою жизнь с миссией, чтобы оторвать меня от моего отца. Нет, во что я впутываюсь? говорила себе я. Разве это такая драма - любить своего отца? Разве он остановит меня своими маленькими предательскими фразами, своими вопросами-капканами, своими кислотными намёками, которые по его мнению могут смутить меня, заставить меня поверить в мою тяжёлую зависимость? Как-то вечером мы смотрели *Мамочку и шлюху*⁴⁸ по телевизору. Ему фильм казался никчёмным и раздутым. А я была очарована. Он резко встал, выключил телевизор и застыл глядя на меня недобрый взглядом.

"Я знаю, почему тебе нравится этот фильм, сказал он мне тем же агрессивным тоном, как если бы я вновь начала принимать наркотики или если б выбросила Доксу, его кошку, в окно, тебе он нравится, потому что Лео в этом фильме - просто копия твоего отца."

---

⁴⁸. «Мамочка и шлюха» (фр. *La Maman et la Putain*) — дебютный фильм режиссёра Жана Эсташа (1973), признанный журналом «Кайе дю синема» лучшим французским фильмом 1970-х. Широко признан одной из художественных вершин французского кинематографа

-Я не знаю, ответила я, может быть, но с чего тут метать молнии, так ведь? Или ты хочешь дойти до этого?

-Ты любишь этот фильм только из-за отца, вот и всё, вот до чего я хочу дойти, и это мне кажется потрясающим, что ты принимаешь такой невинный вид".

Я не знала, что ответить ему. Без сомнений, он был прав, возможно, я могла бы даже согласиться, но это не казалось мне таким уж важным, в то время как ему это казалось каким-то преступлением. Я покачала головой, ничего не ответила, и он ушёл. Когда он вернулся, мы не вернулись к этому разговору, так серьёзно это было.

Было ли это ревностью? Поначалу, конечно же, я так и подумала. Я сказала себе да он просто ревнует к моим отношениям с отцом. Я находила это глупым, существует много разновидностей любви, но нет ни одной, которая стоит больше, чем другие, и сейчас не к чему ревновать, я люблю отца, любая другая дочь любит своего папу, окей, хорошо, немного больше, ну и что с того? Затем я подумала, что он ревнивый не по отношению ко мне, а по отношению к себе, идиотская штука, история соперничества между двумя мужиками, жизнь, успех, признание, все те вещи, которым я никогда не придавала значения, но для Адриена это столько значило, он постоянно считал, а что сделал твой отец в мои годы? а потом? а я а я а я? Сегодня я не могу удержаться от мысли, что мальчик среди миллиардов женщин, которые существуют на планете, ищет именно ту, которая любит отца, и это его задевает, у Адриена, всё-таки, действительно с этим проблема.

Ты смотришь на меня, ждёшь ответа, реакции, а может и нет, ты просто бросил эти слова, чтобы посмотреть, куда и как он упадут. А они падают на землю. Они падают на пол. Я могла бы сказать тебе нет, я не согласна, я не чувствую себя свободной, я больше не хочу быть свободной, быть свободной вселяет в меня ужас, быть свободной от чего, от предательства, обмана, от причинения боли, от одиночества? Но я не хочу. Я не ловлю их. Я просто смотрю на тебя, у тебя безумный вид, а твои странные жесты, о которых ты, должно быть, говоришь, что они впечатлят клиентов, которым на самом деле ничего нафиг от нас не нужно, эти жесты уже не походят на тебя. Раньше болтать с тобой было забавно. Было забавно, когда я любила всё в тебе, тебя целиком, твои слабости, неудачи, я любила и твои неудачи тоже, любила, когда мы болтали, любила, когда я была неправа, когда мы с тобой были правы, и целовать тебя, и перебивать тебя, чтобы вставить бог ты мой какая у тебя нежная кожа, притворяться ребёнком, притворяться взрослым, и запускать палец тебе в рот, когда ты говоришь, чтобы немного позлить тебя, дотронуться до зубов, потянуть за нос, не давать тебе покоя, и я принадлежала тебе, а ты принадлежал мне, ты прекрасно знаешь, что всё было именно так. В тот день у меня больше не было желаний. Не было даже печали. Я хотела бы, но не могу, ты кажешься мне убийственно скучным, почти смешным, да к тому же сейчас я превратилась в комок эгоизма, ничто не проскользнет между мной и мной: ни грусть, ни несчастье, я впускаю только удовольствие, да, у меня есть эта способность - фильтровать то, что со мной происходит, выбирать, я выбрала не быть грустной или что-то внутри меня выбрало за меня, не знаю, не хочу знать, мне это неинтересно. Почему я заказала пиво? Я ненавижу пиво.

Ты продолжаешь, но совсем один, говоришь больше в бороду, потому что сейчас у тебя борода, когда мы любили друг друга, раньше, у тебя были только усы и ещё, только лишь если ты не брился с начала недели, у тебя выростала маленькая густая бородка посреди редких волос, она заставляла меня заливаться смехом, и ты смеялся вместе со мной, тыньк, я говорила с тобой и дёргала за неё и получался тихий тыньк, я смеялась, и ты смеялся вместе со мной, сейчас ты говоришь в бороду, бормочешь ещё что-то про моего отца, письмо, которое ты и ему написал, прочитала ли я его отцу, твоё письмо, хочу ли я его читать, у тебя такой гордый вид от того, что ты написал ему письмо с оскорблениями, ты хотел заставить меня прочитать его и удивился тому, что оно совершенно не интересует меня, бедный Адриен, почему ты так сердисься на наших отцов?

"На самом деле, мы совсем одни, понимаешь? Одни лицом к лицу с хищниками. Осторожней с хищниками, Луиза, у хищников человеческие лица."

Я тебя запарила. Сейчас я хочу сказать тебе: прекрати, я запарила тебя. Но даже для этого мы уже не так близки. Раньше я могла оскорбить тебя, потому что могла любить тебя. Но я не буду оскорблять тебя вот так, совсем голого, без компенсации любовью.

Как-то раз, вспоминаю я, в самом конце, мы накричали друг на друга из-за платков в лицах. Паула уже была здесь. Это был промежуточный период между тобой и твоим отцом. Ночью она спала с твоим отцом, а днём виделась с тобой, она очень нравилась тебе, а я

чувствовала это. Я контролировала себя. Но видела, как ты смеёшься вместе с ней на пляже или шепчешь что-то ей на ухо, я говорила себе это Терминатор, он сказал мне, что она была не женщиной, а Терминатором, я не буду ревновать к Терминатору. Мы - ты и я, в этот день разругались из-за платка. Мы были настолько не согласны и так кричали, у меня было такое желание ненавидеть тебя и чтобы ты убедил меня, что я хлопнула дверью и пошла дуться на другую сторону поля. Мы были в Поркероле. Было лето. Было странно, что в тот день ты не пошёл искать меня, возможно, потому что она была там, а ты разыгрывал перед ней сцену гордости. Наступила ночь. Я видела, как ты суетился вдалеке, на кухне вместе с ней, и твоего отца, который ни в чём не сомневался, и остальных. У вас был очень довольный вид. Вы совершенно забыли про меня. Мне хотелось есть. Мне было страшно. Паскуда, паскуда, думала я, но всё же я не буду здесь спать, так что я пришла совершенно одна, сконфуженная и покрытая укусами комаров.

Ты говоришь мне а ты? А что я? Надеюсь, вы ссоритесь с Пабло? Нет, говорю я, не особо. А, хорошо, потому что мы с Паулой постоянно срёмся друг с другом. Мило, говорю я. Также я говорю смотри, - для того, чтобы сказать хоть что-нибудь - у меня новые джинсы. А ты посмотри, - отвечаешь ты с внезапно паническим видом, но мне он нравится больше, чем твои манеры нового Важного - я начал лысеть. Покажешь? Ты показываешь, поднимаешь прядь, которая падает на глаза. Это точно, ты немного лысеешь, но как я должна реагировать на это? Раньше, когда я знала тебя наизусть, я знала что нужно было успокоить тебя соврать тебе сказать тебе нет это неправда ты не лысеешь. Также как и ты мне говорил я гремучая змея, потрогай, ты чувствуешь? мой череп не круглый, он шишковатый, трижды шишковатый, к счастью, я не лысый, представляешь, я был бы монстром! Раньше это забавляло меня, когда мы были детьми и любили друг друга и казалось, что ты никогда не будешь лысым. А что сейчас? И когда-нибудь, однажды, ты будешь лысым, но сначала ты будешь облысевшим, какой ужас, к счастью, я больше не люблю тебя, а ты уже не мой муж.

Я не знаю, что сказать тебе. Говорю это правда, ты немного лысеешь, но это тебе идёт, это мило. Ты улыбаешься мне. Или, возможно, ты улыбаешься не мне. У тебя грустная улыбка, глаза щурятся, и множество маленьких морщинок как паучьи лапки выстраиваются вокруг глаз. Ты постарел, тебе двадцать семь лет и ты постарел, я не заметила бы этого, если б мы жили вместе, но сегодня я замечаю это и таким образом понимаю, что мы действительно разведены. Ты тоже понимаешь это. Ты только что понял это. И ты улыбаешься мне этой грустной улыбкой, которая в действительности адресована не мне. Сегодня ты ничего из себя не строишь. Ты не предвидел эту встречу, не репетировал и поэтому ничего из себя не строишь.

Глядя на тебя я пробую увидеть тебя как раньше, глазами из прошлого, когда ты ещё не был мёртвым. Ты похудел. Лицо более заострённое. Нос всё такой же. Ты говорил: он негроидный, на самом деле, я чёрный, у меня чёрная кровь, ноздри не вертикальные, посмотри, они горизонтальные. К тому же это пятно на носу, маленький лопнувший сосуд, я вспоминаю его, единственный недостаток твоего лица, он меня умилял, но маленькое пятнышко больше не умиляет меня. Внезапно, ты думаешь о чём-то другом. Раньше это ты говорил ты где-то далеко ты любишь меня о чём ты думаешь? Теперь это ты где-то далеко, вот так. С тобой всё хорошо? говорю я. Да. Тебе весело? Да. А Пабло, ты хочешь поговорить о Пабло? Ты говоришь что, я спрашиваю, о чём ты хочешь, чтобы я тебе рассказала? Я не знаю, отвечаешь ты, я не знаю. О том, что я больше не боюсь? что он не хочет, чтобы я была кем-то другим? что я ему нравлюсь такой, какая я есть? что если б я принимала амфетамины, я дошла до того, что принимала бы по двенадцать в день, ты понимаешь это, он бы сразу же увидел это, потому что когда я выпиваю чуть больше кофе, он замечает это, потому что когда мы встретились, я принимала много Ксанакса по поводу и без повода, как карамельки и прекратила не желая этого по-настоящему, не решив, а просто потому что я забывала, забывала, что они есть у меня в сумке, в кармане, забыла, что я нуждаюсь в них, мне они были больше не нужны, ты видишь, ты понимаешь? ты действительно хочешь, чтобы я рассказала тебе это всё?

Ладно, говоришь ты, щёлкая языком, как когда ты чувствуешь себя виноватым, давай будем друзьями, я хотел бы, чтобы мы были друзьями, просто друзьями, решим так. Ах, нет, отвечаю я, что значит быть друзьями, когда мы так любили друг друга, такого перемещения не существует, это даже аморально переходить из этого в это, об этом не может быть и речи. Ты не согласен, ты приводишь аргументы, говоришь о Пауле и её бывших, о том, что она постоянно видится с ними, я хочу ответить, что она и не может по-другому, она переспала со всей планетой, если б она не виделась с бывшими, она не виделась бы ни с кем, но я говорю тебе лишь что, возможно, она не всех их любила так, как мы с тобой любили друг друга, ты говоришь, что это

правда, но я не просто воспоминание, я не кто-нибудь, с кем случайно пересекаешься и с кем ты не выпьешь кофе, я убил бы ради тебя, и даже наложил бы на себя руки ради тебя. Ты говоришь это и должен быть взволнованным, а это должно волновать меня, но это никак не влияет на нас, ни на меня, ни на тебя, потому что мы оба хорошо чувствуем, что это как выученный наизусть текст, что ты не веришь своим словам, это даже невероятно, что ты самодовольствуешься говоря это, ты говоришь это плоским голосом, без ударений, без запинок.

"Нет, конечно же, ты просто воспоминание.

-Нам следовало бы видеться чаще, мне необходимо разговаривать с тобой.

-О чём?

-Не знаю, говорить, просто говорить с тобой...

-Мы свободны, ты сказал мне, что мы свободны, так что мы свободны от того, чтобы говорить друг с другом, мне больше нечего сказать тебе.

-Но, всё же, я не мёртв!"

Вот тогда он сделал мне больно. Он принял такой обезумевший, страдальческий вид, вместе с этой мыслью о том, что он мёртв, но вместо того, чтобы ободрить его, я решила разозлиться, не знаю, почему, я сержусь на себя, когда вспоминаю это, Бабуля всегда говорила люди такие милые, только мы злые: это неправда, безусловно, она была такой милой, но в то же время насмешливой проказницей и раздражалась, когда люди были не на высоте, когда они были слишком смешными, должно быть, я переняла это у неё.

"На самом деле, ты мёртв.

-Да нет же, это я, это я, Адриен!

-Нет, это не ты.

-Нет, это я! Я не изменился, не до такой степени изменился!

-Для меня ты изменился, потому что я любила тебя, а сейчас больше не люблю. Я любила тебя, и тот, кого я любила, мёртв.

-Но это не правда, что ты больше не любишь меня, невозможно взять и прекратить любить! Такого не бывает!

-Нет, возможно, я могу это."

Наши соседи по столику ушли, сейчас там одна девушка, должно быть, я уже знакома с ней, она улыбается мне, я не отвечаю ей улыбкой, мне пофиг, я сижу с тобой в этом кафе, где мы столько раз кричали друг на друга, где дали друг другу столько обещаний, где ты сжал моё колено под столиком в тот момент, когда мы ещё ни разу с тобой не целовались, это наверху, на втором этаже, дама за кассой помнит это, она, как ни в чём не бывало, притворяется, что ничего не помнит, но я отлично вижу, что она помнит, и что от всего этого ничего не осталось.

Я хочу сжать тебя в объятьях, я сжимаю тебя в объятьях склонившись над столиком, над твоим кофе и моим пивом, и да, на этот раз мне грустно.

*

Я довольна ковром и новым письменным столом. Вместе с Пабло мы ходили за растениями на набережную, а в переходе купили ковёр и письменный стол. У Пабло есть вкус. Не то, что у меня, у него действительно есть вкус, и я пользуюсь этим. Потрясающе жить с кем-то, у кого есть вкус, это всё упрощает, делает лёгким, мы знаем, чего хотим, стремимся к этому, вот так, неожиданно, жизнь приняла нас в свой круг.

Нам пришлось также взять собаку, очень милую минисобаку с большими влажными глазами, но у меня уже есть три кошки, а Пабло часто ходит в кино, и мы не берём с собой собаку в кино. Мы купили горшки и удобрение. Посадили, черенковали, проделали кучу сложных действий, манипуляции, которые я не умела, которые я делала только с ним, новые манипуляции, без воспоминаний и фантомов, мы посеяли ипомею, летнюю и зимнюю лаванду, жасмин, четырёхлистный клевер, я знаю все эти названия от Луи, папиного друга, это король садов, он знает все названия всех растений, это один из персонажей, которые знают всё в этом деле, внезапно, тем не менее, в то время, когда мне было так плохо, я слушала, как он рассказывает про деревья, и это меня офигенно ободряло. Затем мы пошли в кино. А когда вернулись домой, мои кошки воспользовались горшками как наполнителем, они разрыли корни и съели цветы, бойня, доказательство того, что мы также могли бы купить собаку.

Адриена это заставило бы вопить. Он посчитал бы это хорошим поводом для воплей, а затем и для нытья по поводу слишком сложной жизни, слишком несправедливой, в которой всё

против него. Мы, для "галочки", немного покричали на кошек, и поскольку было очень смешно смотреть на то, как они, пристыженные, бегут по углам, будто они были виноватыми, будто понимали, а потом мы занялись другими делами. Вместе с Пабло мы всегда переходим к чему-нибудь другому. Пабло решительно берёт жизнь в свои руки, жизнь это борьба, жизнь это вызов, мир делится на любителей жизни и на немощных, которые проводят время за заботой о своих душевных незаживающих ранах. Забронировать билет в самолёт или на корриду, купить компьютер, позвонить в ЭКФ⁴⁹, прочитать сценарий, написать его, послать подальше толстого и жалкого сценариста после неласкового приёма, согласиться на другую роль, в которой, как говорят, есть кое-что, что нужно отстаивать, он делает всё, что нужно сделать, тогда, когда нужно это сделать - без болтовни, не мешая другим. Пабло это не пустозвон, говорила бабушка, которая его очень любила. Не ломайся, он играет, а играть, также говорила моя бабушка, это вещь совершенно противоположная ломанию. Он идёт напролом потупя голову. Он как бык, которого надо иногда отвлекать от его цели, поскольку иногда его цель это стена. Мне тоже нравится это в нём, это постоянное чувство корриды, как бык и тореро в одном человеке, он не боится ни самого себя, ни кого-либо ещё, ни навредить себе, не боится ничего, что мешает мне двигаться вперёд. Вместе с ним будущее это настоящее. Единственное, что важно - это бег, он постоянно говорит: мысли о финише, вот что отравляет существование, у нас будет достаточно времени потом, когда мы будем потерянными и больше не сможем бежать.

Я обожаю бежать вместе с ним. Он обладает энергией тех, кто знает, что время сочтено, но которые считают, что это ещё не конец истории. Он бежит по ударам сердца, но это сердце постоянно меняет свой ритм без предупреждений, внезапно. В общем, я не очень люблю внезапность. Я предпочитаю привычное. Но я приспосабливаюсь к его внезапности. Привыкаю к его резким изменениям. Нет времени, говорит он, у нас нет времени, чтобы страдать, чтобы быть грустными или чтобы бояться, опасность пошла, видишь, мы были на волоске, но избежали её, у нас есть время только на то, чтобы любить друг друга и целоваться. Во сне он пинает кошек, целует меня, спрашивает куда мы идём куда мы идём, утром забывает, что говорил ночью, сразу же становится боевым, хохочет до упаду, незамедлительно интересуется мной, как дела? подать тебе линзы? и встаёт не обременяясь и не поворачиваясь, это не побег, бежать не от чего, нам пофигу на прошлое, прошлому остаётся только следовать за нами, и оно следует. Возможно, я была бы на последнем дыхании перед ним, но я всё равно бежала бы. Теперь это он мой амфетамин.

Он зовёт меня Котошкой, не знаю ни почему, ни что это значит, когда я спрашиваю его, он не отвечает, смеётся, его губы обнажают зубы, он смеётся, и я смеюсь вместе с ним. Когда мы встретились, у него не было денег, у меня тоже из-за развода и всех тех денег, которые требовал от меня Адриен и говорил, что я ему должна, я не подавала признаков жизни и грустила о том, что мы докатились до этого, что у нас больше нет той связи, думаю, он тоже грустил, но тогда почему он не прекращал, почему постоянно говорил об этом? У нас не было ни копейки, ни у меня, ни у Пабло, и отец думая, что сейчас самое время, чтобы я встала на ноги, он тоже оставил меня без финансовой поддержки. Не балуй меня, папочка, говорила я ему, когда была маленькой, а он дарил мне слишком много подарков, игрушки доставали до потолка, набегу на Агне б.⁵⁰, налёты на Фнак⁵¹, а затем, когда он вёл меня к другу великому кутюрье примеривать самые красивые платья в мире. Не балуй меня, это мой лейтмотив, потому что я была рассудительней, чем он, и знала, что если начать баловать детей, это закончится тем, что их желания притупятся. Ну ладно, так уж и быть. Можно сказать, что всё закончилось тем, что он принял мой посыл.

Папа не замечает, как течёт время. Он не уловил по-настоящему, что мне уже не двенадцать лет, и время обучения прошло. Луиза, сказал он мне, я решил совершенно перестать тебя баловать. Он побаловал меня ещё раз, буду честной, ещё один раз, когда после дезинтоксикационной клиники купил мне суперабонемент в супербассейн. Но это был последний раз. И таким образом Пабло, когда понял, в каком безденежье мы находимся, сказал мне: знаешь макароны с тунцом? я приготовлю тебе макароны с тунцом, вот увидишь, как это вкусно, понадобятся только макароны и тунец или тунец и макароны, богачи и не знают, что они

---

49. Электроэнергетическая компания Франции.

50. Agnès b. - французская сеть магазинов одежды основанная модельером Агне Трубле (Agnès Troublé).

51. Fnac - сокращение от "Fédération nationale d'achats" (Национальная федерация покупок), сеть французских магазинов, специализирующихся на продаже музыки, литературы, кинофильмов, видеогр и электронной техники.

потеряли. Затем, когда он заработал денег, мы приготовили ризотто с трюфелями, позвали толпу друзей, купили очень хорошего вина. Бедным только и остаётся, что быть богатыми, сказал он, я как раз такой и есть. Но нет. Он так не думал. Ни то, что бедным только и остаётся, что быть богатыми, ни то, что он стал богатым, и лучшим доказательством было то, что на следующий месяц у него не было больше ничего и он отвёз меня в Мелён к друзьям на экспрессе RER⁵². Вот так, жизнь с ним внезапна, мы ничего не усложняем, не ноём, у нас есть дела поважнее, и мы занимаемся ими. Жизнь это движение, это танец, это переход из жары в холод без промежуточного состояния, не становясь тёплым. Жизнь это иногда жара и холод одновременно, но никогда не тепло. Иногда, всё же, я говорю я больше не играю, у меня колет в боку, подожди немного. Он ждёт. Проявляет нетерпение. Стучит ногами. Делает ещё что-то в это же время, но ждёт. Я уже не медвежонок, уф.

Я была рада бассейну. Была единственной, думаю, кто приезжал на метро, и приезжал каждый день. Я долго плавала погружённая в ласку воды, в тёплом бассейне, вода была мягкой, вдалеке играла музыка, я не думала ни о чём, скользила, ударяла воду, держи, получай, удары ноги, удары кулаком, не знаю, с кем я боролась, но я долго боролась, часами, я выходила из него опустошённой, с выцветшими волосами, почти зелёными из-за хлора, с бесцветными глазами, но с хорошим самочувствием. Иногда в бассейне были красивые дамы с причёсками, украшениями, которые слабо двигали руками и ногами, но жаловались, когда я попадала в них брызгами, не заходите слишком далеко, когда вы в бассейне, нужно быть готовым к тому, что промокнешь, потом я шла на беговую дорожку или на лестницу, которая никуда не ведёт, мне нравилась сама идея: раньше я принимала по двенадцать таблеток амфетамина в день, а теперь по три часа занимаюсь спортом. Я была вынуждена бросить в тот момент, когда мне действительно очень хотелось курить. И когда мне действительно очень хотелось курить, я принимала роскошный душ с образцами мыла, мазями, маслами с чёрной икрой и банными полотенцами столь мягкими и столь белыми, что по моему мнению их вместо того, чтобы стирать, выкидывали.

Как-то раз я пригласила маму, мы стащили шесть полотенец, за две недели они стали жёсткими и серыми, возможно, из-за того, что я сохранила привычку стирать всё при температуре в 90°, простынки джинсы свитеры: всё прокипятить, всё вычистить, всё так отвратительно. Мама поплавала минут десять, после чего устроилась в баре, подружилась с дамой неопределённого возраста и причёской похожей на фонарь, она была любезной, немного смеялась, немного кашляла, и вместе они высосали восемь кружек пива. Мама была постоянно уставшей в то время. Она говорила загрязнение, говорила Чернобыль, говорила возраст работа микроэлементы. Она не знала, я не знала, медики не знали, что это был рак, третья стадия, слишком поздно, чтобы вырезать опухоль, вся грудь стала одной лишь опухолью.

Пабло, думаю, ничего не знает о пустоте внутри меня. Возможно, он чувствует её, возможно, поэтому он так настаивает, подойди, подойди, я хочу забрать тебя с собой, в мой собственный мир. Луиза, ты любишь деревню? Не размышляя я отвечаю нет, потому что не знаю деревню. Это не страшно, говорит он, увидишь то, что увидишь, мы поедим в Арль, когда, прямо сейчас, в этот самый миг, в настоящем. Я покупаю себе сапоги, непромокаемый плащ, *Братья Карамазовы*, Аспивенин⁵³, вот вся сущность деревни по моему представлению: ходить за грибами, дождь, грязь, змеи, скука. И вот мы уже в поезде, засушливый пейзаж, это похоже на Марокко, я спрашиваю себя зачем я купила сапоги, но это ничего не значит, это мне нравится, мне по душе то, что я вижу за окном, я довольна, говорю ему об этом, он улыбается, обнимает меня, я не сопротивляюсь и тоже улыбаюсь.

Проблема в историях такого жанра это переобучение. Вновь научиться любить, смеяться, чувствовать, выходить из дому, заново научиться делать всё, как погорелец или парализованный, или человек с амнезией в том фильме Хичкока, которому понадобилось переделать воспоминания. Теперь я знаю, что деревня это видеть быков, поднимать лошадей, петь во всё горло в бистро. Знаю, в конце концов, я люблю деревню вместе с Пабло. Знаю, что жизнь может быть и такой: садиться на поезд, носить бледно-жёлтый свитер, кушать за кухонным столиком, засыпая прятаться в объёмах парня, который говорит мне моя дорогая моя Котошкой. Он хотел бы, чтобы мы купили домик в Камарге, там, сейчас, тот час. Он хотел бы завести ребёнка, там, сейчас, незамедлительно. Я должна была быть потрясена или поражена, но я не была ни потрясена, ни

---

52. RER — «Сеть экспрессов региона Иль-де-Франс» (фр. Réseau Express Régional d'Île-de-France).

53. Aspivenin - сигарообразное устройство для всасывания, служащее первой медицинской помощью при укусах ядовитых животных (напр. змей).

поражена. Я ищу в своей собственной тишине, слушаю, наблюдаю, эй! там, какие чувства вызывает парень, который говорит я хочу от тебя ребёнка, сейчас, тот час, незамедлительно? Никакие, всё та же пустота, я всё ещё не до конца выздоровела, так что говорю ему посмотрим. Что посмотрим? Посмотрим. Знаю, что завтра или прямо сейчас он больше не подумает об этом; знаю, он хочет получать всё немедленно, больше, чем кто-либо, но когда мгновение прошло, оно уже прошло, и я знаю, что достаточно подождать. С той разницей, что в этот раз я ошиблась: на следующий день он забыл про дом в Камарге, но не забыл про ребёнка.

*

Ребёнка. Он хочет ребёнка. От меня, ребёнка. От меня, от бывшей, от той, которая больше не надевает платья, не пользуется помадой, не надевает ни милые туфельки, ни колье, ни браслеты, ни женские аксессуары, от меня, от той, у которой уже семь лет нет месячных, с тех пор, как ребёнок умер во мне.

Ну что, Вы готовы? сказал доктор. Я не ответила, улыбнулась и в моей улыбке он увидел то, что хотел: он увидел да, я готова. Но на самом деле я об этом не имела ни малейшего понятия. Я хотела то, что хотел Адриен. Доктор сделал мне укол в живот, который тот час принялся раздуваться. Через десять минут у меня был живот беременной женщины на девятом месяце. Живот, готовый к родам, но к родам мёртвого ребёнка. В комнатах рядом с моей были слышны крики детей, немного тошнотворные запахи, резкие, запахи молока и рвоты.

Это миленький мальчик, сказал другой доктор, мудила, с эхографии. Он знал, что мы не хотели этого знать. Он знал, что это должно было остаться абстрактным, медицинским, формальностью, как когда удаляют бородавку родинку кисту. Не надо было, чтобы это существовало, надо было, чтобы это было не более, чем бородавкой родинкой кистой, а он имел наглость сказать нам, показывая серые картинки на экране, это миленький мальчик. Мы не смотрели. Мы смотрели в потолок. Мы даже не смотрели друг на друга.

Это миленький мальчик, но мы его не хотели. Мы слишком молоды, говорили мы в один голос, это был только мой голос, на самом деле, я только что опубликовала роман, я находила себя ни слишком молодой, ни не слишком молодой, мне было двадцать лет, столько же, сколько было маме, когда она была беременна мной, врачам пришлось сказать и ей тоже, что она слишком молода, но она-то сохранила меня. Адриен не хотел ребёнка. Не сейчас. У нас есть время, говорил он, у нас есть время. Время на что? Время на то, чтобы больше не любить друг друга, на расставание, на то, чтобы покинуть друг друга, на то, чтобы сделать этого ребёнка с кем-нибудь другим, чтобы дать ему имя, выбранное вместе. Он хотел не этого ребёнка. Не со мной он его хотел. Я ещё сидела на наркотиках, внутри меня ещё не было пустоты, нерешительности. Но всё же, это не тот момент.

Мудила протянул нам папку с первыми фотографиями нашего ребёнка, нашего ребёнка, у которого никогда не будет других фото, нашего ребёнка, которого мы собирались выбросить в мусорку. Я хотела уничтожить эти фотографии. Я нашла их в прошлом году, сразу после отъезда Адриена. Он уехал почти без вещей, с котом, компьютером, новыми кроссовками. Тогда я сказала уборщице, что она может угощаться, и позвонила Эммаусу, чтобы он помог мне избавиться от оставшегося, от всего, что осталось, от юбок, свадебного платья, дивана, телевизора, штор, свадебных подарков, а также от его костюмов, обуви, книг, от всего его хорошо уложенного и ухоженного хлама, который, как я решила, ему больше не понадобится там, где он был, в новой жизни с новой женщиной с идиотской жизнью. Эммаус оставил фотографии.

Другой доктор, уже не мудак, а скорее милый, поскольку нужно было быть очень милым, чтобы принять сумасшедшую беременную девушку на пятом месяце, которая ничего не заметила, итак, он сделал мне укол в живот, потом другой в спину, который называется перидуральным от которого я опьянела. Я немного поплакала для виду. Но мне не было больно. Я погрузилась в состояние странного оцепенения, которое не знаю сколько длилось, мне сказали, что двадцать четыре часа, двадцать четыре часа жизни этого чёртового живота, который несмотря на укол не собирался сдуваться. Я ничего не помню. Помню только медсестру, которая постоянно подходила проверить мой живот с суровым видом. И шум шагов доктора, который приходил проверить вышел из меня или нет этот мёртвый ребёнок. И голос одной женщины в соседней палате, которая кричала я не умерла я не умерла, а потом больше совсем ни слова, ни звука. И вот поэтому моё последнее воспоминание это воспоминание о тех фотографиях, о наших глазах в потолок в кабинете у мукада.

Это всё потому что мне понадобилось время, чтобы понять, что я беременна. Я пополнела. Я принимала таблетки натошак, делала абдоминальные упражнения, находила, что у меня большая грудь, как у мамы, точь-в-точь как у мамы, я гордилась своей новой грудью, но всё же я считала себя немного пополневшей в животе, нежели раньше. Я должна была сделать фотографии для выпуска книги, мне было тесно в одежде, у меня были круглые щёки, как у ребёнка, на вид мне было меньше, чем двадцать, это хорошо для рекламы, сказал пресс-атташе: а огромная грудь это хорошо для фото? шутила я.

Я шутила, но всё же задавала себе вопрос о том, останусь ли я такой навсегда, было ли это окончательным изменением, значило ли это, что я стала женщиной или же это было чем-то другим, было ли это ещё серьезнее. С одной стороны, мне нравилось то, что я стала женщиной: наконец-то! Но с другой стороны, это было странно: у женщины нет живота с ребёнком, говорил Адриен глядя меня по животу вечером в нашей кровати, ты играешь фатальную женщину, но у тебя всё ещё есть этот живот с ребёнком, я думала, что он не ошибся и мне не нравилась эта мысль, это меня беспокоило.

Я пришла на осмотр к иглотерапевту, который всюду утыкал меня иглами спросив бывает ли у меня кровь в стуле. Что в чём? Ах, нет. На следующий день я всё ещё была немного толстушкой. Иглоукальвание не работает, сказала я. Затем другой врач проколол мне ухо чем-то вроде пистолета - даже не больно - для того, чтобы успокоить мою булимия. Но я не булимичка, сказала ему я, возможно, немного навязчивая, но не булимичка. Да-да, с вас 500 франков. Адриен обожал мою новую грудь, но всё же я находила ситуацию всё более и более странной и пошла к гипнотизёру: Вы не хотите есть, Вы чувствуете себя расслабленно, жирная и сладкая пища Вам не нравится, 600 франков. Выходя я купила себе панини с сыром и булочку с шоколадом: этот гипнотизёр вообще ни о чём, подумала я с выглядывающим из-под футболки животом с ребёнком.

Я пришла на телепрограмму к Пиво⁵⁴, и меня стошнило во время макияжа. Все подумали, что это от нервов, а вслед за ними и я так подумала, и вот это меня действительно ужаснуло. Пиво спросил меня почему я не взяла себе псевдоним с учётом того, что мой отец тоже был писателем. Я ответила, что-то вроде можно поменять имя, когда тебя зовут Пиво, но невозможно его поменять, когда тебя зовут Леви (это моя фамилия, Леви, только представьте), а как только кончилась программа я побежала в туалет, потому что меня стошнило ещё раз. Всё те же нервы, сказали все. Луиза на нервах, Луиза эмоциональна, это всё из-за злодея Пиво, который её взволновал.

Я постоянно чувствовала себя очень уставшей, больше, чем обычно, и пошла на приём к нормальному врачу. Я уставшая и пополневшая, рассказала я, у Вас есть какое-нибудь объяснение? Он сказал мне я видел Вас по телевизору, то, что Вы сказали по поводу имени было сильно, очень сильно, общество это не забудет, а выписал мне Изомерид⁵⁵, лекарство, подавляющее аппетит, которое подавило мой аппетит, оно хорошо работало: а потом немного Гуронсана⁵⁶, от которого последовал адский удар, я была рада и этому тоже; затем отвары с отвратительным запахом, но это было необходимо, сказал мне он, для того, чтобы лечение было эффективным. Я очень быстро похудела повсюду, кроме живота и груди.

Я пришла ещё раз к нему на приём. Он спросил меня принимала ли я таблетки. Нет, мой жених не может иметь детей. Ваш жених еврей? спросил он. Я ответила да, но не вижу связи. Он еврей и не может иметь детей, как такое может быть? Не знаю, он сам мне это сказал, он не может и всё тут. А как насчёт Вас, у Вас регулярно случаются месячные? Нет, конечно же нет, у меня никогда не было регулярных месячных, они случаются когда им захочется, бывает каждый месяц, бывает, что нет. А сейчас? Сейчас - нет. Сколько времени? Не знаю, думаю, что давно. В таком случае нужно проконсультироваться с гинекологом. Зачем? Потому что если Вы толстеете вот так, возможно это гормональный сбой, гинеколог осмотрит Вас, возьмёт пробу крови, в любом случае на осмотр к гинекологу нужно ходить раз в пол года. Я сказала хорошо и пошла к остеопату, который долго осматривал меня качая маятником над мим животом. Я чувствую недостаток на уровне аминотрансферезы, сказал он. Ах, ладно, что я должна делать? Ничего, с Вас 700 франков.

⁵⁴. Бернар Пиво (р. 5 мая 1935) — французский журналист, интервьюер и ведущий французских культурных телевизионных программ. Является председателем Гонкуровской академии.

⁵⁵. Дексфенфлюрамин (торговая марка Redux или Isoméride) - аноректическое средство, которое подавляет аппетит за счет увеличения концентрации серотонина центре голода в мозге. Структурно схож с амфетамином, однако при этом психостимулирующие и наркотические свойства отсутствуют.

⁵⁶. Глюкуронамид - средство для вспомогательной терапии при острой усталости.

В тот момент впервые за три года я встретила со своим гинекологом. Она живёт в том же доме, что и я. Раньше, будучи подростком, я часто ходила к ней, когда у меня случались приступы ужаса и не было груди: я была очень худой, в очках и с чёлкой, у меня не было груди и я не нравилась парням. Она была милой. Она не осматривала меня. Она ободряла меня: это потому что Вы много занимаетесь танцами, с танцовщицами часто такое происходит. Да, но всё же я не в Парижской опере, я занимаюсь танцами как другие - вязаньем, это просто моё хобби. Не волнуйтесь, я почти уверена, что это из-за танцев. Всё же я волновалась, а потом, в семнадцать лет всё произошло в один миг: в один и тот же год я закончила школу, у меня начались отвратительные месячные и появилась грудь, я гордилась, будто в лицее она была только у меня, я ходила выгибая вперёд грудь, я нравилась парням и тогда я встретила Адриена, покинула детство, уютный кокон детства, счастливой, восхищённой, с целой жизнью впереди, начиналась красивая жизнь с бабочками в животе.

Итак, впервые за три года я пришла к гинекологу. В этот раз она просит меня раздеться. Я могу оставить футболку? Сначала я осматрю Вашу грудь, а потом сможете надеть её обратно. Ох, какая же она огромная эта грудь, говорит она. Да, и я довольна, решительно краснея отвечаю я и надеваю футболку. Она смотрит на меня странным взглядом. Ну что ж, это скорее нормально быть довольной, я приехала издалека! Я осматрю Вас, говорит она будто не слыша меня. Я снимаю юбку, обувь, трусики, присаживаюсь на ужасное кресло, но колени держу вместе, заставит ли она меня поставить ноги на подставки, хватит ли мне мужества не заплакать, в прошлый раз она не смогла осмотреть меня, я была на грани истерики, я всячески вертелась и плакала. Но нет. Она ничего не говорит. Она просто пристально смотрит на мой живот. По истечении пяти минут, нет, на самом деле, намного меньше, но мне кажется, что прошло целых пять минут, она спрашивает меня есть ли у меня жених. Да, мы скоро поженимся. Тогда послушайте, сейчас я осматрю Вас, но в этом на самом деле нет нужды, могу сказать Вам, что Вы примерно на пятом месяце беременности.

Я позволила ей сделать осмотр не сказав ни слова, сдерживая своё дыхание, полная ужаса. Это невозможно, говорю я. На пятом месяце беременности, не заметив этого, правда, это едва ли возможно, отвечает она, за тридцать лет работы я ещё ни разу такого не видела. Нет, говорю я выдохнув, я не это имею в виду, это невозможно, потому что он постоянно говорил, что он стерилен. И откуда же он знает это? Не знаю, но он знает это, иногда он даже плачет от этого. Ну вот, пусть прекратит плакать, Вы будете мамой, он будет папой, пускай прекращает. Это невозможно, повторяю я одеваясь, вы не понимаете, он готовит агреже⁵⁷, ему это совсем не понравится. Это правда: когда я расскажу эту новость, он будет рад тому, что не стерилен, но совсем не рад перспективе иметь ребёнка через четыре месяца.

Сложная ситуация. Итак, с одной стороны, невозможно иметь ребёнка, агреже, агреже, агреже. Но с другой на пятом месяце беременности уже невозможно сделать аборт, даже в Швейцарии, даже в Англии, даже на Луне, невозможно, слишком поздно, абсолютно запрещено, уважение к жизни, криминал. Тогда пустив в ход все свои средства я добилась встречи с одним медиком, приятеля приятеля приятеля матери Адриена. Он говорит мне, что очень хорошо понимает, агреже всё такое не тот момент и соглашается на принцип терапевтического аборта. В смысле терапевтического? Это для неполноценных женщин, для сумасшедших или для плохо сформированных плодов. Ах, хорошо, говорю я, однако, у плода здоровый вид на фотографиях. Но у меня нет другого выбора, я не продолжаю. Адриен всё же спрашивает есть ли риски, сможем ли мы иметь другого ребёнка когда-нибудь. Конечно, конечно. Ладно, говорим мы. В таком случае, приходите через неделю. Хорошо, спасибо. Не за что. Результат: у нас не было ребёнка, и Адриен пропустил своё агреже.

С тех пор я принимаю таблетки каждый день. Действительно, каждый, даже тогда, когда надо бы остановиться, чтобы были месячные. Я никогда не останавливаюсь и уже семь лет у меня нет месячных. Уже семь лет каждое утро перед тем, как надеть линзы, прежде чем узнать, сколько сейчас времени, какой сегодня день, кто я такая, где я нахожусь, кто спит рядом со мной, я принимаю таблетку и таким образом у меня больше нет отвратительных месячных как у отвратительных женщин, у которых есть дети и надуваются груди. Сейчас было бы, должно быть, семь лет. Его бы звали Орельен, и ему было бы семь лет.

---

57. Агрежé (фр. agrégé — партнёр; принятый в общество) — учёная степень во Франции и франкофонной Бельгии, дающая право преподавать в средней профессиональной школе и на естественно-научных и гуманитарных факультетах высшей школы.

Когда я на нервах, а я часто в таком состоянии, я говорю это мои месячные, всё из-за моих месячных с такой же верой, как в тринадцать лет, когда я позволяла коробочке с прокладками выскользнуть из моего рюкзака, чтобы заверить подруг, что я тоже была женщиной.

*

Мы долгое время ничего не слышали друг о друге. Месяц, а может и больше. Он не прекращает рассказывать мне о фаене⁵⁸, мулете⁵⁹, дескабелло⁶⁰, о lidia⁶¹, о mano a mano⁶², о Домингине и Ордоньес, Кристиане Дедете и Жаке Дюранте⁶³. В целом я слушаю вполуха. Я люблю звучность его голоса и интонацию, с которой он рассказывает обо всём этом. Когда я совсем не слушаю, то смотрю на него, его зрачки ещё более расширенные, чем если бы он выделял свой собственный амфетамин, на его челюсть человека в ярости, на его нос, который начинает дрожать, кажется, уже на корабле он рассказывал мне о корриде. Он показывал жестами тореро, спина выгнута, взгляд заводного апельсина⁶⁴, торо, торо! махая салфеткой, да, теперь точно, на корабле о говорил мне именно о корриде.

Однажды утром он будит меня на заре, спускает мне со шкафа чемоданчик, который я собираю ещё не до конца проснувшись, сажает меня в такси и мы оказываемся в Орли. Что происходит? хочу я ему сказать, куда мы едем? но я не говорю, я помалкиваю, я побоялась обидеть его видя, что это, вероятно, сверхпредусмотрено, я не должна обращать внимание, но это не выглядит как сюрприз, это выглядит как что-то заблаговременно спланированное, и, таким образом, я притворяюсь той, кто знает и ничего не спрашивает.

В самолёте я дремля читаю *Детей из камеры хранения*⁶⁵, роман, переведённый с японского, в котором рассказывается о детях-убийцах, которые истребляют Токио из гранатомёта, и который мне очень советовала мама. Это навело меня на мысли о тебе, она бросила меня с проникновенным видом, который она принимает, когда воскрешает в памяти мои первые годы, когда мы с ней ещё жили вместе. Почему? Тайна. Но ничего не поделаешь. Я притворяюсь, что читаю, и что это занимает меня. Пабло в свою очередь дочитывает намного более шикарные *Воспоминания Адриана*⁶⁶. Я немного завидую. Предлагаю ему обменяться, но робко, не настаивая и, в любом случае, он об этом и не думает, слишком поздно, слишком поздно, говорит он не глядя на меня и загибая угол каждой страницы. Два часа спустя мы приземляемся в Мадриде и оставляем чемоданы в бывшем борделе, трансформированном в гостиницу с зеркалами на потолке и колоннами, сделанными под мрамор. Затем, через пять минут, даже не зайдя в ванную, мы тут совсем не ради того, чтобы расслабиться, вновь заскакиваем в такси и вперёд на арену.

Красота района Лас-Вентас. Бурлящий поток людей. Пабло очень возбуждён, почти растроган, я чувствую, как непрерывная дрожь пробивает его с головы до пят. Мне надо быть на высоте, подумала я. Мне следует держаться, не разочаровать, надо позволить общей эйфории, пыли и солнцу захватить меня. В этот момент я смотрю на него, на Пабло. Прижимаюсь к нему. Целую его в зарождающуюся бороду, в синюю прожилку, которая мерцает на виске, в руку. Это не так уж и сложно, в конце концов. Надо просто суметь уловить его вибрации. Я молю. Я умоляю. Говорю себе, думая, что это, во всяком случае, должно мне помочь, что он красив как герой Хемингуэя. Я жду. Но ничего не происходит, совсем ничего, с тем же успехом я могла бы быть в Париже перед телеком, в кровати или же в самолёте читать *Детей из камеры хранения*.

---

58. Фаена – все то, что проделывает матадор с помощью мулеты в последней и самой важной терции боя быков.

59. Мулета - лёгкая ткань красного цвета. Используется матадором в последней терции корриды чтобы сдержать и направить атаку быка.

60. Дескабелло - меч с коротким лезвием, которым матадор наносит удар в шею быка, перерубая спинной мозг. Используется в заключительной части корриды.

61. Lidia (ит.) - бой.

62. Mano a mano (ит.) - один на один.

63. Известные испанские матадоры.

64. «Заводной апельсин» (англ. A Clockwork Orange) — роман Энтони Бёрджесса, написанный в 1962 году, лёг в основу одноимённого фильма, снятого в 1971 году Стэнли Кубриком.

65. «Дети из камеры хранения» — роман японского писателя Рю Мураками, написанный в 1980 году.

66. «Воспоминания Адриана» (фр. Mémoires d'Hadrien) — исторический роман французской писательницы Маргерит Юрсенар, изданный в Париже в 1951.

Мы заходим в кафе, кишашее людьми. Максимальное возбуждение. Любители корриды. Танцоры фламенко и компания. Что делать? повторяю я. Как найти унисон? Я кое-как улыбаюсь и изображаю на лице заинтересованность. Громко говорю, как и все вокруг. Уже и не знаю, о чём я говорю, без сомнения ни о чём, поскольку слишком боюсь ошибиться, так что просто выкрикиваю что-то, ономапопей⁶⁷, но очень громко, как и остальные, у них у всех блестят глаза и поскольку я боюсь, что в моих глазах нет ничего и это заметно, я надеваю солнцезащитные очки и пытаюсь думать об увлекательных вещах или о красивых, или о грустных, о тех вещах, которые я отметила, которые как-то подействовали на меня, быстро, ужасное воспоминание, быстро, сцена, которая заставила бы заблестеть мои глаза и погрузила бы меня в то состояние, в котором эти истории о быках, кажется, завораживают Пабло.

Мне вспоминается, что это должно было быть чем-то другим, но имеем что имеем, картинка, где мы с моим братом в Кабонегро. Мы маленькие, примерно двух и восьми лет, взрослые за столом, жарко, на краю бассейна в форме фасоли я держу брата на коленях, он толкается руками и ногами, вода приятная, я говорю чёрт чёрт, и это заставляет его хохотать, мой маленький добряк, мой братишка, сейчас это молодой мужчина, это он объяснял мне всё, когда я открыла дебетовый счёт в банке, это он вопит на меня и идёт на встречу с банкиром, он пользуется безумным успехом у девушек, он красив как Соляль⁶⁸ и как Джон Кассаветис⁶⁹, чёрт чёрт говорит он в свою очередь, восхищённый, толкаясь маленькими ручками и ножками, а потом падает в воду. Я прыгаю, хватаю его, держу его на вытянутых руках над собой, я-то тоже маленькая, я не достаю до дна, я недостаточно сильная, чтобы держаться вместе с ним над водой, я пытаюсь вдохнуть, и теперь его голова оказывается под водой, я возвращаю его на поверхность и сама начинаю тонуть, мы утонем, мы в метре от бортика, в десяти метрах от родителей, чей смех и разговоры я слышу, однако мы утонем, они тоже должны нас слышать, они должно быть подумали, что мы играем, на помощь на помощь, кричу я опираясь на брата, который снова брыкается и у которого рот слишком наполнен водой, чтобы плакать, я вновь я держу его над собой пытаюсь подойти ближе, но желая вдохнуть воздух я захлёбываюсь.

Вот об этом я думаю посреди мадридского кафе, наполненного народом, мухами, пылью, криками. А потом нас спасла дама-арабка, которая тоже не умела плавать. Как же её звали? На что она была похожа? Именно её я слышу в кафе. Возможно, испанский чем-то похож на арабский. Помнит ли брат ту сцену как я? Почему мы о ней никогда не говорили? Эй, Луиза! Как ты, Луиза? Должно быть, Пабло почувствовал, что я уже не совсем с ним. Да нормально. Вот, познакомься с Себастьяном, в прошлом году он участвовал в боях быков в Арле, помнишь, я рассказывал тебе о моём друге Себастьяне на прошлой неделе. Да, да, это Вы? Здравствуйте, bravo, кабонегро, нет, просто bravo. Как он может не понимать, что всё это - только ложь. В кафе, на площади, музыка фанфар, оглушительная, мучительная, а голова моя набита всё теми же тараканами.

Tres pastis, говорит Пабло, tres!⁷⁰ Я ни разу в жизни не пила пастис. Я была по уши накачана наркотиками, без усталости жадно заглатывала ужасающие хуёвины, доступные человеку конца XX-го века, но вот, у меня есть принципы, я никогда не притрагивалась к алкоголю, я всегда верила, что алкоголь для бывшего ребёнка это самое сильное нарушение, так что я не знаю вкуса пастиса. Как следствие, я рада его выпить. Мадрид. Пастис. Вкус. Я выпиваю свой стакан одним махом. Нахожу его приятным, на самом деле. А поскольку Пабло спокойно потягивает из своего стакана и ставит его на стол после каждого глотка, я беру его стакан и тоже выпиваю. Тебе страшно? говорит он мне видя мои трясущиеся руки. Не бойся. Это необычно, но мне от этого не страшно. Но да, думаю я, конечно, я скажу ему да да я умираю со страху, какое славное занятие - страх, оно позволяет не быть раздражённой и замолчать, это прекрасное алиби девушки, которая

---

1. Ономапопей - слово, являющееся звукоподражанием, возникшим на основе фонетического уподобления неречевым звукокомплексам.

68. Соляль (настоящее имя Лоран Морен) - французский певец, активно участвующий в музыкальных комедиях.

69. Джон Николас Кассаветис (англ. John Cassavetes; 9 декабря 1929 — 3 февраля 1989) — американский кинорежиссёр, актёр, сценарист. Он считается одним из важнейших представителей американского независимого кино.

70. Три пастис... три! (исп.)

Пастис - алкогольный напиток, производимый и распространяемый повсеместно во Франции. Представляет собой анисовую настойку; употребляется как аперитив (при этом обычно разбавляется водой приблизительно в пять-восемь раз).

как я непроницаема для всего того, что происходит вокруг. Я умираю со страху, говорю я Пабло. И опять прижимаюсь к нему. А он прижимает меня очень сильно. А я люблю вот так очень сильно прижиматься к нему.

Люди в этот момент начинают равномерно покачиваться вокруг нас, без сомнений, потому что они пьяные. Но вещи тоже начинают покачиваться и вращаться, и внезапно я понимаю, что это я, должно быть, пьяная. Алкогольный гул в моих ушах. Ощущение погружения в толпу как нагруженный корабль в волнуемое море. Внезапно мне хочется смеяться. Было бы хорошо рассмеяться. Он подумал бы: потрясающая Луиза довольна, я так рад, что Луиза развлекается на празднике. Но нет. Это больше не наказание, поскольку официально мне страшно и поскольку бояться это так же интересно, как и смеяться. Больше ничего нет, кроме этого жёлтого тумана у меня перед глазами.

Потому что чем ближе мы подходим к арене, тем становится жарче. В кафе, конечно, тоже было жарко. Но я не оплошала. Я была слишком занята тем, что подпитывала ожидание и страх. Тогда как там, это ощущение жары: это ещё не эмоция, не чувство, но уже что-то и это прогресс. Я сжимаю руку Пабло в своей. Мы топчемся на месте в толпе, по утопанной земле, навоз, ржание. Мы топчемся на месте, да, но не в том же смысле, что и остальные, потому что Пабло знает короткий путь, и скрестив пальцы на пальцах Пабло я позволяю ему вести меня против течения и во всю прыть, в многолюдной толпе, алкогольное дыхание, запах навоза и вафель. Мы с Пабло не медлим. Мы тут не для того, чтобы медлить, отдаться жизни и любить. Итак, я иду. Я позволяю вести себя и иду. И, в конце длинного наклонного коридора, где мы одни, странно одни, я замечаю узкую щель света и медленные завитки пыли в конце.

Пабло замедляет шаг, отпускает мою руку, я вновь хватаю его, он улыбается, толкает меня перед собой в направлении щели света, наши пальцы всё ещё сжаты. В тот момент, когда мы подходим к нему, я понимаю всё. В тот момент, когда я захожу в конус сияния, я понимаю возбуждение и страх, понимаю Пабло, понимаю все истории, который он мне рассказал, чтобы описать мне то, что я буду испытывать. Там тысячи людей и солнце, и пыль, и музыка, и жара. Там улей под открытым небом, огромный, шумный, пахучий. А потом я понимаю, что я совсем ничего не поняла, потому что никогда в жизни не ожидала увидеть то, что вижу сейчас.

Я не знаю, на что я рассчитывала. Без сомнений, ни на что особенное. Без сомнений, я просто не подготовлена. Однако, он мне рассказал. Объяснил мне взмахи плащом, фаену, мулету, бык, который бросается на лошадь, это нормально. Он должен был рассказать мне о защите лошадей, о щелях в защите, об отчаянном беге по песку. Но я не должна была ни слушать, ни слышать. А в момент, когда вижу его, я кричу: тысячи людей вокруг меня безмолвны, сконцентрированы, но я ору, не знаю, я не подготовлена, он, однако, он полностью объяснил мне это как имя Божье, так что я должна была его слушать, но всё же не слушала, всё происходит слишком быстро, у меня даже нет времени закрыть глаза, я остаюсь намагниченной пленённой загнипнотизированной а когда бык обрушивается, я воплю и вместе с ним я тоже обрушиваюсь.

Пабло бросается ко мне, держит за плечи, чтобы не дать мне упасть, тащит меня, не знаю как в тёмный и длинный коридор. Должно быть, мне больно дышать. Мне стыдно, так стыдно, исчезнуть, провалиться под землю, стыд, стыд, стыд. Прости меня, Котошка, говорит он мне, прости меня, это должно было слишком нереальным, слишком надуманным, я тебе, наверное, не рассказывал о смерти. Это моя ошибка, я утаил от тебя смерть.

*

Я нашла нового гинеколога. Та милашка, что жила этажом выше меня, когда я была маленькой, и которая диагностировала мою беременность на пятом месяце, уехала в США. Тогда куча благонамеренного народу, поружки, подруги подружек, рекомендовали мне других, каждая ещё более потрясающая, чем предыдущая, это просто безумие, то, как люди обожают прицеплять вас к своему дантисту или доктору. Я видела симпатичных, серьёзных, растормаживающих, буддистов, артистов, геев, старых, потому что это лучше, молодых, потому что с ними веселее, кундалинистов⁷¹, гинеко-римато-психомеопатов. Но именно во время того, как я шла купить сигарет, на углу улицы Сизо я увидела рекламу, которая убедила меня. Дзынь-дзынь... А Вы случайно... Нет-нет, не срочно... Никого не видела за семь лет, так что могу подождать недельку-

---

71. Кундалини - в йоге и эзотерике название энергии, сосредоточенной в основании позвоночника человека.

другую... Прямо сейчас? Ах, хорошо, прямо сейчас, почему бы и нет... Я отдаюсь этому порыву. Объясняю всё докторше. Она ни молода, ни стара, ни симпатична, ни враждебна, ни возмущённа ни шокирована ни непринуждённа, она немного смущает меня, когда она говорит мне разденьтесь, но недостаточно для того, чтобы я убежала. Таблетки без перерыва на протяжении семи лет? Это не так уж и важно. Двадцать четыре сигареты в день? Это слишком, но это также не очень важно. Что надо делать? Бросить, когда закончится пачка, это то, что делают все девушки вашего возраста, но надо просто делать то же самое, само собой, предупреждаю Вас, это не вернётся сразу же. Тем лучше, шепчу я. Простите? Я сказала тем лучше. Ах, но следует знать, что вы хотите. Вы правы, говорю я, это не так уж и страшно, так что я ещё не особо знаю, чего же я хочу. Одевайтесь, ворчит она. Но поскольку я без сомнений краснею, она смягчается: а Ваша мама (я совершенно всё ей рассказала, описала общую картину), вы хоть о маме хорошо заботитесь? Я делаю, что могу, отвечаю я. Хорошо, хорошо, это важно, не только для неё, но и для Вас, это и Вам поможет вылечиться, это так же важно, как и иметь ребёнка. Знаю, говорю я на выдохе, знаю, хоть и я стесняюсь так думать, но я ненавижу мысль о том, что болезнь мамы может как-то помочь мне. Одеваясь я замечаю, что потеряла лифчик, где он? где он? должно быть, он соскользнул под кресло или куда-нибудь в угол комнаты, но я не отваживаюсь сказать ей, я уже сказала достаточно таких вещей, я спешу, если б я носила платье, то было бы быстрее, платье надевается как свитер, но нет, мои джинсы, шнурки кроссовок, снаружи я вдыхаю, чувствую себя свободной, почти довольной, ребёнок? почему она говорила о ребёнке? и почему на улице люди смеются проходя мимо меня? Только придя в офис я поняла: мой лифчик как плющ обвил левое бедро.

Единственная вещь, которая меня волнует, Адриен, из всего, что ты говоришь мне и о чём я знаю из твой новой жизни это ни Паула, ни твой сын, ни история о выпадении волос, ни твои новые жесты, нет, единственная вещь, которая удивила бы меня это знать, что ты получил водительские права. Знаю, это глупо. Это бессмысленно. Но в то же время я представляю тебя, должно быть, ты водишь слишком быстро, одновременно с этим делая что-либо ещё, одна рука на руле, другая на волосах девушки, зеркало заднего вида развёрнуто к твоему лицу, чтобы проверить, как ты выглядишь, что всё хорошо, что ты красив, машина должна реветь, мчаться, подпрыгивать так, что удары не чувствуются, если б я была девушкой рядом с тобой, я пела бы тебе песни, играла бы с твоим лицом как я всегда любила это делать, поднимать бровь большим пальцем, смотреть на то, что получилось, начинать делать то же самое с другой, тянуть твою губу вниз, толкать её к ноздрям, щипать щёку и разрываться от смеха, ты позволял это делать, позволял повторять вновь и вновь, твоё лицо под моими пальцами как тесто, из которого надо что-либо вылепить, ты позволял не давать тебе покоя, знал, что даже кривляясь я любила тебя, ты знал, что с носом на боку, губой на носу, а одним глазом ниже другого я любила тебя безумно и навсегда, это не раздражало тебя, это веселило тебя, ты сказал бы осторожно, все же я за рулём, никто не водит лучше меня, хорошо, но искушать дьявола тоже не нужно, я бы пообижалась минут пять, начала бы заново, мы бы опять посмеялись, представляю твой профиль смеющегося ребёнка, прыщ у тебя на носу, растянутые в улыбке губы, которая не сходит с лица, покачивание твоего лица, как будто оно на пружинах, я всё это представляю, это всё понравилось бы мне, ровно как и открытые окна и ветер, который надувает твою рубашку, глаза, слезящиеся от скорости, у меня на коленях была бы дорожная карта, она бы взлетала, всё равно я никогда не умела читать дорожные карты, может, я научилась бы, а может и нет, это вон там, нет, вон там, ох, нет, давай лучше проедем здесь, это закончилось бы тем, что я бы махала картой из окна, а ты, чтобы отомстить, как в тот день, когда выкинул через форточку нашей комнаты, с седьмого этажа, все диски того певца, который казался мне милым, и к которому ты ревновал, ты сбавил бы газ на секунду чтобы разбить в лепёшку мою пачку сигарет, видишь, Адриен, дорогой, у меня не получается представить нас иначе, нежели дерущимися как дети, мы были детьми, может быть, именно поэтому и хорошо, что ты ушёл.

Ты приехал на машине, так что не без основания предлагаешь подвезти меня. Сначала я соглашаюсь из вежливости, по привычке, потому что я больше не хочу обижать тебя. А потом сразу же отказываюсь от этого, сейчас, когда мы уже не любим друг друга, сейчас, когда мы целуемся в щёки, чтобы сказать друг здравствуй и до свиданья, сейчас, когда мы должны прилагать усилия, чтобы поговорить друг с другом, нет, нет, я этого не хочу, это было бы слишком грустно, слишком жалко, так что я придумываю отговорку, не важно какую, я говорю я должна остаться, я жду людей, уже сказала им, понимаешь, что подожду их здесь, может, в следующий

раз, спасибо, спасибо, рада вновь видеть тебя, рада поговорить с тобой и рада, что ты хочешь проводить меня. Ты ничего не говоришь. Ты знаешь, что следующего раза не будет и то, как ты подвозишь меня это воспоминание, которого нам будет не хватать, мертворождённое воспоминание, как ребёнок, оно совершенно чёткое и в то же время его не было, разве мы можем ностальгировать о том, чего не было? Затем на протяжении всего вечера ощущение подавленности. Как если бы ты меня подвёз на своей чёртовой машине с чёртовыми водительскими правами. Как если бы ты меня разбил в лепёшку как пачку сигарет наших воспоминаний, которых не было или же как окурки. Ты меня упрекал, помнишь, в том, что я не умею тушить окурки. На протяжении нескольких лет ты пытался научить меня. Смотри, это просто, начинаешь с того, что маленьким крутящим движением, чтобы отделить раскалённый кончик от остальной части, а потом тушишь, вот так, смотри. Странно, но у меня не получалось. У меня и сейчас не получается. Я оставляла сигарету тлеть в одиночестве, и это сильно тебя раздражало, а я говорила, чтобы подшутить, что однажды ты бросишь меня, потому что тебе надоест моя манера не тушить окурки. Возможно, именно поэтому-то ты и бросил меня. Мы ошиблись и признались друг другу в этом. Я подседа на наркотики, и мы поссорились. Я прочитала твои личные дневники, а ты отсканировал мои. Я чуть не выбросила кота в окно, ты выломал дверь ванной ударом плеча, потому что я заперлась внутри и притворялась мёртвой, которая больше не отвечает. Я глубоко порезала ногу разбив зеркало, закрылась на ключ в стенном шкафе, приняла смертельную дозу снотворного, чуть не угробила твою карьеру, у нас были споры по поводу чёртовых денег, мы убили нашего будущего ребёнка, пережили, однако, всё это и говорили, что если наша любовь выжила, если она торжествовала над всеми этими ужасами, значит, она нерушима. И вот. Две вещи, которые она не пережила. Моя манера не тушить сигареты и способ, которым новая женщина всей твоей жизни разрушила нашу. Твоя Паула - мерзавка. Я сказала это тебе тогда, в кафе. Я даже сказала, что она шлюха, настоящая ёбаная потаскуха, которая срёт на вентилятор и смотрит на то, что получилось. Ты должен был дать мне пощёчину, когда я сказала это или протестовать, или рассердиться, но нет, ты просто попытался объяснить, оскорблённый, но едва ли, нет, нет, ты ошибаешься, она хорошая, благородная, у неё возвышенная душа. Да ты что! Настоящая стерва! Она закончит как маркиза де Мертей⁷²! Вот что я сказала тебе, ты не заткнул меня, и это больше всего меня возмутило.

*

Да, а может, на самом деле, так и лучше. Может, чтобы стать взрослыми нам надо было расстаться. Может быть, это был единственный способ вырасти, прежде чем постареть, не стать однажды старыми избалованными детьми. Может, это надо было для того, чтобы однажды понять, что же на самом деле значит любить. Любить не значит быть похожими друг на друга. Любить не значит быть одинаковыми, вести себя как близнецы, верить, что мы неразделимы. Любить это не бояться расстаться или перестать любить друг друга. Любить это согласиться упасть в одиночестве и не вставать в одиночестве, я не знала, что значит любить, сегодня у меня такое чувство, будто я знаю об этом чуть больше. Я смотрю на Пабло, на его полуоткрытые веки, на пот, стекающий по его лбу, который высушивает солнце на половине пути, резкая тень его руки на песке и дыра в небе над ним. Он спит. Вот так мы уехали, безрассудно; на мой день рождения он подарил мне большую карту мира, сказал мне выбирай: я закрыла глаза, поблуждала пальцем по бумаге и остановилась на Бразилии. Не знаю, что бы мы делали, если б он остановился на Мелёне. Давай заново, сказал бы он. Давай заново. В аэропорте Сальвадор-да-Баия мы сдали багаж. Никакой одежды, никаких купальников, никаких книг, больше ничего. Ничего, кроме нас двоих в комнате отеля и ослепительная белизна моря перед нами. Нам хорошо. Однако это странно началось: покрасневший от ржавчины катамаран равномерно покачивался во время бури, и в то время, как бразильцы, туристы, дети в дождевиках блевали, перекидываемые от одной палубы к другой, тогда как маленькая продавщица браслетов повязывала мне на запястье Деву Марию и просила загадать желание, тогда как Пабло пристально смотрел на невидимую точку на горизонте помирая со смеху, тогда как я концентрировалась, чтобы не поддаться морской болезни, я задавалась вопросом сделаю ли я операцию от близорукости, чтобы видеть вдаль, как остальные, а то вокруг себя я ничего не вижу, да к тому же чтобы без линз посмотреться в зеркало мне нужно

---

72. Маркиза де Мертей - персонаж романа Шодерло де Лакло "Опасные связи" (фр. *Les Liaisons dangereuses*).

приблизиться настолько, что нос касается отражения носа. В этот момент я кошу глаза. Я больше ничего не вижу, кроме носа, искривлённого в одну сторону с тех пор, как я упала с велосипеда. Я говорила себе может быть, мне надо прооперировать и нос, как Терминатор-Паула, нет, я прикалываюсь, я люблю свой кривой нос, Адриен был со своей матерью в Израиле, мы созванивались по десять раз на дню, люблю тебя, я тоже, нет, я, нет, я, но это сочетается, это правда, что мы безумно любили друг друга, мы были двумя детьми, обезумевшими от любви, фу, вся эта липкая риторика, все эти возвышенные жалобные сантименты, когда я слышу, как люди говорят друг другу я люблю тебя, мне хочется их ударить, Пабло, он хочет бить женщин в шляпах, не знаю, почему, он - тоже, он просто немного чокнутый, это веселит меня, мы созванивались по десять раз на дню просто чтобы сказать, что любим друг друга, чтобы напомнить друг другу об этом, как призыв муэдзина⁷³, особенно не забывайте, что Аллах велик, Аллах велик, нет, нет, я не забываю, мои бабушка и дедушка показали мне счёт за телефон, 1500 франков только чтобы сказать друг другу и повторить, что любим друг друга, я была возмущена тем, что она не наорала на меня, я была глупой, была эгоистичной и я сломала нос упав с велосипеда, отлично! я прооперирую только глаза, я хочу только видеть, видеть, наконец, немного дальше, чем кончик моего носа, может, так я и начну настоящую жизнь.

Я думала об этом, когда это случилось, когда эта горячая и отвратительная штука вернулась в первый раз за семь лет. Люди на катамаране больше не блевали, вдали был замечен остров Моро, спрятанный в море, как животное, в то время как лужица липкой крови растекалась на земле подо мной. Я хотела упасть в обморок, симулировать приступ тетании⁷⁴, но ничего не сделала, я была парализована от стыда, позволила Пабло повязать его джинсовую куртку вокруг моей талии, пробить нам путь в толпе и вести меня по радару в Пусада дас Флорес⁷⁵. Там он посадил меня на кровать и ушёл, чтобы купить мне зелёное платье в белую клетку в единственном магазине на острове. Мне понравилось платье. Я ношу его и сейчас. Погода жаркая, а платье хороши в жару. Я уже не бывшая жена. Думаю, я рада. Я даже думаю, что рада больше, чем когда-либо, даже чем когда с Адриеном всё было хорошо. Это правда, что я хотела умереть, когда мы убили нашего ребёнка, но я уже не так скорблю об этом, поскольку, в конце концов, у нас его не было. Я считаю, что не стоит скорбеть об умерших. И уж тем более, если у них не было времени пожить. Это правда, что я хотела умереть и когда Адриен ушёл, но я не сломилась. Всегда именно я уходила, и это не считалось. И опять же ушла я потом, когда уже ничего больше не считалось. Я знаю, это до сих пор ужасно, и это до сих пор причиняет ужасную боль, и что разрыв всегда играет плохую роль, и что он всегда имеет тенденцию сказать суки, подлецы, такая милая девочка, как я, такой славный парень, как мы смогли такое друг с другом? Но всё же, тип, который бросает девушку, которую он любит, чтобы завести ребёнка с невестой своего обожаемого отца это не такой частый случай. Он не был обязан стать этим нищим Ипполитом, нет так ли? Его не заставляли играть роль маленького подлеца, всажывающего свой кинжальчик в спину тех, кто любит его больше всего на свете. Я помню, как-то раз в Поркероль мой отец сказал его отцу, как жаль, что имея такой талант, у тебя нет работы, а тот ответил гордо показывая пальцем, у меня нет работы, потому что у меня есть шедевр, и этот шедевр - Адриен. Какая грязь! Какое уныние! Я думаю, что в тот день они уже были любовниками. Вечером она спала с его отцом, а Адриен отыскивал её после полудня, - старый охранник рассказал мне это, - в большой комнате на первом этаже, в которую, как он знал, я никогда не зашла бы, потому что какая-то птица свила гнездо на балке, а я боюсь птиц. Вдруг, всё это кажется мне таким далёким. Это как высохшая боль, дощечки печали, лишённые гибкости, большой заглушённый вздох и сожаление обо всех этих милых вещах, которые нам оставалось сделать, и которые мы не уже не сделаем: чтобы разгадать прошлое понадобился бы магический шар. Осторожно, грустной тоже не надо быть. И особенно не надо вновь начинать плакать. Если заплачу, то упаду. И что это будет значить? влюбиться или стать несчастной? Невозможно упасть чуть-чуть. Если я падаю, то всегда свысока.

В то же время меня уже достало быть осторожной. Задолбала близорукость, глухота, немота. Но меня задолбало также быть заключённой внутри себя со всеми этими чувствами,

---

73. Муэдзин - в исламе служитель мечети, призывающий мусульман на обязательную молитву (намаз).

74. Тетания - судорожные приступы, обусловленные нарушением обмена кальция в организме.

75. Pousada das Flores - сеть бразильских гостиниц.

которые я объявила вне закона, со всеми этими словами, которые я больше не хочу произносить, лучше умереть, чем произносить их говорю я себе, в топку отслужившие подержанные слова, это как моё сердце и моё тело, они тоже уже подержанные, они тоже уже пережили любовь и страдание, и что? я, однако, не буду ни реинкарнировать себя, ни проскальзывать в чью-нибудь душу, они там, эти слова, во всяком случае, они у меня в голове, в моём горле, Пабло пьёт их, когда целует меня, он слышит их даже когда я их запираю, ты что думаешь, идиотка? ты серьёзно думаешь, что я не слышу слова любви, которые ты не произносишь? Конечно, прав он. Мне стыдно и мне стыдно за то, что мне стыдно. Мне стыдно их думать, эти слова, и ещё более стыдно не мочь их произнести. Меня задолбал этот холод во мне. Достало не чувствовать ни жар, ни боль. Достало быть на краю жизни, счастья, несчастья, людей, коррид, смерти. Чёртова моя лживая жизнь. Чёртов чёрный цвет, тишина, анестезия, коты, джинсы. Пабло прав. Надо прекращать не жить. Надо прекращать не плакать. Надо прекращать удерживать слёзы, со временем из-за этого появится целлюлит на лице. Надо, чтобы ты прекратила бояться того, что ты жива, сказал он мне намеренно в аэропорту. Каждый раз, когда ты включаешь радио на полную катушку в ванной я знаю, что ты писаешь. Надо прекратить, Любовь Властелина. Надо прекратить возвышенную любовь, красивые и благородные и прекрасные любовники. Каждое утро мы помятые, у нас плохой запах изо рта, вот так, нужно принять это, ведь это тоже жизнь. Жизнь это то, что однажды я брошу Пабло или Пабло бросит меня. Я предпочту ему кого-нибудь или я его задолбаю, и это будет грустно, но не трагично. А потом грусть пройдёт, она тоже, как счастье, как жизнь, как воспоминания, которые мы забываем, чтобы меньше страдать или которые перемешиваем с чужими воспоминаниями или с ложью. Безвкусный парфюм из кокосового молока, наши оцарапанные сланцами ноги, огромные многоножки, которые бегают по дорогам земли, алая вода реки Гарапоа, маленький взъерошенный ослик, который плещется в лужице как щенок, и эта большая жёлтая собака, которая шла за нами с самого нашего приезда, у меня уже есть воспоминания с Пабло, это уже сделано, это день, который настал, Видишь, Луиза, мы начинаем заново, сказал мне он этим утром. Начинать заново, вот это считается. Я не люблю его так, как любила Адриена. Я его больше не люблю так, как любят дети. Жизнь это черновик, в конце концов. Каждая история это черновик предыдущей, мы перечёркиваем, перечёркиваем, а когда получается почти настоящее и без опечаток, это уже конец, остаётся только уйти, поэтому-то жизнь такая долгая. Ничего особенного.